

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ОГНИ НЕБЕС

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 5

Колесо Времени

Роберт Джордан

Огни небес

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Джордан Р.

Огни небес / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус», 1993 — (Колесо
Времени)

ISBN 978-5-389-19411-3

«Нет спасения без разрушения, нет надежды по эту сторону смерти», – гласит пророчество о Драконе. Со времени, когда большинство айильских вождей признали Ранда ал’Тора Драконом Возрожденным, или Тем-Кто-Пришел-с-Рассветом, все новые и новые бедствия охватывают страну. В Белой Башне – раскол. Элайда, возглавившая Престол Амерлин, наводит свои порядки, и многие Айз Седай оставили башенную обитель. Клан Шайдо, не признавший Ранда, покинул свои пустынные земли и, одолев Дракону Стену, двинулся походом на Кайриэн. Чтобы не допустить насилия и разграбления страны, Ранд отправляется в погоню. В жесточайшей битве под стенами Кайриэна погибают лучшие из лучших, но Дракону Возрожденному невдомек, что самая страшная, самая горькая из потерь ждет его впереди... В настоящем издании текст романа «Огни небес» заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-19411-3

© Джордан Р., 1993
© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

Пролог	9
Глава 1	26
Глава 2	50
Глава 3	65
Глава 4	78
Глава 5	87
Глава 6	102
Глава 7	117
Глава 8	125
Глава 9	132
Глава 10	143
Глава 11	153
Глава 12	162
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Роберт Джордан

Колесо Времени. Книга 5: Огни небес

THE FIRES OF HEAVEN

Copyright © 1993 by The Bandersnatch Group, Inc.

Maps by Ellisa Mitchell

Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell

All rights reserved

© Т. А. Велимеев, А. Ю. Сизиков, перевод, 1997

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Издательство благодарит за помощь в работе над циклом «Колесо Времени» Бориса Германовича Малагина, †Дмитрия Александровича Духина†, а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света», способствовавших выходу в свет настоящего издания.

* * *

Толкин для нас этот мир открыл, а Джордан стал в нем полноправным хозяином.

The New York Times

Драматургия романа выверена по законам классики жанра, характеры героев описаны точно, тонко, правдиво до мелочей и полутонов. Простые люди, со всеми их человеческими проблемами, страхами и желаниями, втянуты во вселенский конфликт... Перед нами филигранная аллегорическая фэнтези, по силе и глубине равнозначная произведениям Толкиена.

Publisher's Weekly

Чертовски занимательная история!

Читая, забываешь даже о сне.

Asimov's Science Fiction

Безусловно, эту книгу я включаю в мою коллекцию лучшего из прочитанного. И с нетерпением буду ждать продолжения, обещанного в конце.

Андре Нортон

* * *

Харриет

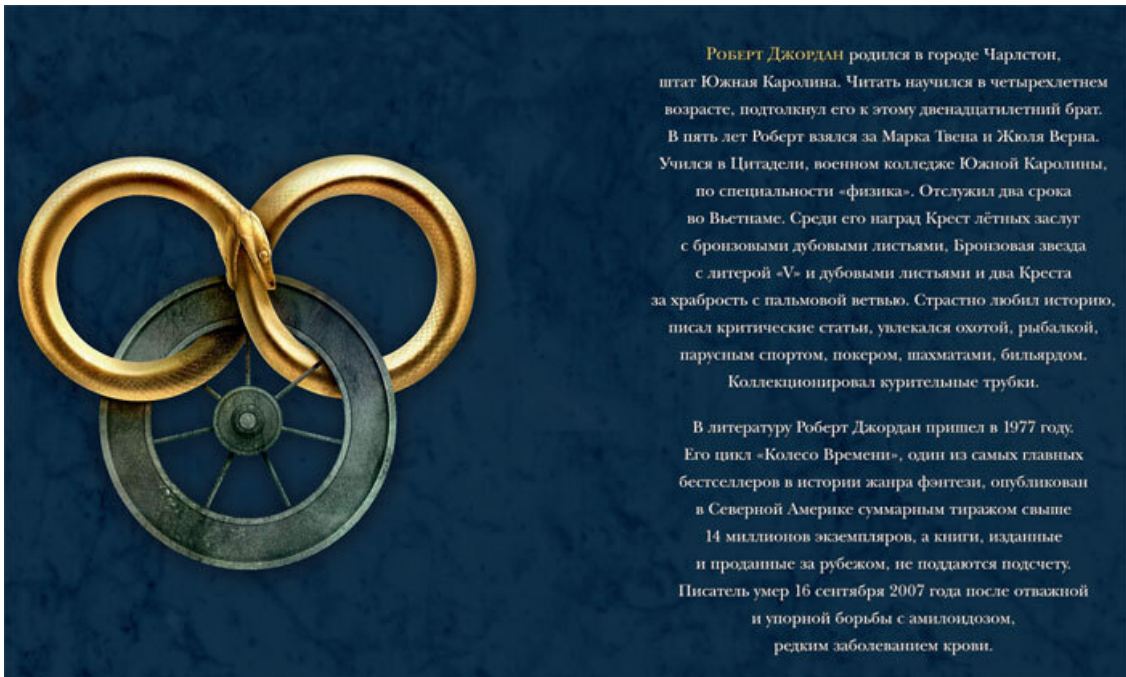
Мой Свет – свет ее глаз

С пришествием его низвергнутся вновь ужасные огни. Сгорят холмы, и станет пеплом почва. Спадут людские волны, и сокроятся

сроки. Пробита стена, и поднята вуаль погибели. Громяхают за горизонтом грозы, и огни небес очистят землю. Нет спасения без разрушения, нет надежды по эту сторону смерти.

Из «Пророчеств о Драконе»;
перевод приписывается Н'Делии Басолайн,
Первой Деве и Скрепленной мечом с Райденом из Хол Кушоне
(около 400 г. после Р. М.)

***

Роберт Джордан родился в городе Чарлстон, штат Южная Каролина. Читать научился в четырехлетнем возрасте, подтолкнул его к этому двенадцатилетний брат. В пять лет Роберт взялся за Марка Твена и Жюль Верна. Учился в Цитадели, военном колледже Южной Каролины, по специальности «физика». Отслужил два срока во Вьетнаме. Среди его наград Крест лётных заслуг с бронзовыми дубовыми листьями, Бронзовая звезда с литерой «V» и дубовыми листьями и два Креста за храбрость с пальмовой ветвью. Страстно любил историю, писал критические статьи, увлекался охотой, рыбалкой, парусным спортом, покером, шахматами, бильярдом. Коллекционировал курительные трубки.

В литературу Роберт Джордан пришел в 1977 году. Его цикл «Колесо Времени», один из самых главных бестселлеров в истории жанра фантазии, опубликован в Северной Америке суммарным тиражом свыше 14 миллионов экземпляров, а книги, изданные и проданные за рубежом, не поддаются подсчету. Писатель умер 16 сентября 2007 года после отважной и упорной борьбы с амилоидозом, редким заболеванием крови.

Пролог

Падают первые искры

Сидя за широким письменным столом, Элайда до Аврини а'Ройхан рассеянно теребила наброшенный на плечи длинный семиполосный палантин – палантин Престола Амерлин. На первый взгляд многие сочли бы Элайду красивой, если бы не суровость ее лица – лица Айз Седай без следов прожитых лет, – однако очень скоро становилось ясно: хмурая сосредоточенность не связана с серьезностью обсуждаемого дела, она не оставляла ее никогда. Но сегодня в лице Элайды было заметно и нечто большее, а в темных глазах вспыхивал гневный огонек. Но заметил ли кто его?

Элайда почти не слушала женщин, сидевших перед ней на табуретах. Ряды разноцветных платьев – от белого до темно-бордового, из шелка или тонкой шерсти, сообразно склонностям и желаниям, – и на всех, кроме одной, – шали с Белым Пламенем Тар Валона по центру, отороченные цветной бахромой, соответствующей Айя обладательницы. Как будто сейчас здесь заседал Совет Башни. Обсуждали донесения и слухи о событиях в мире, стараясь отсеять факты от шелухи вымыслов, стремясь определить отношение Башни к происходящему и выбрать надлежащую линию действий, но редко кто-то из присутствующих обращал взор на женщину за столом – ту, которой они поклялись подчиняться. Но те, кто здесь был, особо не занимали мысли Элайды. Сидящие напротив нее не понимали, что же важно на самом деле. Точнее, понимали и страшились заговорить об этом.

– По-видимому, в Шайнаре что-то происходит. – Это была Данелле, хрупкая, часто будто витающая в облаках Коричневая сестра – единственная присутствующая здесь от своей Айя. Зеленую и Желтую Айя тоже представляло по одной сестре, и ни одной из трех этих Айя радости подобное обстоятельство не доставляло. Голубых не было вовсе. Сейчас большие голубые глаза Данелле смотрели куда-то в пространство; на щеке виднелось нестертое чернильное пятнышко, а темно-серое шерстяное платье было помято. – Какие-то слухи о приграничных стычках. Не с троллоками и не с айильцами, хотя, вероятно, набег через Найамские перевалы участились и стали более жестокими. Стычки между шайнарцами. Необычно для Пограничных земель. Друг с другом они сражаются редко.

– Если они затеяли гражданскую войну, то выбрали самое подходящее время, – холодно заметила Алвиарин. Высокая и стройная, в белом шелке, она одна сидела без шали. Облегающий ее плечи палантин тоже был белым; цвет указывал, из какой Айя она назначена на пост

хранительницы летописей. Из Белой. Не из Красной, к которой прежде принадлежала Элайда, что шло вразрез с традициями. Белые сестры всегда оставались холодны. – Троллоки же будто совсем исчезли. Все Запустение, кажется, затихло и присмирело настолько, что сдержать его по силам двум фермерам и одной послушнице.

Костлявые пальцы Теслин забегали по бумагам, лежащим у нее на коленях, но на свои записи она не взглянула. Она была одной из четверки присутствующих здесь Красных сестер – больше, чем из любой другой Айя, – и отличалась не меньшей суровостью и строгим блеском в глазах, чем Элайда, но вряд ли кто назвал бы ее красивой.

– Вероятно, было бы лучше, чтобы оно не настолько притихло, – произнесла Теслин с сильным илианским акцентом. – Этим утром я получила сообщение. Маршал-генерал Салдэйи отправил в поход армию. И не в Запустение, а в противоположную сторону. На юго-восток. Он бы ни за что так не поступил, если б Запустение не казалось уснувшим.

– Значит, просочились слухи о Мазрима Таиме. – Таким же недрогнувшим голосом Алвиарин обсуждала бы и погоду, и цены на ковры, а не потенциальную катастрофу. Столько сил ушло, чтобы схватить Таима, и неменьших трудов потребовало сокрытие в тайне его бегства. Ничего хорошего не будет для Башни, узнай весь мир о том, что Айз Седай не сумели удержать в своих руках пойманного Лжедракона. – И по-видимому, королева Тенобия, или Даврам Башир, или они оба полагают, что в деле с Таимом на нас больше нельзя полагаться.

При упоминании Таима повисла гнетущая тишина. Мужчина, способный направлять Единую Силу. Он был уже на пути в Тар Валон, где его ждало немедленное укрощение, где его навсегда отсекали бы от Истинного Источника, и тем не менее ему удалось вырваться на свободу. Однако не это событие обуздало языки присутствующих. Некогда существование мужчины, способного направлять Единую Силу, было страшным проклятием; поиски подобных мужчин были главной целью Красной Айя, а все прочие Айя помогали Красным сестрам по мере сил. Но теперь большинство сидящих перед столом женщин беспокойно заерзали на табуретах, стараясь не встречаться друг с другом взглядами, потому что разговор о Таиме слишком близко подводил к иной теме – теме, которую никому не хотелось обсуждать. Даже Элайда почувствовала, как к горлу подкатывает желчь.

Алвиарин же, по всей видимости, не испытывала схожего чувства. Уголок ее рта мимолетно дрогнул, то ли в намеке на улыбку, то ли в гримасе.

– Я удвою наши усилия для поимки Таима. И предлагаю отправить сестру к Тенобии, в советницы. Таковую, которая привыкла преодолевать упрямство и склонность перечить, присущие этой молодой женщине.

Тут и другие поспешили прервать тягостное молчание.

– Да! Советница Айз Седай ей необходима, – оправив на хрупких плечах шаль с зеленой бахромой, сказала Джолин и улыбнулась, хотя улыбка ее и оказалась несколько натянутой. – Причем такая, которая справится с Баширом. На Тенобию он оказывает излишне большое влияние. Он должен вернуть свою армию. Туда, где она будет нужнее, когда проснется Запустение.

Слишком многое открывалось взору в вырезе платья, еле прикрытого шалью, а бледно-зеленый шелк чересчур облегал тело, чересчур обрисовывал его. И, как представлялось Элайде, чересчур часто Джолин улыбалась. Особенно мужчинам. Вечно эти Зеленые улыбаются мужчинам.

– Не хватало нам сейчас еще одной армии в походе, – быстро сказала Шимерин, Желтая сестра. Этой полноватой женщине каким-то странным образом почти никогда не удавалось выдерживать внешней невозмутимости, характерной для Айз Седай. И слишком часто, особенно в последнее время, у ее глаз собирались тревожные морщинки.

– И нужно послать кого-то в Шайнар, – добавила Джавиндра, еще одна Красная. Несмотря на гладкие щеки, ее угловатое лицо своей жесткостью наводило на мысль о молотке. Голос Джавиндры звучал резко и жестко. – Мне не нравится подобная смута в Пограничье.

Хуже не придумать, если через ослабевший во внутренних сварах Шайнар прорвутся тролло-
чьи орды.

– Скорей всего, – согласно кивнула Алвиарин. – Но ведь в Шайнаре есть наши агенты. У Красных, я уверена, есть. И у прочих, пожалуй? – (Четыре Красные сестры неохотно кивнули. Больше никто.) – Пусть они и предупредят нас, если небольшие споры перейдут в нечто такое, что беспокоит нас.

Не составляло тайны, что каждая Айя, кроме углубленной в логику и философию Белой, во всех государствах имела свои глаза и уши, хотя сеть осведомителей Желтой Айя считалась самой слабой и незначительной. Последнее объяснялось просто: что Желтые могут узнать о болезнях или Исцелении от тех, кто не способен направлять? У отдельных сестер были свои доверенные люди, но их оберегали еще больше, чем агентов Айя. Самая густая и разветвленная сеть конфиденентов, как личных, так и самой Айя, принадлежала Голубым сестрам.

– Что касается Тенобии и Даврама Башира, – продолжала Алвиарин, – то все согласны, что эти трудности будут преодолены посланными к ним сестрами? – Едва сидевшие на табуретах женщины успели кивнуть, как она продолжила: – Хорошо. С этим все. В самый раз будет Мемара – она не станет слушать всякой ерунды от Тенобии и в то же время не позволит ей увидеть накинутую на нее узду. Далее, есть ли у кого-нибудь известия из Арад Домана или Тарабона? Если мы срочно не предпримем что-нибудь, то очень скоро обнаружим, что от Бандар Эбана до Побережья Тени господствуют Пейдрон Найол и белоплащники. Эванеллейн, у тебя есть что сказать?

Арад Доман и Тарабон пылали в пламени гражданской войны, и даже хуже. От прежнего порядка не осталось ничего, никто не подчинялся никакому закону. Но хуже всего другое – порядка не было нигде. Элайду весьма удивило бы, если бы его удалось восстановить.

– Только слухи, – отозвалась Серая сестра. Ее шелковое платье под цвет бахромы шали было превосходно сшито и имело глубокий вырез. Элайде часто приходило в голову, что Эванеллейн следовало бы избрать Зеленую Айя – уж очень много внимания она уделяла своей внешности и нарядам. – Чуть ли не каждый в этих несчастных странах – беженец, бежали и те, кто мог бы отослать нам сообщения. По-видимому, панарх Аматаера исчезла, и в ее исчезновении, возможно, замешаны Айз Седай...

Пальцы Элайды сжали палантин. На лице ее чувства не отразились, но в глазах зажегся опасный огонек. Хватит обсуждать салдэйскую армию. Хорошо хоть Мемара из Красной. Удивительно, но они даже не поинтересовались мнением ее, Элайды. Просто «с этим все». От этих мыслей Элайду не отвлекла даже ошеломляющая возможность того, что к исчезновению панарха причастны Айз Седай – если только это не одна из тысячи неправдоподобных рассказов, дошедших с западного побережья. От океана Арит до Хребта Мира повсюду найдется какая-нибудь Айз Седай, к тому же от Голубых теперь всего можно ожидать. И двух месяцев не прошло, как все они на коленях клялись ей в верности – как олицетворению Белой Башни. А что теперь? Принимают решения, даже не удостоив ее взглядом!

В Белой Башне кабинет Амерлин располагался на среднем уровне, однако эта комната являлась центром Башни, как сама башня цвета выбеленной кости была ядром громадного города на острове, который покоился в объятиях реки Эринин. Центром города Тар Валон. А Тар Валон – центр всего мира – или должен им быть. В самом этом помещении присутствовал отпечаток власти, того могущества, каким обладали женщины, занимавшие эти апартаменты на протяжении жизни многих поколений. Пол здесь был из полированного краснокамня, вывезенного из Гор тумана, высокий камин сложен из золотистого кандорского мрамора, стены обшиты панелями из бледного дерева с необычными полосами, богато украшенными причудливой резьбой. Резным неведомым птицам и зверям было более тысячи лет. Выходившие на балкон над личным садом Амерлин высокие сводчатые окна обрамлял камень, блестящий, точно жемчуг. Об этом камне, спасенном из безымянного города, который во время Разлома

Мира поглотило Море штормов, было известно всем и везде – такого камня, как этот, не было нигде на планете. Комната олицетворяла власть, несла на себе отблеск всех Амерлин, которые на протяжении почти трех тысячелетий заставляли владык и королей исполнять их волю. Порой бывало достаточно одного слова. А эти... Они даже не удосужились спросить ее мнения!

Подобное оскорбительное пренебрежение стало повторяться уж слишком часто. Хуже и, вероятно, горше всего то, что они узурпировали власть, нисколько не задумавшись о последствиях. Им известно, как палантин оказался на плечах Элайды, ведь именно их поддержка возложила на нее этот знак достоинства Амерлин. Да и самой Элайде все это слишком хорошо известно. Но они позволили себе чересчур многое. Необходимо что-то предпринять. Так дальше продолжаться не может. Но еще не время.

Кабинет, насколько возможно, Элайда обустроила ныне в своем вкусе: резной стол с витиеватой резьбой в виде строенных колец, тяжелое кресло, на спинке которого над темными волосами Элайды снежной белизной светилась большая эмблема Пламени Тар Валона, выложенная драгоценной костью. На столе, на равном, точно выверенном расстоянии одна от другой, стояли три лаком расписанные шкатулки, будто на алтаре. В одной из них Элайда хранила лучшие резные миниатюры из своей коллекции. В белой вазе на простом постаменте у стены рдели розы, наполняя кабинет живым благоуханием. С тех пор как на Престол Амерлин возвели Элайду, еще не было дождей, но благодаря Силе всегда имелись свежие цветы и распустившиеся розовые бутоны оставались нежными и не увядали. А цветы Элайда любила. Их ведь легко подрезать и заставить быть снова красивыми.

В кабинете висели две картины. Чтобы увидеть их, Элайде достаточно было приподнять голову. Остальные избегали смотреть на них; из всех присутствующих в кабинете Элайды Айз Седай одна Алвиарин осмеливалась бросить на них взор.

– Есть ли известия об Илэйн? – робко поинтересовалась Андайя, вторая сестра из Серой Айя. Тоненькая, невзрачная, похожая на птичку женщина, с виду застенчивая, хотя и с чертами Айз Седай, выглядела не подающей никаких надежд посредственностью, но была одной из лучших. В голосе ее все еще слышался слабый отзвук тарабонского говора. – Или новости о Галаде? Ведь коли Моргейз дознается, что мы где-то потеряли ее пасынка, она начнет еще больше интересоваться, куда же подевалась ее дочь. Да? А если она пронюхает, что нам неизвестно местонахождение дочери-наследницы, Андор будет закрыт для нас, как и Амадиция.

Несколько женщин отрицательно качнули головой, а Джавиндра заметила:

– В королевском дворце есть Красная сестра, там она как раз на месте. Сестрой она стала недавно, поэтому скорей сойдет за кого угодно, но не за Айз Седай. – Джавиндра имела в виду, что эта женщина еще не обрела лишнего возраста облика, свойственного тем, кто долгое время имел дело с Силой. Попробайся кто-нибудь угадать возраст любой из женщин в комнате, то он мог бы ошибиться лет на двадцать в ту или иную сторону, а в некоторых случаях ошибка была бы раза в два больше. – Но подготовлена она хорошо и достаточно сильна, а помимо того – неплохой наблюдатель. Моргейз ныне всецело занята своими недавно выдвинутыми притязаниями на кайриэнский трон. – Кое-кто из присутствующих пошевелился на своих табуретах, и Джавиндра, словно осознав, насколько она близка к опасной теме, поспешно добавила: – А в остальном внимание Моргейз занимает, по-видимому, новый любовник, лорд Гейбрил. – Джавиндра поджала и без того тонкие губы. – Она совершенно потеряла голову из-за него.

– А он не дает ей думать ни о чем, кроме как о Кайриэне, – сказала Алвиарин. – Там положение почти столь же худо, как в Тарабоне и Арад Домане. В Кайриэне голод, и вдобавок каждый Дом борется за обладание Солнечным троном. Порядок Моргейз восстановит. Но чтобы обезопасить трон от посягательств, потребуется время. А до того у Моргейз не хватит сил тревожиться о чем-то ином, даже о дочери-наследнице. И я поручила своему писцу время от времени отправлять послания – у нее недурно выходит подражание почерку Илэйн. Пока

мы вновь не обеспечим должного контроля над Моргейз, она вряд ли сумеет что-либо предпринять.

– По крайней мере, ее сына мы по-прежнему держим у себя под рукой, – улыбнулась Джолин.

– Вряд ли можно сказать, что Гавин у кого-то под рукой, – резко заметила Теслин. – Эти его Отроки ввязываются в стычки с белоплащниками на обоих берегах реки. Он едва ли не чаще действует по собственному усмотрению, чем по нашим указаниям.

– Скоро его приструнят, и он будет нас слушаться, – заявила Алвиарин.

Элайда вдруг почувствовала, что этот постоянно холодный рассудительный тон становится ей ненавистен.

– Кстати, о белоплащниках, – вмешалась Данелле. – По-видимому, Пейдрон Найол ведет тайные переговоры, стараясь убедить Алтару и Муранди пойти на территориальные уступки Иллиану и тем самым удержать Совет девяти от вторжения в эти страны.

Пребывая в безопасности, вдали от той пропасти, за которой пылает огонь войны, эти женщины трепали языком, рассуждая, не дадут ли переговоры лорда капитан-командора излишне много влияния Детям Света. Вероятно, стоит сорвать эти переговоры, тем самым дав возможность Башне вмешаться и, взяв на себя роль посредника, отодвинуть в сторону Пейдрона Найола.

Элайда скривила губы. Всю свою историю Башня по необходимости вела себя чересчур осторожно – очень многие боялись ее, очень многие не доверяли ей, но никогда Башня *не боялась* никого и ничего. Теперь же в действиях Башни угадывался страх.

Элайда подняла взор на картины. Первая – триптих из деревянных панелей – изображала Бонвин, последнюю Красную сестру, возведенную на Престол Амерлин тысячу лет назад. И этот же триптих являл причину, по которой с тех пор ни одна Красная не носила палантина – до Элайды. Бонвин, высокая и гордая, приказывает Айз Седай использовать Артура Ястребиное Крыло, точно куклу. Бонвин, с надменным видом стоящая на белых стенах Тар Валона, осажденного войском Ястребиного Крыла. И Бонвин, жалкая и коленапреклоненная, перед Советом Башни – ее лишили палантина и жезла за то, что из-за нее едва не погибла Башня.

Многие терялись в догадках, зачем Элайде понадобилось вернуть триптих из кладовой, где он благополучно пылился столько лет. В открытую об этом не говорили, но кое-какие слухи до Элайды доходили. Им невдомек, что необходимо иметь перед глазами напоминание о цене, которую придется заплатить за ошибку или неудачу.

Вторая картина исполнена в новой манере – на натянутом холсте; это была копия наброска какого-то уличного художника с далекого запада, и она вызвала у видевших ее Айз Седай еще большее беспокойство. Среди облаков, что, вероятно, обозначало небо, сражались двое мужчин, оружием им служили молнии. У одного из сражающихся было огненное лицо. Второй был высок, молод, с рыжеватыми волосами. Вот он-то и внушал Айз Седай страх; взглянув на него, даже Элайда стискивала зубы. Она и сама не знала, почему это делает, – то ли от ярости, то ли чтоб не стучали. Но со страхом можно и нужно бороться. Главное – держать страх в узде и не поддаваться ему.

– Тогда – все, – сказала Алвиарин, легко поднявшись с табурета; остальные последовали ее примеру, поправляя юбки и шали; кое-кто уже повернулся к дверям. – Через три дня я ожидаю...

– Разве я дала вам, дочери мои, позволение уйти? – в первый раз с того момента, как все расселись, заговорила Элайда. Все удивленно посмотрели на нее. Удивленно! Кое-кто вернулся к своему табурету, но без всякой спешки. И ни единого слова извинения! Слишком долго она сносила подобное отношение. – Раз вы уже стоите, то дослушаете меня стоя. – Те, кто собирался сесть, на мгновение в замешательстве замерли, и, когда они со смущенным видом

выпрямились, Элайда продолжила: – Я не слышала ни слова о поисках той женщины и ее спутников.

Незачем было называть имя «той женщины», предшественницы Элайды. Все знали, кого она имеет в виду. А самой Элайде с каждым днем все труднее становилось даже мысленно упоминать имя прежней Амерлин. *Та женщина* виновата во всех ее трудностях. Во всех!

– Поиски осложнены тем, – ровным голосом промолвила Алвиарин, – что мы пустили слух о ее казни.

У этой Белой лед вместо крови. Элайда упорно смотрела ей в глаза, пока та не добавила запоздалого обращения «мать», но голос ее был безмятежен, чтобы не сказать небрежен.

Элайда обратила свой взор на прочих, добавила в голос стали:

– Джолин, за поиски отвечаешь ты, как и за расследование обстоятельств побега. И в том и в другом случае я слышала лишь жалобы на затруднения. Вероятно, ежедневная епитимья придаст тебе усердия, дочь моя. Напиши, какое наказание кажется тебе подходящим, и представь записку мне. Если я сочту епитимью... не слишком строгой, она будет увеличена втрое.

Вечная, точно приклеенная, улыбка Джолин исчезла, что весьма порадовало Элайду. Под пристальным взором Амерлин Джолин открыла было рот, но ничего не сказала и в конце концов присела в глубоком реверансе:

– Как прикажете, мать. – Слова она точно цедила сквозь зубы с напускным смирением. Но сейчас и этого было довольно.

– Что предпринимается, чтобы вернуть бежавших?

Пожалуй, тон Элайды был суровее прежнего. Возвращение Айз Седай, бежавших, когда низложили *ту женщину*, означало возвращение в Башню Голубых. И Элайда была уверена, что никогда больше не сможет положиться ни на одну из Голубых сестер. Вдобавок она знала, что никогда не заставит себя поверить той, которая бежала, вместо того чтобы приветствовать ее возвышение. Но в Башне не должно быть раскола, она должна вновь стать единой.

Задача вернуть беглянок лежала на Джавиндре.

– Тут тоже есть сложности. – Лицо Джавиндры оставалось, как обычно, спокойным, но она нервно облизнула губы, когда по лицу Элайды прошло облачко раздражения, и добавила: – Мать.

Элайда качнула головой:

– Дочь моя, я не желаю ничего слышать о трудностях. Завтра ты представишь мне записку с изложением всего тобою сделанного, в том числе и обо всех мерах предосторожности, принятых, чтобы мир не узнал о расправах в Башне. – Последнее было чрезвычайно важно – пусть на престоле новая Амерлин, но мир должен видеть Башню единой и сильной, как всегда. – Если тебе недостаточно времени на порученную работу, тебе, вероятно, лучше отказаться от своего места восседающей от Красной Айя в Совете. Мне стоит подумать над этим.

– В этом нет необходимости, мать, – поспешно уверила ее Джавиндра. – Требуемый вами доклад будет у вас завтра же. Уверена, многие вскоре вернуться.

Ее уверенности Элайда не разделяла, как бы ей ни хотелось такого исхода, но Башня должна быть сильной, должна! Тем не менее указание Элайды было принято к исполнению. Тревога читалась в глазах всех – но не Алвиарин. Если Элайда готова строго отчитать кого-то из своей прежней Айя и даже пригрозить, а с Зеленой сестрой, бывшей с ней заодно с самого первого дня, обращение стало суровой некуда, то, вероятно, они допустили ошибку, обращаясь с новой Амерлин будто с неодушевленным парадным портретом. Пусть на Престол Амерлин ее усадили *они*, но отныне *она* – Амерлин. Еще несколько примеров в назидание в ближайшие дни – и они всё усвоят. Если потребуется, Элайда вобьет это в голову каждой – она готова подвергнуть наказанию любую, даже всех, пока они не взмолятся о пощаде.

– В Кайриэне солдаты Тира, так же как и войска Андора, – продолжала Элайда, не обращая внимания на то, что присутствующие отводят взоры в сторону. – Тайренские солдаты,

посланные туда тем самым мужчиной, который овладел Твердыней Тира. – Шимерин стиснула пухлые руки, Теслин вздрогнула. Одна Алвиарин оставалась холодно-спокойной, точно замерзший пруд. Элайда вскинула руку и указала на картину, где двое мужчин бились молниями. – Смотрите сюда. Смотрите! Иначе вы у меня все до единой на четвереньках будете полы мыть! Если у вас не хватает духу посмотреть на рисунок, то найдется ли у вас мужество встретить неизбежное? Башне не нужны трусливые!

Медленно они подняли взоры, переступая с ноги на ногу, будто разнервничавшиеся девочки, а не Айз Седай. Алвиарин единственная из всех бестрепетно взглянула на рисунок, и одна она казалась нисколько не взволнованной. Шимерин ломала руки, слезы выступили у нее на глазах. С Шимерин придется разобраться.

– Ранд ал’Тор. Мужчина, способный направлять Силу. – Слова Элайды стегали, точно кнутом. Да и у нее самой скрутило живот, она боялась, что ее вытошнит. Она ухитрилась не выдать своего состояния и продолжила – слова вылетали, как камни из пращи: – Мужчина, обреченный сойти с ума, а перед своей гибелью он наведет ужас на мир, обрушив на него Силу. И даже более того. Из-за него Арад Доман, и Тарабон, и все земли между ними горят в огне бунтов. Если войну и голод в Кайриэне нельзя напрямую связать с ним, то, несомненно, он – зачинщик той войны, что грозит разразиться в еще больших масштабах, войны между Тиром и Андором! А ведь Башне нужен мир! В Гэалдане какой-то спятивший шайнарец вещает о нем, собирая толпы, разогнать которые не под силу армии Аллиандре. Величайшая угроза Башне, большей опасности миру никогда не грозило, а вы не в силах заставить себя говорить о нем? Даже на картину взглянуть не можете?

Ответом Элайде была тишина. У всех, кроме Алвиарин, был такой вид, будто у них языки к небу примерзли. Большинство не сводило глаз с изображения молодого человека – точь-в-точь как птицы, застывшие под взглядом змеи.

– Ранд ал’Тор. – Это имя горечью отзывалось на губах Элайды. Когда-то этот юноша, такой простодушный и невинный с виду, стоял рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки. И она не поняла, кто он. Ее предшественница знала – и одному Свету ведомо, сколь давно ей было обо всем известно! И, зная, она позволила ему оставаться на воле. До бегства *та женищина* многое рассказала. Подвергнутая суровому допросу, она говорила такое, чему Элайда никак не могла поверить. Ведь если Отрекшиеся и вправду на свободе, может быть потеряно все. Однако каким-то образом *та женищина* ухитрилась уклониться от некоторых ответов. А потом, прежде чем Элайда успела расспросить ее вновь, она сбежала. *Та женищина* и Морейн. *Та женищина* и эта Голубая знали все. Их обеих Элайда намерена заполучить в Башню. И они расскажут все, что им известно, до последней крупинки. Но прежде чем Элайда закончит, они на коленях будут умолять ее о смерти. Слова застревали в горле, но Элайда заставила себя продолжить: – Дочери мои, Ранд ал’Тор – Дракон Возрожденный. – Колени у Шимерин подогнулись, и она тяжело осела на пол. Да и кое у кого еще ослабели ноги. Взор Элайды обдал их презрением. – В этом нет никаких сомнений. О нем говорится в пророчествах. Темный рвется на свободу из своего узилища, близится Последняя битва, и Дракон Возрожденный должен встретить его, иначе мир обречен на вечный огонь и разрушение, пока вращается Колесо Времени. И он, дочери мои, разгуливает на свободе. Где он, мы не знаем. Нам известно о дюжине мест, где его нет. В Тире его уже нет. Его нет и здесь, в Башне, – надежно огражденного от Силы, как тому следует быть. Он обрушился на мир ураганом, и мы обязаны остановить смерч, если есть хоть какая-то надежда пережить Тармон Гай’дон. Он должен быть в наших руках, и мы позаботимся, чтобы он сразился в Тармон Гай’дон. Или кто-то из вас полагает, что он добровольно пойдет навстречу своей предвещенной гибели, дабы спасти мир? Мужчина, который уже, должно быть, сходит с ума? Мы обязаны подчинить его себе!

– Мать... – начала Алвиарин тем лишенным всяких чувств тоном, который так раздражал Элайду, и она оборвала хранительницу летописей злым взглядом:

– Захват Ранда ал’Тора куда важнее всех стычек в Шайнаре или притихшего вдруг Запустения. Это намного важнее, чем отыскать Илэйн или Галада, даже важнее поимки Мазрима Таима. Вы найдете его. Найдете! В следующую нашу встречу каждая должна быть готова подробно изложить мне, что ею предпринимается для розысков. А теперь оставьте меня, дочери мои.

Шуршание юбок, волна неуверенных реверансов, негромкие «Как прикажете, мать» – и все чуть ли не бегом двинулись к выходу. Джолин поддерживала под руку еле державшуюся на ногах Шимерин. Пожалуй, Желтая сестра как раз подходит для следующего урока прочим. Другие понадобятся, чтобы никто не сумел отступить, а Шимерин слишком слаба, ей нельзя оставаться в этом совете. Разумеется, дни этого совета в любом случае сочтены. Восседающие должны выслушивать волю Амерлин и тут же бросаться исполнять ее.

Кроме Алвиарин, все ушли.

Дверь закрылась, и две женщины еще долго смотрели в глаза друг другу. Алвиарин была первой, самой первой, кто выслушал и согласился с обвинениями против предшественницы Элайды. И Алвиарин прекрасно понимала, почему она, а не кто-то из Красных носит палантин хранительницы летописей. Красная Айя единодушно поддерживала Элайду, чего нельзя сказать о Белой, а без полной поддержки Белой многие из остальных могли не склониться к мнению заговорщиц. При ином исходе Элайда сидела бы не на Престоле Амерлин, а в темнице. Именно так все обернулось бы. А то и хуже – тогда ее головой, украшающей пику, забавлялись бы вброды. Алвиарин не так просто запугать, как прочих. Если ее вообще можно запугать. В твердом взгляде Алвиарин Элайда видела тревожащий ее огонек – хранительница летописей считала себя равной ей.

В тишине громом отдался легкий стук в дверь.

– Входи! – сказала Элайда.

В кабинет робко шагнула одна из принятых, бледная стройная девушка. Она тут же присела в низком реверансе – белая юбка с семью цветными полосами на подоле кругом легла на пол. Судя по широко раскрытым голубым глазам и по тому, как девушка старательно держала очи долу, ей передалось настроение только что вышедших отсюда женщин. Там, где Айз Седай пробирает дрожь, принятой грозит великая опасность.

– М-матушка, з-здесь м-мастер Фейн. Он говорит, что вы х-хотели видеть его в э-этот час. – Склонившаяся девушка покачнулась и чуть не рухнула от обуревающего ее страха.

– Такпусти его, девочка, незачем заставляя человека ждать, – прорычала Элайда, хотя содрала бы шкуру с девчонки, посмей та привести этого Фейна без предупреждения. Как ни сдерживала она свой гнев на Алвиарин, он переполнял ее, хотя Элайда и запрещала себе думать о том, что не смеет выказать его. – И если ты никак не научишься правильно говорить, то, вероятно, тебе место в кухне, а не в приемной Амерлин. Или будешь делать, как велено? Пошевеливайся, девочка! И передай наставнице послушниц, чтобы научила тебя с рвением исполнять приказы!

Девушка что-то пискнула в ответ и стрелой вылетела вон.

Элайда с трудом взяла себя в руки. Ее несколько не волновало, как Сильвиана, новая наставница послушниц, накажет провинившуюся: ограничится ли выговором или выпорот девчонку. Элайда едва замечала послушниц и принятых, пока они не мешали ей, а думала о них и того меньше. Смирения и послушания ей хотелось от Алвиарин, и чтобы извинялась она, стоя на коленях.

Ну а пока Фейн. Элайда задумчиво провела пальцем по губам. Костлявый человечек с внушительным носом. В Башне он появился всего несколько дней назад, в грязном, некогда великолепном одеянии, хотя и великоватом ему. Этот мужчина, то высокомерно-надменный, то раболепствующий, испрашивал аудиенции у Амерлин. Мужчины, не считая тех, кто служил Башне, приходили сюда лишь по принуждению либо когда иного выбора не оставалось.

И никто не просил о беседе с Амерлин. Скорей всего, помешанный или полоумный. Заявил, будто он из Муранди, из самого Лугарда, но в речи его мешались различные выговоры, порой произношение менялось посредине одной фразы. Тем не менее складывалось впечатление, что этот необычный тип может оказаться полезен.

Алвиарин по-прежнему смотрела на Элайду с ледяным самодовольством, только во взоре намеков на вопрос: кто такой Фейн? Лицо Элайды посуровело. Она уже потянулась к женской половине Истинного Источника, дабы при помощи Силы преподать Алвиарин урок и поставить ее на место. Но это не выход. Алвиарин станет сопротивляться, а драка – будто девчонки на конюшне – не тот способ, каким Амерлин должна утверждать свою власть, свой авторитет. Однако Алвиарин, как и других, нужно научить подчиняться. И первый шаг – оставить Алвиарин в неведении относительно мастера Фейна, каким бы ни было его подлинное имя.

Едва переступив порог кабинета Амерлин, Падан Фейн выбросил из головы прелестную в своем испуге юную принятую. Она, конечно, лакомый кусочек, и ему нравилось ощущать, как его жертвы трепещут, словно пичуги в его руке, но сейчас важнее другое. Потирая руки, Фейн низко склонил голову, вполне смиренно, но две женщины в кабинете сначала словно не заметили его, в упор глядя друг на друга. Фейн еле удержался, чтобы не протянуть руку и не пощупать с нежностью исходящее от них напряжение. Повсюду в Белой Башне ощущались напряжение и раздор. Все это ему на пользу. Когда понадобится, натянутые струны можно будет подергать, а рознь обратить к своей выгоде.

Фейн удивился, обнаружив на Престоле Амерлин Элайду. Лучшего он и ожидать не смел. Из услышанного Фейн сделал вывод, что во многих отношениях она не столь сильна, как та женщина, что носила палантин до нее. Да, Элайда жестче, куда безжалостней, но в то же время и более хрупкая. Вероятно, согнуть ее – задача потруднее, но сломить – много легче. Если, конечно, дойдет до такого выбора. И все же особой разницы он не видел: одна Айз Седай ничем не лучше другой, будь она хоть дважды Амерлин. Дуры. Опасные дуры, верно, но порой простофили весьма полезны.

Наконец присутствие Фейна заметили. Амерлин, застигнутая его появлением врасплох, слегка нахмурилась, хранительница летописей ничем не выдала своего интереса.

– *Теперь* ступай, дочь моя, – твердо сказала Элайда, сделав легкий, но несомненный нажим на слове «теперь». О да, трения, трещинки во власти. Щелочки, в которые можно бросить семена. Фейн чуть не ухмыльнулся от удовольствия.

Алвиарин замешкалась, потом коротко присела в реверансе. Проходя мимо Фейна к двери, она окинула его лишенным всяких эмоций, но приводящим в замешательство взглядом. Фейн невольно съежился, опасливо втянул голову в плечи, сгорбился. Верхняя губа приподнялась, он едва не зарычал, глядя вслед стройной фигуре Айз Седай. На миг, всего на миг у него опять возникло ощущение, что она слишком многое о нем знает, но он не понимал, откуда взялось это чувство. Ее холодное лицо, холодные глаза никогда не меняли выражения. В это мгновение Фейну так хотелось, чтобы лицо и глаза Алвиарин изменили своему спокойствию. Чтобы в них появился страх. Боль. Мука. Мольба. Фейн еле удержался от смеха при этой мысли. Конечно, все это чушь. Ничего ей не известно. Терпение – и он еще разберется и с ней, и с ее неизменно бесстрастным взглядом.

В кладовых и сокровищницах Башни есть вещи, которые заслуживают немного терпения. Там хранится Рог Валир, легендарный Рог, который создан, дабы призвать из могил павших героев, призвать их на Последнюю битву. О Роге не ведало даже большинство Айз Седай, но Фейн умел вынюхивать и визнавать. Там же находился и кинжал. Стоя в кабинете, он чувствовал, как кинжал манит его к себе. Фейн мог указать на него пальцем. Кинжал принадлежал ему, был частью его, он был украден и упрятан тут этими Айз Седай. Овладев кинжалом, Фейн сумеет восстановить столь многое из утраченного... Как это произойдет, он не знал, но уверен

ность не покидала его. Обрести частицу потерянного Аридола. Слишком опасно возвращаться в Аридол – там вполне можно угодить в ловушку. Фейн содрогнулся. Так долго пробыть в этом городе-капкане... Второй раз угодить в силки ему не хочется.

Разумеется, больше никто не называет этот город Аридолом, только Шадар Логотом. Шадар Логот – «Место, где Ждет Тень». Название в самый раз. Так многое переменялось. Изменился даже он сам. Падан Фейн. Мордет. Ордейт. Иногда даже он сам не понимал, какое из имен и вправду его, кто он такой на самом деле. Но в одном он был уверен: он не тот, кем его считают. Всякий полагающий, что знает его, жестоко ошибается. Теперь он преображен. Сила внутри его, и сила эта лишь в его власти, и ни в чьей более. Со временем все узнают, он им еще покажет.

Вздвигнув, Фейн вдруг понял, что Амерлин что-то говорит. Порывшись в памяти, он нащупал нить разговора.

– Да, мать, эта куртка мне в самый раз. – Он погладил ладонью черный бархат, демонстрируя, насколько превосходной находит свою одежду. Можно подумать, одежда имеет какое-то значение. – Очень хорошая куртка. Крайне вам благодарен за заботу, мать.

Как ему надоели попытки этой женщины заставить его чувствовать себя непринужденней, но он готов вытерпеть и многое другое – встать на колени, целовать ей кольцо. Однако на сей раз Элайда сразу взяла быка за рога, без всяких околичностей:

– Мастер Фейн, расскажи мне все, что тебе известно о Ранде ал’Торе.

Взор Фейна метнулся к картине с двумя бойцами. Он глядел на нее, и спина его выпрямлялась. Портрет ал’Тора притягивал Фейна не меньше самого этого человека, и кровь его вскипала в жилах яростью и ненавистью. Из-за этого мальчишки он испытал такое страдание, о котором старался не думать, запрещал себе вспоминать об этой боли. Мука эта была много хуже боли. Из-за ал’Тора его изломали, перемололи и воссоздали заново. Да, эта переделка дала ему средства к мщению, но речь не об этом. Мучительное желание уничтожить ал’Тора сжигало Фейна, слепило его, все прочее меркло перед этим стремлением.

Фейн вновь повернулся к Амерлин и заговорил, не сознавая, что держится теперь так же повелительно, как и она, что властно смотрит ей прямо в глаза:

– Ранд ал’Тор хитер и коварен, его не интересует ничто, за исключением одного – его собственной власти. – «Что за дура!» – Никогда не угадаешь, что он сделает. – Но если она сумеет, если с ее помощью ал’Тор попадет в его руки... – Руководить им трудно... крайне трудно, но, полагаю, вполне осуществимо. Первое, что нужно сделать, – это накинуть петлю силков на того из немногих, кому он верит...

Если с ее помощью он заполучит ал’Тора, то, может, и оставит ее в живых, когда уйдет окончательно. Пусть живет, хоть она и Айз Седай.

Равин, без кафтана, в одной рубашке, удобно расположился в золоченом кресле, перекинув ногу в превосходном сапоге через обитый шелком подлокотник. Он улыбался. Стоящая возле камина женщина повторяла отданные ей приказания. Большие карие глаза затянула легкая поволока. Молодая красивая женщина, хоть и напялившая на себя ради маскировки простые шерстяные одежды неброского серого цвета. Но ее привлекательность сейчас мало волновала Равина.

Ни единого тока воздуха не проникало через высокие окна в комнату. Пот катился по лицу говорившей, блестящие капельки выступили на узком лице второго мужчины. Хотя его великолепный алый шелковый камзол сверкал богатым золотым шитьем, он стоял навтыжку, словно вышколенный слуга, каковым, по сути, и являлся, пусть, в отличие от женщины, слугой стал по своей воле. Естественно, к происходящему сейчас он был глух и слеп.

С потоками Духа, которые обвилились вокруг этой парочки, Равин обращался с изящной аккуратностью. Незачем портить ценных слуг.

Разумеется, самому Равину жарко не было, он просто не позволял летнему зною касаться себя. Он был рослым, крупным мужчиной, смуглым и красивым, хотя на висках серебрились белые пряди. Заставить эту женщину исполнять его приказы не составило труда.

На лицо Равина набежала тень. Кое с кем приходилось сложнее. Не многие – считанные единицы – обладали таким твердым внутренним стержнем, что их собственное «я», их разум, даже не осознавая того, беспрестанно искал малейшей щелочки, чтобы ускользнуть прочь. Вот ведь невезение, что ему все еще нужен такой слуга, хоть и в столь незначительной степени. Управлять ею можно, но она продолжает попытки высвободиться, даже не понимая, что оказалась в ловушке. Со временем, разумеется, нужда в ней отпадет; тогда придется решать, отпустить ее на все четыре стороны или избавиться от нее совсем. И в том и в другом случае есть свои опасности. Разумеется, ничего такого, что угрожало бы ему, но он был осторожен и несколько педантичен. Маленькие опасности, если о них забывать, имеют обыкновение перерастать в большие, а на риск он шел, только расчетливо взвесив все и выбрав лучший и наиболее безопасный для себя вариант. Итак, убить ее или оставить в живых?

Возникшая тишина – женщина закончила говорить – вырвала Равина из потока размышлений.

– Когда уйдешь отсюда, – сказал он ей, – ты не будешь ничего помнить об этом визите. В памяти у тебя останется только твоя обычная утренняя прогулка. – Она угодливо закивала, и Равин слегка распустил пряди Духа, чтобы они исчезли вскоре после того, как женщина выйдет на улицу. Добиться повиновения легче при повторном использовании принуждения, но тогда существует опасность, что постороннее воздействие будет обнаружено.

Закончив с женщиной, Равин таким же образом освободил разум Элегара. Лорда Элегара. Дворянин из мелких, но верный своим клятвам. Элегар нервно облизнул тонкие губы и покосился на женщину, потом сразу опустился на колено перед Равином. Сторонники Тьмы – теперь их называют приспешниками Тьмы или друзьями Темного – отныне, когда освободились из заточения Равин и его сотоварищи, начали понимать, как строго и неукоснительно должны они блюсти свои обеты.

– Выведи ее задами на улицу, – распорядился Равин, – и оставь там. Ее не должны увидеть.

– Будет исполнено, как вы скажете, Великий господин, – отвечив Элегар и, не вставая, поклонился. Поднявшись, он, пятясь и кланяясь, удалился. По пути к двери он взял женщину за руку и потянул за собой. Разумеется, она послушно пошла за ним, глаза ее по-прежнему были затуманены. Элегар ни о чем ее не станет спрашивать. Он знал достаточно и хорошо понимал: есть вещи, о которых ему просто незачем знать.

– Одна из твоих милашек для забав? – раздался за спиной Равина женский голос, едва за Элегаром затворилась резная дверь. – Теперь тебе нравится их так наряжать?

Ухватившись за *саидин*, Равин наполнил себя Силой, пятно порчи на мужской половине Истинного Источника скатилось прочь по защите из его уз и клятв, по тем скрепам к тому, что он почитал мощью, превосходящей сам Свет, а то и самого Создателя.

В центре комнаты, над ало-золотистым ковром, открылся проем, ведущий неизвестно куда. Равин успел заметить, что стены апартаментов обиты снежной белизны шелком, и тут же проход исчез, оставив на ковре женщину, облаченную в белое платье, стянутое поясом из тканого серебра. Лишь слабое покалывание – кожу будто обдало морозцем – подсказало Равину, что она только что направила Силу. Высокая и стройная, женщина была столь же обворожительна, сколь красив он сам. Ее темные глаза напоминали бездонные омуты, волосы, украшенные серебряными звездами и полумесяцами, великолепными черными волнами ниспадали на плечи. При виде ее у мужчин от страсти дух захватывало.

– Что у тебя на уме, Ланфир, коли ты явилась ко мне втихомолку? – грубо спросил Равин. Силу отпустить он не стал, а, наоборот, на всякий случай приготовил для своей гостьи

несколько неприятных сюрпризов. – Если тебе вздумалось побеседовать со мной, прислала бы эмиссара, и я бы выбрал место и время встречи. Если бы согласился на нее.

Ланфир улыбнулась своей пленительной предательской улыбкой:

– Равин, ты всегда был свиньей, но дураком – весьма редко. Эта женщина – Айз Седай. А если ее хватятся? Ты, случаем, герольдов не выслал, дабы объявить о том, где находишься?

– О чем ты говоришь? – усмехнулся Равин. – Она едва ли сильна. Ее без няньки-то и за порог выпускать нельзя. Они называют Айз Седай необученных детишек! Да половина того, что они умеют, – самостоятельно освоенные приемчики, а остальные их ухищрения... Нахвтались наспех всякой мелочи! Того, что на самой поверхности лежит.

– Интересно, остался бы ты таким же самодовольно-благодарным, когда бы тринадцать таких вот «необученных детишек» образовали вокруг тебя круг?

Холодная издевка в ее голосе больно уязвила Равина, но он не выдал досады.

– Я принял меры предосторожности, Ланфир. Это не одна из моих «милашек для забав», как ты их называешь. Здесь она шпионит для Башни. Теперь она сообщает в точности то, что надо мне, причем в охотку. Те, кто служат Избранным в Башне, верно указали мне, где ее отыскать. – Очень скоро наступит день, когда мир откажется от имени Отрекшиеся и склонится перед Избранными. Так предвещено, предвещено давным-давно. – Итак, зачем ты явилась, Ланфир? Наверняка не для того, чтобы помогать беззащитным женщинам.

Ланфир еле заметно пожала плечами:

– По мне, так забавляйся со своими игрушками, сколько тебе заблагорассудится. Особого гостеприимства от тебя не дождешься, поэтому прости меня, Равин, если...

С маленького столика у кровати Равина поднялся серебряный кувшин, наклонился, наполнил темным вином отделанный золотом кубок. Потом кувшин опустился на место, а кубок по воздуху поплыл в руку Ланфир. Разумеется, Равин не ощутил ничего, кроме слабого покалывания, не увидел никаких сплетенных потоков. Но ему подобная слепота никогда не нравилась. То, что она в равной мере не может увидеть его плетений, служило ему слабым утешением.

– Зачем? – повторил Равин.

Ланфир невозмутимо отпила из кубка и только потом заговорила:

– Поскольку ты нас избегаешь, кое-кто из Избранных вскоре явится сюда. Я прибыла первой, чтобы ты понял: это вовсе не нападение.

– Еще кто-то? Это твой план? До замыслов других мне нет никакого дела! Какая мне в них нужда? – Вдруг Равин глубоко, раскатисто рассмеялся. – Значит, это не нападение? Ты же никогда не нападала в открытую. Наверно, ты не так вероломна, как Могидин, но ты всегда предпочитала обойти с тыла или с фланга. На этот раз я тебе поверю – настолько, чтобы выслушать тебя. Но ты будешь у меня на виду. – Поверивший Ланфир и повернувшийся к ней спиной заслуживает того ножа, который окажется у него в спине. Нельзя сказать, что ей можно доверять и в том случае, если она у тебя под приглядом: характер у нее в лучшем случае капризный. – Кто еще замешан во все это?

Когда открылся другой портал, Равин получил предупреждение куда более ясное – поскольку с Силой теперь работал мужчина. В возникшем проеме виднелись мраморные арки, выходящие на широкие каменные балконы, а в безоблачной голубизне неба с криками кружили чайки. Потом появился мужчина и шагнул через портал, тут же сомкнувшийся за ним.

Саммаэль был крепко сбитым массивным мужчиной, с виду более внушительным, чем на самом деле, с быстрой, энергичной походкой и грубыми манерами. Голубоглазый и золотоволосый, с аккуратно подстриженной и ухоженной бородкой, он выглядел бы чрезвычайно привлекательным, если бы не косой шрам: к лицу, ото лба до челюсти, точно приложили раскаленную докрасна кочергу. От шрама Саммаэль мог избавиться сразу после того, как получил его, ведь столько лет минуло с той поры. Но он предпочел оставить его.

Соединенный с саидин так же крепко, как и Равин, – находясь рядом, тот смутно чувствовал эту связь, – Саммаэль настороженно оглядел его:

– Я ожидал увидеть тут прислужниц и танцовщиц, Равин. Или после всех этих лет тебе наскучили развлечения?

Ланфир тихо засмеялась в свой кубок с вином.

– Кто говорит о развлечениях?

Равин и не заметил, как открылся третий портал. Огромная комната по ту сторону являла множество бассейнов и колонн с каннелюрами. Там кувыркались и прыгали почти обнаженные акробаты, на прислужниках одежды было и того меньше. Как ни странно, среди выступающих сидел с несчастным видом тощий старик в мятом, будто жеваном, кафтане. Через миг проем исчез, а в комнате, кроме новоприбывшей, оказались еще и двое слуг в прозрачных, точно паутинка, и мало что скрывающих полосках ткани: мужчина с замечательной мускулатурой, несший отделанный золотом поднос, и красивая, с пышными, соблазнительными формами женщина. Она сосредоточенно наливала вино из графина, сработанного из цельного куска хрусталя, в такой же кубок, стоящий на подносе.

Не оказись рядом Ланфир, Грендаль в любом обществе сочли бы ошеломительной красавицей, роскошной и зрелой. В низком вырезе зеленого шелкового платья покоился рубин величиной с куриное яйцо, на длинных, солнечного цвета волосах лежала диадема, инкрустированная меньшими рубинами. Но подле Ланфир Грендаль казалась всего-навсего пухленькой красоткой. Если неминуемое сравнение и встревожило ее, то Грендаль ничем не выдала своих чувств, продолжая удовлетворенно улыбаться.

Не глядя Грендаль протянула руку назад, звякнули золотые браслеты, отягощавшие ее запястья. Прислужница быстро сунула ей в ладонь кубок, угодливо улыбаясь. Такая же заискивающая улыбка, точно отразившись в зеркале, появилась на лице мужчины. Грендаль не обратила на них никакого внимания.

– Итак, – весело произнесла она, – чуть ли не половина уцелевших Избранных собралась вместе. И никто не пытается убить другого. Событие маловероятное, пока не наступил день возвращения Великого повелителя Тьмы. Какое-то время Ишамаэлю удавалось удерживать нас, не позволяя вцепиться друг другу в глотку, но это...

– Ты всегда так свободно говоришь в присутствии слуг? – поморщился Саммаэль.

Грендаль моргнула, оглянулась на пару своих слуг, будто забыла о них:

– Ни один из них и слова не к месту не промолвит. Они меня боготворят. – Слуги пали на колени, страстно забормотав о своей пылкой любви к ней. Так и было: они и в самом деле обожали ее. Сейчас. Чуть погодя Грендаль слегка нахмурилась, и слуги застыли, смолкнув на полуслове с открытым ртом. – Такие болтливые! Однако теперь они нам не помешают, надеюсь?

Равин покачал головой, гадая, кто эти слуги или кем они были. Для слуг Грендаль недостаточно физической красоты, они должны были обладать либо властью, либо высоким положением. В ливрейных лакеях – лорд, ванну готовит благородная леди – таков вкус Грендаль. Доставлять удовольствие себе – это одно, но подобная расточительность... Этой паре нашлось бы и иное применение, куда лучшее; должным образом управляемая, она принесла бы много преимуществ и выгод, но использованный Грендаль уровень принуждения... Наверняка они пригодны только для украшения, не более. У этой женщины нет подлинной утонченности и мастерства.

– Мне ожидать еще кого-то, Ланфир? – пробурчал Равин. – Ты переубедила Демандреда? Он уже перестал считать себя не кем иным, как наследником Великого повелителя?

– Сомневаюсь, что его занесло бы так высоко даже в мыслях, – ровным голосом ответила Ланфир. – Не настолько он самонадеян. Он видел, к чему такие замашки привели Ишамаэля. В этом-то все дело. И в том, о чем уже упомянула Грендаль. Когда-то нас, бессмертных, было

тринадцать. Теперь четверо мертвы, а один предал нас. Сегодня встречаемся мы четверо. Этого довольно.

– Ты уверена, что Асмодиан переметнулся? – спросил Саммаэль. – Прежде за ним не замечалось ни смелости, ни решительности. Откуда он набрался храбрости и рискнул присоединиться к безнадежному делу?

По губам Ланфир скользнула улыбка.

– У него хватило смелости устроить засаду, предполагая вознестись над всеми нами. И когда выбор встал между смертью и обреченным делом, то для одного шага ему понадобилось совсем немного смелости и чуть-чуть решимости.

– Готов поспорить, и еще меньше времени. – От шрама презрительная усмешка Саммаэля стала еще язвительней. – Раз ты была настолько близко, что все знаешь, то почему оставила его в живых? Ты могла убить его раньше, чем он догадался бы о твоём присутствии.

– Я не тороплюсь убивать, в отличие от тебя. Смерть – это конец, она необратима. А ведь обычно есть другие варианты, куда более приемлемые и сулящие большую выгоду. Кроме того, выражаясь понятными тебе терминами, я не хотела предпринимать лобовую атаку на превосходящие силы противника.

– Неужели он так силен? – тихо спросил Равин. – Этот Ранд ал’Тор? Он в состоянии одолеть тебя один на один?

Нельзя сказать, что сам он, дойди до схватки, не победил бы Ланфир. То же касается и Саммаэля. Правда, Грендаль, скорей всего, примкнет к Ланфир, соединившись с ней, рискни один из мужчин что-то предпринять против той. Да и вообще, скорей всего, именно в этот миг обе женщины наполнены Силой до краев, готовые при малейшем подозрении обрушить яростные потоки на любого из мужчин. А то и друг на друга. Но этот фермерский мальчишка! Необученный пастух! Необученный, если только за подготовку не взялся Асмодиан.

– Он – возрожденный Льюс Тэрин Теламон, – тоже негромко произнесла Ланфир, – а Льюс Тэрин был не слабее любого из нас.

Саммаэль рассеянно потер пересекавший лицо шрам – он получил его от Льюса Тэрина. Было то более трех тысяч лет назад, задолго до Разлома Мира, еще до того, как был заключен в узилище Великий повелитель, задолго до многого, но о случившемся тогда Саммаэль не забывал никогда.

Тут заговорила Грендаль:

– Ну, в конце концов, мы начнем обсуждать то, ради чего тут собрались?

Равин недовольно покосился на слуг – они оставались неподвижны. Вернее, застыли вновь. Саммаэль ворчал в бороду.

– Если этот Ранд ал’Тор и вправду возрожденный Льюс Тэрин Теламон, – продолжала Грендаль, усаживаясь на спину вставшего на четвереньки слуги, – то я удивлена, что ты, Ланфир, еще не попыталась затащить его к себе в постель. Или задачка оказалась не из простых? Как мне помнится, вроде бы не ты Льюсом Тэрином помыкала, а он тебя на коротком поводке водил. Гасил твои детские вспышки гнева. И так сказать, держал на посылках. За вином для себя гонял. – Она поставила свой кубок на поднос, который держала замершая, точно бездыханная статуя, коленопреклоненная женщина. – Он так завладел твоими мыслями, что, скажи он: «коврик», ты растянулась бы у его ног.

Темные глаза Ланфир коротко вспыхнули, но она овладела собой.

– Он может быть возрожденным Льюсом Тэрином, но он – не сам Льюс Тэрин.

– Почем тебе знать? – спросила Грендаль с такой улыбкой, будто все было лишь шуткой. – Очень может быть, что, как многие верят, все рождаются и возрождаются, пока вращается Колесо. Но, судя по тому, что я прочитала, прежде никогда ничего подобного не происходило. Конкретный человек возродился согласно пророчеству. Кому ведомо, что он такое?

Ланфир пренебрежительно скривила губы в усмешке:

– Я внимательно наблюдала за ним. Он не более чем пастух, каковым и выглядит, причем наивен, необучен и простодушен сверх ожидаемого. – Она вновь посерьезнела. – Но теперь у него есть Асмодиан, хоть союзник из того слабый. Однако еще до Асмодиана четверо Избранных пали в противостоянии ему.

– Пускай рубит гниль и сухостой, – с мрачным видом заявил Саммаэль. Сплетя потоки Воздуха, он подтащил к себе стул и развалился на нем, перекинув руку через низкую резную спинку, вытянув и скрестив ноги. Всякий, кто счел бы его расслабившимся, сгруппил бы. Саммаэлю всегда нравилось дурачить своих врагов, вводя их в заблуждение, будто его можно застать врасплох. – В День возвращения оставшимся достанется больше. Или ты, Ланфир, полагаешь, будто он может победить в Тармон Гай’дон? Даже если он и закалит характер Асмодиану, где у него на этот раз Сто спутников? Будет он с Асмодианом или выступит в одиночку, Великий повелитель погасит его, точно испорченную сар-лампку.

Ланфир бросила презрительный взгляд на Саммаэля, тот замолчал и набычился.

– А сколько нас останется в живых, когда наконец освободится Великий повелитель? С четырьмя уже покончено. Не окажешься ли следующим ты, Саммаэль? Тебе, наверно, понравится. Победишь его – и избавишься наконец от своего шрама. Ах да, я запомнила. Сколько раз ты с ним сходилась в Войну Силы? Хоть раз ты побеждал? Что-то не припомню. – И Ланфир повернулась к Грендаль. – Или это окажешься ты. Отчего-то ему трудно причинить боль женщине, но у тебя не будет даже того выбора, который был у Асмодиана. Учитель для него из тебя такой же, как из валуна. Если, конечно, ему не захочется оставить тебя в качестве своей игрушки или комнатной собачонки. Как тебе такой поворот? Вместо того чтобы решать, какая из твоих кукол угрожает тебе больше прочих, ты сама станешь учиться ублажать.

Лицо Грендаль исказилось, и Равин приготовился защищаться – кто знает, что эти две женщины вздумают швырнуть друг в друга. Он готов был даже *переместиться* – при намеке на малейшую струйку погибельного огня. Потом он ощутил, как собирает Силу Саммаэль, ощутил различие в его потоках – Саммаэль назвал бы это завладением тактическим преимуществом. Равин наклонился и схватил его за руку. Саммаэль сердито высвободился, но момент был упущен. Теперь две женщины смотрели не друг на друга, а на мужчин. Ни одна не могла знать, что едва не случилось, но им было ясно: между Равином и Саммаэлем что-то произошло; в глазах и Ланфир, и Грендаль вспыхнул огонек подозрительности.

– Я не прочь услышать, что хотела сказать Ланфир. – Равин не смотрел на Саммаэля, но говорил специально для него. – Должно быть, ей есть что сказать. Иначе эта встреча всего лишь бестолковая попытка напугать нас.

Саммаэль мотнул головой – то ли кивок, то ли просто жест недовольства. Наверное, последнее.

– О, разумеется, есть! Но слегка пугнуть тоже не повредит. – В темных глазах Ланфир все еще сверкало недоверие, но голос был звонок, как прозрачный ручей. – Ишамаэль пытался контролировать его, и неудачно. Попытался в конце концов убить его, и сами знаете, чем все кончилось. Но Ишамаэль шел путем запугивания и грубого обращения, а с Рандом ал’Тором это не приносит результата.

– Ишамаэль совсем ополоумел, – пробурчал Саммаэль, – и от человека в нем мало что оставалось.

– Вот, значит, кто мы такие? – выгнула бровь Грендаль. – Просто люди? Наверняка мы нечто большее. Вот они, люди. – Она провела пальцем по щеке стоящей рядом на коленях прислужницы. – Чтобы охарактеризовать нас, нужно придумать новое слово.

– Кем бы мы ни были, – сказала Ланфир, – мы можем преуспеть там, где свернул себе шею Ишамаэль. – Она чуть подалась вперед, будто навязывая остальным свое мнение.

Ланфир редко выдавала охватывающее ее напряжение. Так почему же сейчас?..

– Почему только мы четверо? – спросил Равин. И еще одно интересовало его: почему нужно ждать?

– А зачем больше? – вопросом на вопрос ответила Ланфир. – Если в День возвращения мы сумеем преподнести Великому повелителю коленопреклоненного Дракона Возрожденного, зачем делить честь – и награду – больше, чем необходимо? И как это ты, Саммаэль, выразился? Может, его еще удастся приспособить для вырубки сухостоя.

Такой ответ был вполне понятен Равину. Разумеется, ни Ланфир, ни другим он нисколько не доверял, но амбиции понятны. Промеж себя Избранные плели всевозможные интриги, лишь бы занять местечко повыше; козни друг другу они строили вплоть до того дня, когда Льюс Тэрин упрятал их в узилище Великого повелителя и наложил на него печати. Но как только Избранные освободились, в тот же день каверзы и заговоры возобновились. Главное – удостоверить, что замысел Ланфир не разрушит собственных планов Равина.

– Говори, – произнес он.

– Во-первых, кто-то еще пытается им руководить, контролировать его. Вероятно, убить его. Я подозреваю Могидин или Демандреда. Могидин имеет обыкновение действовать из-за угла, а Демандред всегда ненавидел Льюса Тэрина.

Саммаэль улыбнулся или, точнее, осклабился, но его ненависть бледнела по сравнению с ненавистью Демандреда, хотя у него причина для нелюбви была куда весомее.

– Откуда тебе известно, что это не один из нас троих? – с живостью поинтересовалась Грендаль.

В широкой улыбке Ланфир тепла было не больше, чем в улыбке Грендаль.

– Потому что вы трое вырыли себе норы и сидите там, оберегая свою власть, когда остальные предпочли кидаться друг на друга. Есть и другие причины. Я же сказала, что приглядывала за Рандом ал'Тором.

Сказанное Ланфир о них было правдой. Сам Равин предпочитал действовать скрытно, оставаясь в стороне, и желательно чужими руками, и в драку без нужды не лез, хотя и не уклонялся от открытых стычек. Саммаэль всегда использовал армии и завоевания; а к Льюсу Тэрину, пусть даже возродившемуся пастухом, он и шагу бы не сделал без стопроцентной уверенности в своей победе. Способом Грендаль тоже было завоевание, хотя и без помощи солдат. Как бы она ни носилась со своими игрушками и развлечениями, за один раз она делала один, но основательный шаг. По меркам Избранных – в открытую и наверняка, но чересчур широко Грендаль никогда не шагала.

– Как вы знаете, я могу следить за ним, оставаясь для него невидимой, – продолжала Ланфир, – но вам лучше держаться от него подальше. Нельзя, чтобы он вас обнаружил. Мы должны заставить его отступить...

Грендаль заинтересованно подалась вперед, Саммаэль, по мере того как Ланфир излагала свой план, кивал все чаще. Свое окончательное суждение Равин решил отложить на потом. Из предложения Ланфир, может, что-то да выйдет. А коли нет... А коли нет, то он уже наметил несколько вариантов, как подправить ход событий к своей выгоде. Тогда действительно все может получиться, и даже очень удачно.

Глава 1

Искры разгораются

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, эпоху, которая давно миновала, поднялся ветер в огромной чащобе, прозванной Браймским лесом. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Ветер-сухой дул на юг и на запад под раскаленным золотым диском солнца. В этих краях, которые обдувал своим жарким дыханием ветер, дождей не было многие недели, и странный для позднего лета зной усиливался день ото дня. Кое-где на деревьях виднелись ранние бурые листья, а в пересохших руслах мелких ручьев дышали жаром голые камни. На открытых пространствах, где лишь редкая пожухлая щетка стебельков вместо исчезнувшей травы удерживала почву своими корнями, ветер обнажил давным-давно исчезнувшие под скрывшей их толщей земли камни. Они были истерты, источены годами и дождями, и вряд ли человеческий глаз распознал бы в них остатки почти забытого города. Помнили о нем лишь предания.

Ветер пронесся через редкие деревни, мимо полей, где в высохших бороздах озабоченно бродили усталые фермеры, и вскоре пересек границу Андора. Лес поредел, превратившись в рощицы и небольшие перелески, и много лиг спустя ветер погнал пыль по единственной улице деревни, именуемой Корийские Ключи. Этим летом давние деревне название родники сильно обмелели. Изнемогающие от зноя собаки лежали, вывалив язык; двое полуголых мальчишек гоняли палками набитый бычий пузырь. Остальное будто замерло без движения в знойном мареве – лишь ветер, пыль да поскрипывающая гостиничная вывеска подавали признаки

жизни. Гостиница была сложена из красного кирпича и крыта соломой, как и прочие дома на улице, но это двухэтажное здание было самым большим и высоким в Корийских Ключах – в этой аккуратной и благообразной деревне. Лошади под седлами, привязанные перед гостиницей, еле помахивали хвостами. Вырезанная на вывеске надпись гласила: «Справедливость доброй королевы».

Прищурившись из-за летящей пыли, Мин приникла к щели в стене сарая, сколоченной из неструганых досок. Глядя одним глазом, ей удалось заметить плечо охранника у двери сарая, но ее внимание было приковано к гостинице, отстоящей чуть дальше. Девушке очень не нравилось столь многозначительное название гостиницы, которое в их положении звучало весьма зловеще. По-видимому, судья, какой-то местный лорд, прибыл совсем недавно, но Мин пропустила этот момент. Вне всяких сомнений, сейчас он выслушивает жалобу фермера. Обвинитель, Адмер Ним, при единодушной поддержке своих братьев и кузенов с их женами, явно намеревался без излишних проволочек повесить «злодеек» прямо тут, но поблизости оказался кто-то из слуг этого лорда. Мин гадала, какое в здешних краях полагается наказание за сгоревший амбар селянина, причем амбар-то сгорел вместе с дойными коровами. Конечно, пожар был случайным, но кто станет вспоминать об этом, раз началось все с того, что они нарушили границы чужих владений.

В суматохе Логайн убежал – только его и видели, – бросив женщин на произвол судьбы. И ведь посмел, чтоб ему сгореть! И теперь девушка не знала, радоваться тому или нет. Ведь когда незадолго до рассвета схоронившихся в амбаре беглецов обнаружили, именно Логайн сбил с ног Нима. Вот тогда-то лампа незадачливого хозяина и упала на солому. Если кого и винить, то Логайна. Да и за языком своим следить Логайн редко когда утруждался. Может, и хорошо, что он удрал.

Мин повернулась, оперлась спиной о стену, вытерла со лба пот. Правда, пот тут же выступил снова. В сарае стояла духота, но две спутницы Мин будто этого и не замечали. Суан, в темном дорожном платье из шерсти, очень похожем на платье Мин, лежала на спине и задумчиво водила соломинкой по подбородку. Меднокожая Лиане, гибкая и высокая, сидела скрестив ноги в нижней сорочке и сосредоточенно орудовала иголкой над своим платьем. Пленникам оставили седельные сумы, но предварительно их перерыли: искали мечи или топоры – в общем, то, что помогло бы им сбежать.

– Какое в Андоре наказание за сожженный амбар? – спросила Мин.

– Если нам повезет, – ответила, даже не повернув головы, Суан, – выпорют ремнем на деревенской площади. Не повезет – пороть будут кнутом.

– О Свет! – еле слышно выдохнула Мин. – И это называется везением?

Суан перекатилась на бок и оперлась на локоть. Она была сильной и крепкой женщиной, очень привлекательной и выглядела всего на несколько лет старше Мин, но сверкавший в пронизательных голубых глазах огонек властности не мог принадлежать молодой женщине, ожидающей суда в жалком сельском сарае. Порой Суан забывалась и вела себя не лучше Логайна, а то и хуже.

– Когда порка закончится, – произнесла она не терпящим дурацких замечаний тоном, – мы будем свободны и сможем убраться на все четыре стороны. У нас это наказание отнимет меньше времени, чем любое другое. Скажем, намного меньше, чем если нас решат повесить. Правда, насколько я помню андорские законы, до такого вряд ли дойдет.

Мин затрясло в приступе хриплого смеха – или сдавленных рыданий.

– Меньше времени? Больше или меньше времени, какая разница! У нас ничего нет, только время! Клянусь, что по пути от Тар Валона мы завернули в каждую деревушку. И нигде ничего не обнаружили. Ни намек, ни шепотка. И по-моему, никакой встречи и в помине нет. К тому же теперь нам придется топтать на своих двоих. Я тут подслушала – Логайн увел с собой наших лошадей. Так что мы безлошадные, заперты в сарае и ждем Свет знает чего!

– Осторожней с именами, – шепотом осадила девушку Суан, многозначительно покосившись на грубо сколоченную дверь с караульным по ту сторону. – Будешь языком молотъ, того гляди вместо рыбы сама в невод угодишь.

Мин скривилась, отчасти потому, что рыбацкие присловья Суан ей уже оскомины набили, а отчасти потому, что та была права. Пока беглянки опережали опасные для них вести, вернее, не опасные, а губительные. Однако кое-какие новости, бывает, за день и на сотню миль летят. Суан именовала себя Марой, Лиане назвалась Амаеной. Логайн взял имя Далин, после того как Суан убедила его, что Гвайр – выбор дурнее не придумаешь. Мин по-прежнему считала, что ее имя никому ничего не скажет, но Суан настояла на своем, и Мин превратилась в Серенлу. Даже Логайну не были известны настоящие имена его спутниц.

Подлинная беда заключалась в том, что Суан не собиралась сдаваться и отступить от своего. Недели безуспешных поисков, теперь еще эта напасть, но едва Мин заикалась о том, чтобы направиться в Тир, это разумное предложение рождало такую бурю, перед которой пасовал и Логайн. Чем дольше они искали и не находили того, что было нужно Суан, тем яростнее становились ее вспышки. «Ну и характер у нее! Прежде небось и скалу бы сдвинула!» Но у Мин доставало ума держать при себе мысли о нраве Суан.

Лиане наконец закончила колдовать над своим платьем и натянула его через голову, потом завела руки за спину, застегивая пуговицы. С какой стати Лиане взбрело в голову заниматься таким хлопотным делом, Мин совершенно не понимала; сама она всякое рукоделие просто ненавидела. Вырез у платья Лиане стал немного ниже, чуть открывая грудь, которую платье обтягивало теперь потеснее прежнего, как, впрочем, и бедра. Но зачем это понадобилось Лиане, в этой-то глуши? Никому и в голову не придет пригласить ее потанцевать в этом жарком, точно печка, сарае.

Порывшись в седельных сумках Мин, Лиане выудила оттуда деревянную коробочку с румянами, пудрой и всякой всячиной, которую Ларас всучила девушке на прощание. Мин собиралась выбросить коробочку при случае, но как-то забыла о ней. Откинув крышку, в которую с внутренней стороны было вделано зеркало, Лиане тут же принялась обмахивать лицо маленькими кроличьими пуховками и кисточками. Прежде Лиане не выказывала пристрастия к подобным вещам. Теперь же она, по-видимому, осталась недовольна, обнаружив в ларчике только одну щетку для волос из черного дерева и маленький костяной гребень. Она даже досадливо поворчала, что нет возможности нагреть щипцы для завивки! С начала поисков темные волосы Лиане отросли, но до плеч все-таки не доходили.

Недолго понаблюдав за манипуляциями Лиане, Мин поинтересовалась:

– Что ты задумала, Ли... Амаена? – Девушка опасалась невзначай глянуть на Суан, та ведь умела следить за своим языком; что же еще делать, сидя под замком и жарясь заживо! А ведь еще и суд этот скоро!.. Повесят или прилюдно выпорют. Ну и выбор! – Решила кого-нибудь охмурить?

Мин, вообще-то, шутила, стараясь разогнать гнетущую атмосферу, но Лиане – воплощенные умение и деловитость – удивила ее своим ответом.

– Вот именно! – с живостью отозвалась она. Широко раскрыв глаза и глядя в зеркальце, Лиане что-то делала с ресницами. – И если я охмурю нужного мужчину, то, может, нам не понадобится тревожиться о порке или о чем-то подобном. По крайней мере, я добьюсь приговора помягче.

Мин подняла было руку, чтобы снова вытереть пот с лица, да так и замерла. Для нее это было все равно что услышать от совы, что та вознамерилась стать колибри, но Суан просто села, обернувшись к Лиане, и ровным голосом спросила:

– Откуда такая мысль?

Мин подозревала, что, пронзи Суан столь пристальным взглядом ее саму, она тут же призналась бы во всех давно забытых проступках. Когда Суан так смотрит на тебя, немедля при-

седаешь в реверансе и несешься исполнять веленное, даже не успев толком уразуметь приказа. По большей части и на Логайна ее взгляд действовал точно так же. Разве что он реверанса не делал.

Лиане же преспокойно коснулась крошечной кисточкой своих скул и тщательно изучила результат в маленьком зеркальце. Потом кинула взгляд на Суан и, словно не замечая ее взора, ответила своим обычным веским тоном:

– Знаешь, моя мать вела торговлю. В основном мехами и строевым лесом. Так вот, однажды я была свидетельницей тому, как она задурила голову салдэйскому лорду и он дал ей на откуп годовой запас леса за половину той суммы, которую хотел получить. И сомневаюсь, чтобы он понял, что случилось, пока не вернулся домой. Да и тогда вряд ли что до него дошло: позже он прислал матери браслет из лунного камня. Доманийским женщинам молва многое зазря приписывает: такую славу им создали гадкими сплетнями высокомерные и назойливые фаты, но кое-что мы умеем. Естественно, мать и тетушки и меня кое-чему научили, вместе с сестрами и кузинами. – Оглядев себя, Лиане покачала головой и со вздохом вернулась к прерванному занятию. – Но боюсь, к четырнадцати годам я здорово вымахала. Острые коленки и локти – точно выросший слишком быстро жеребенок. И вскоре после того, как я смогла пройти по комнате, ни разу не споткнувшись, я узнала... – Лиане глубоко вдохнула, – что жизнь сулит мне нечто иное, чем купеческая стезя. А отныне и эта дорога для меня оборвалась. Пора, пожалуй, воспользоваться тем, чему меня научили столько лет назад. Обстоятельства такие, что лучшего места или времени не придумаешь.

Суан оценивающе смотрела на Лиане еще несколько мгновений:

– Это не причина. Не вся причина. Тогда в чем же дело?

Швырнув в шкатулку маленькую щеточку, Лиане вскинула на Суан горящий взор:

– Причина нужна? Так я не знаю! Знаю только, что в моей жизни нужно чем-то заменить... то, чего больше нет. Ты сама мне твердила: в этом единственная надежда выжить. Для меня месть не так значима. Я понимаю, тебе она необходима, и ты, наверное, права, но, помоги мне Свет, и мести, и общего дела мне не будет! Я не могу заставить себя всецело отдаться этому. Наверное, для меня все слишком поздно. С тобой я останусь, но этого для меня мало.

Гнев отступал, пока она закупоривала пузырьки и флаконы, убирала их в шкатулку, хотя в движениях ее было больше резкости и силы, чем требуется. От Лиане исходил слабый, еле уловимый аромат роз.

– Я знаю, флиртом, заигрыванием пустоты в душе не заполнить, но чем-то надо убить праздные минуты. Может, стать той, кем я рождена, для меня будет достаточно. Просто не знаю. Мысль эта не нова – мне всегда хотелось походить на мою мать и тетушек. Уже взрослой я порой мечтала об этом. – Грусть набежала на лицо Лиане, и последние вещицы она уложила в ларчик с большей аккуратностью. – Я, похоже, все время представляла себе, что притворяюсь кем-то другим. Так и носила маску, пока она не стала второй натурой. Нужно было делать непростую работу, куда более важную, чем торговля. А ко времени, когда я поняла, что есть иной путь, которым я тем не менее могла идти, маска так крепко пристала к лицу, что не отдерешь. Ладно, теперь с этим кончено, и маска спадает. Неделю назад я даже подумывала, не начать ли практиковаться на Логайне. Но опыта у меня – кот наплакал, а он, по-моему, из тех, кто слышит в твоих словах больше обещаний, чем ты намерена предложить, и такие, как он, сразу требуют их исполнения. – На губах Лиане вдруг появилась легкая улыбка. – Матушка всегда говаривала: если дело дошло до этого, значит ты крупно просчиталась. А коли отступить уже некуда, есть два варианта: либо плюнуть на всякое достоинство и дать деру, либо платить и считать случившееся уроком для себя. – Улыбка стала совсем шаловливой. – А тетушка Рисара говорила: плати – и получай удовольствие.

Мин лишь головой покачала. Послушаешь и решишь, что Лиане подменили. Совсем другая женщина! Так говорить о... Девушка не верила своим ушам. Кстати, вид у Лиане и вправду

изменился. Она немало повозилась со щеточками и пуховками, а на лице ее Мин не видела и намека на румяна или пудру. Однако губы Лиане казались полнее, скулы – выше, глаза – больше. Она и без того была миловидной, а теперь стала красивее раз в пять.

Правда, Суан еще не закончила.

– А если этот сельский лорд окажется вроде Логайна? – негромко спросила она. – Что тогда?

Лиане, сидевшая на коленях, напряглась всем телом, тяжело сглотнула, но ответила абсолютно спокойным голосом:

– А что бы ты сделала тогда?

Никто не моргнул; повисла напряженная тишина.

Ответить Суан не дали. Но если она и хотела ответить, то Мин многое бы отдала, чтобы услышать ее ответ. За дверью загремела цепь, брякнул замок.

Суан и Лиане медленно поднялись, спокойно собирая седельные сумы, но Мин вскочила одним прыжком, жалея, что с ней нет ее доброго поясного ножа. «Что за глупость! – подумала она. – От ножа бед было бы еще больше. Я же не какой-то там герой из сказаний. Даже если я брошусь на стражника...»

Дверь открылась, и в проеме вырос мужчина, облаченный поверх рубахи в длинный кожаный жилет. Да-а, на такого молодой женщине не напасть, даже с ножом. А то и с топором. Он был широк и плотен. Немногие оставшиеся на голове волосы были седые, но выглядел мужчина крепким, как старый дубовый пенек.

– Пора вам, девушки, предстать перед лордом, – просипел он. – Сами пойдете или вас тащить, как мешки с овсом? Так или иначе, идти придется, а мне как-то лень волочить вас по такой жарнице.

За спиной говорившего Мин заметила еще двух мужчин, тоже седоволосых и крепко сбитых, хоть и не столь рослых.

– Мы сами пойдём, – сухо сказала Суан.

– Хорошо. Тогда идем. Поживей. Лорд Гарет ждать не любит.

Хоть девушки и пообещали идти, каждую крепко взял за руку охранник, и все зашагали по пыльной земляной улице. Ладонь лысоватого мужчины, будто кандалы, обхватила локоть Мин. «Стоило столько бегать», – горько подумала девушка. Мелькнула мысль пнуть стража по лодыжке – проверить, не ослабит ли тот хватку, но вид у крепыша был столь суровый и уверенный, что Мин заподозрила: скорей всего, она себе ногу отобьет, а остаток пути ее попросту проволокут.

Лиане погрузилась в свои мысли; свободной рукой она делала какие-то непонятные жесты, губы ее беззвучно шевелились, будто она повторяла, что хочет сказать, но то и дело качала головой и начинала заново. Суан тоже была задумчива, но встревоженно хмурилась, даже губу покусывала – никогда прежде она так не волновалась, по крайней мере внешне. В общем, обе ее спутницы не придали Мин смелости.

Шаг за порог общего зала «Справедливости доброй королевы», под потолок с тяжелыми балками, – и Мин совсем пала духом. У стены стоял Адмер Ним, окруженный полудюжиной таких же ражих братьев и кузенов с женами, все – в лучших куртках и передниках. Под опухшим глазом достойного селянина наливался желтизной синяк. Фермеры глядели на трех арестанток со смешанным чувством гнева и удовлетворения, отчего у Мин похолодело в животе. Вдобавок, что еще хуже, взоры фермерских женок горели неприкрытой ненавистью. Вдоль остальных стен в шесть рядов выстроились селяне. Судя по одежде, их оторвали от обыденных трудов. На кузнеце кожаный фартук, у женщин закатаны рукава, руки в муке. И стар и млад, от стариков до немногих детишек, приглушенно переговаривались, отчего в зале висел негромкий гул. На трех женщин все смотрели с жадным огоньком в глазах. Наверное, большего воз-

буждения в Корийских Ключах испокон веку не бывало. Однажды Мин довелось видеть толпу в схожем настроении – на казни.

Стол сдвинули, лишь один установили перед длинным кирпичным камином. Коренастый мужчина с грубовато-добродушным лицом и обильно тронутыми сединой волосами сидел лицом к пленницам, сложив руки на столе. Темно-зеленый шелковый кафтан отличало изящество покроя. Рядом с лордом стояла стройная женщина примерно тех же лет, что и он. На ней было великолепное серое шерстяное платье, вышитое по вороту белыми цветами. Наверно, решила Мин, это и есть тот самый местный лорд, а с ним его леди. Сельская знать осведомлена о событиях в мире немногим лучше своих издольщиков и фермеров, которым благородные сдают в аренду землю.

Стражники вывели трех пленниц на середину зала, поставили лицом к столу лорда и смешались со зрителями. Женщина в сером шагнула вперед, и разговоры тотчас стихли.

– Слушайте все и внимайте, – громко сказала женщина, – ибо сегодня правосудие вершит лорд Гарет Брин. Подсудимые, приговор вам вынесет лорд Брин.

Значит, это не леди, а кто-то вроде должностного лица. Гарет Брин? Последний раз Мин слышала про Гарета Брина, что он капитан-генерал гвардии королевы, и находился он тогда в Кэймлине. Если это, конечно, тот же самый человек. Девушка покосилась на Суан, но та опустила взор на широкие половицы у себя под ногами. Кем бы он ни был, вид у этого Брина усталый.

– Вы обвиняетесь в том, – продолжала женщина в сером, – что ночью проникли в чужое владение, что подожгли и уничтожили здание вместе с хранящимся там имуществом, что убили ценный домашний скот, что нанесли оскорбление действием Адмеру Ниму, что украли кошелек, содержащий, как свидетельствуют, золото и серебро. Ясно, что нападение и кража дело рук вашего соучастника, который сбежал, но перед законом вы трое виновны в той же мере, что и он.

Она сделала паузу, придавая веса своим словам, и Мин с Лиане уныло переглянулись. С Логайна станется добавить ко всему еще и кражу. Сейчас он, скорей всего, уже на полпути к Муранди, а то и дальше.

Чуть погодя женщина заговорила вновь:

– Ваши обвинители присутствуют здесь. – Она указала на выводок Нимов. – Адмер Ним, мы слушаем твои показания.

Кряжистый фермер вышел вперед, преисполненный важности и смущения, одергивая натянувшуюся куртку, с трудом сдерживавшую живот деревянными пуговицами. Он пригладил редующие волосы, то и дело падавшие на лицо.

– Как я говорил, лорд Гарет, обстояло все так...

И фермер совершенно откровенно изложил, как обнаружил чужаков на своем сеновале и приказал им убираться; правда, Логайн в его рассказе подрос на фут, а единственный удар превратился в драку, в которой Ним в долгу не остался и возместил все обидчику сполна. Упал фонарь, занялось сено, в предрассветный час из дому выскочила семья Нима. Тогда и поймали этих вот злодеек, а сарай сгорел дотла, и потом открылась пропажа кошеля из дома. О том же, как появился проезжавший мимо слуга лорда Гарета, когда кое-кто из домочадцев уже тащил веревки и высматривал сук потолще, Ним умолчал.

Когда фермер опять заговорил о «схватке» – на сей раз казалось, он вот-вот одолеет противника, – Брин прервал его:

– Этого достаточно, мастер Ним. Можешь вернуться на место.

Но тут к фермеру подскочила одна из женщин, стоявшая среди родичей Нима. Судя по возрасту, она вполне подходила ему в жены. Хотя лицо женщины было округлым, мягкости и сердечности от нее ждать не приходилось – такой круглой бывает сковорода или обкатанный рекой валун. И обуревал ее не только праведный гнев, а и что-то еще.

– Отхлещите этих девок как следует, лорд Гарет, хорошо? Вздуйте их хорошенько! А после надо их вывалить в дегте и перьях и гнать до самого Джорнхолма!

– Никто не вызывал тебя, Майган! – резким тоном осадила ее стройная женщина в сером. – Это суд, а не рассмотрение жалоб. Вернитесь на место, и ты, и Адмер. Сейчас же! – Оба подчинились, причем Адмер – с большей готовностью, чем Майган. Женщина в сером повернулась к Мин и ее спутницам. – Если желаете дать показания в свою защиту или указать на смягчающие обстоятельства, можете высказаться.

В голосе ее не звучало сочувствия, и вообще он был ровен и безучастен.

Мин ожидала, что заговорит Суан – она всегда была за главную и вела все разговоры, – но Суан не пошевелилась, даже глаз не подняла. К столу, не сводя взора с сидящего за ним мужчины, шагнула Лиане.

Двигалась она так же прямо, как всегда, однако ее обычная походка – грациозный шаг, но все-таки шаг – превратилась в плавное скольжение с намеком на легкое покачивание из стороны в сторону – точно тростинка на ветру. Каким-то образом ее грудь и бедра вдруг обрисовались явственнее. Не то чтобы она выставляла их напоказ, просто так казалось из-за того, как она двигалась.

– Милорд, мы, три беспомощные женщины, спасаемся от бурь, что обрушились на мир. – Ее обычные живые нотки исчезли, голос обрел бархатистую мягкость и мелодичность. В темных глазах затлел призывный огонек. – Без гроша в кошеле, заплутавшие, мы нашли пристанище в сарае мастера Нима. Проступок, я знаю, но нас пугала ночь. – Легкий жест, руки чуть приподняты, открытые ладони обращены к Брину – Лиане на миг показалась совершенно беспомощной. Но всего на миг. – Этот человек, Далин, нам, вообще-то, совсем незнаком. Просто мужчина предложил свое покровительство. В эти дни одним женщинам тяжело, нужен мужчина, который их защитит. Но боюсь, милорд, выбор мы сделали из рук вон плохой. – Расширенные глаза, умоляющее лицо говорили, что сам лорд сделал бы выбор куда вернее. – Да, милорд, этот Далин и напал на мастера Нима. А мы бы или убежали, или отработали хозяину, чьим приютом без спросу воспользовались. – Обойдя вокруг стола, Лиане грациозно опустилась на колени возле стула Брина и мягко положила пальцы на его запястье, заглядывая ему в глаза. Голос Лиане дрожал, хотя от одной ее слабой улыбки учащенно забилося бы сердце любого мужчины. Во всем этом был намек на многое. – Милорд, мы виновны в маленьком преступлении, виновны, однако не настолько, как тут хотят представить. Мы всецело отдаемся вашему милосердию. Умоляю вас, милорд, сжальтесь над нами! Защитите нас!

Одно долгое мгновение Брин смотрел в глаза Лиане. Потом, громко откашлявшись, шумно отодвинул стул, встал и отошел к противоположному концу стола. Селяне и фермеры зашевелились, мужчины, по примеру своего лорда, прочищали горло, женщины что-то тихонько ворчали. Брин остановился перед Мин:

– Как тебя зовут, девочка?

– Мин, милорд. – Уловив глухое бурчание Суан, девушка поспешила добавить: – Серенла Мин. Все зовут меня Серенлой, милорд.

– Видно, у твоей матери было какое-то предчувствие, – с улыбкой проворчал Брин. Не он первый так реагировал на ее имя. – Хочешь что-нибудь добавить, Серенла?

– Только то, что я очень сожалею, милорд, и что в случившемся на самом деле нет нашей вины. Это все Далин. Я прошу о снисхождении, милорд.

Рядом с мольбой Лиане просьба девушки не многого стоила, но лучшего она придумать не сумела. Да и с разыгранным Лиане представлением ничто не могло бы сравниться. Во рту у Мин пересохло – совсем как на знойной улице. А что, если этот лорд решил их повесить?

Кивнув, Брин шагнул к Суан, по-прежнему стоявшей потупившись. Взяв женщину за подбородок, лорд приподнял ее голову и в упор посмотрел ей в глаза:

– А как твое имя, девушка?

Мотнув головой, Суан высвободилась и отступила на шаг.

– Мара, милорд, – прошептала она. – Мара Томанес.

Мин тихонько застонала. Суан была явно напугана и в то же время смотрела на судью вызывающе. Мин уже казалось, что в следующий миг Суан потребует у Бриана отпустить их. Бриан спросил, не желает ли она что-нибудь сказать, и Суан дрожащим шепотом отказалась, но глядела на него так, будто судья здесь – она. Если язык придержать она и сумела, то глаза ее подвели.

Немного спустя Бриан отвернулся. Вновь усевшись на свой стул, он сказал Лиане:

– Встань рядом с подругами, девочка.

Та пошла на место, лицо ее выражало полный крах и еще что-то, что у другого Мин назвала бы обидой.

– Я принял решение, – громко, для всех объявил Бриан. – Преступления серьезные, и ничто из услышанного мною не изменило фактов. Если трое злоумышленников проникнут в чужой дом с целью украсть подсвечники и один из них нападет на хозяина, то виновны в равной мере все трое. Ущерб должен быть возмещен. Мастер Ним, я оплачу тебе восстановление сарая и еще дам цену шести дойных коров. – Глаза крепкого фермера загорелись, но Бриан добавил: – Рассчитается с тобой Каралин, когда уточнит сумму ущерба. Как я слышал, коровы у тебя стали давать мало молока. – (Женщина в сером коротко кивнула.) – Что касается твоей шишки, то я присуждаю за побои одну серебряную марку. Не спорь, – твердо заявил Бриан, когда Ним открыл было рот. – Когда ты перепьешь, от Майган тебе и покрепче достается. – (По рядам зрителей побежали смешки; несколько не смутили селян и растерянно-сердитые взгляды Нимовой родни, а когда Майган поджала губы и презрительно глянула на мужа, смех зазвучал даже громче.) – Я также возьму тебе те деньги, что были в украденном кошельке. Как только Каралин удостоверится, сколько же монет там было и каких.

Вид у Нима и у его супруги был в равной мере обескураженный, но язык они держали за зубами – ясно, что большего от Бриана им не получить. Мин почувствовала, как где-то глубоко в ее душе начинает зарождаться надежда.

Опершись локтями о столешницу, Бриан посмотрел на девушку и ее подруг. От его неторопливых, веских слов у Мин сжалось сердце.

– Вы же трое будете работать у меня, за обычную плату. Будете исполнять все, что вам велят, пока до последнего пенни не возместите того, что я заплачу за вас. И не рассчитывайте на мою снисходительность. Если дадите клятву, которая удовлетворит меня, сторожить вас не станут и вы будете работать в моем поместье, в моем доме. Иначе вас отошлют на поля, там вы будете под неусыпным надзором. За работу на полях плата меньше. Решайте сами.

Мин лихорадочно принялась искать в закоулках памяти самую слабую из клятв, которая подошла бы для этого случая. Так или иначе, ей не хотелось бы нарушать данного слова. Однако она собиралась убежать, как только подвернется возможность, поэтому не желала отягощать совесть излишне серьезным клятвopреступлением.

Лиане тоже искала что-то попроще, но Суан колебалась лишь миг, а потом опустилась на колени и приложила ладони к сердцу. Она не сводила взора с Бриана, и прежний вызов читался в ее глазах.

– Светом и надеждой моей на спасение и возрождение клянусь я служить вам, как будет вам угодно, и столь долго, как вы потребуете, или же пусть Создатель отвернет от меня свой лик, и да поглотит тогда тьма мою душу.

Говорила Суан еле слышным шепотом, но от слов ее воцарилась мертвая тишина. Не было клятвы строже – не считая той, что давала женщина, становясь Айз Седай, но ведь тогда Клятвенный жезл скреплял обет, запечатлевая его навечно в разуме и теле.

Лиане ошеломленно воззрилась на Суан, а потом и сама опустилась на колени:

– Светом и надеждой моей на спасение и возрождение...

Разум Мин безнадежно барахтался, отыскивая хоть какой-нибудь выход из тупика. Дашь клятву меньшую, чем они, и наверняка окажешься на поле, где кто-то ежеминутно будет следить за тобой, но такая клятва... Ее всегда учили: нарушить эту клятву все равно что человека убить. Но выхода не было. Либо поклясться, либо неизвестно сколько лет днем трудиться на поле, а ночи, вероятно, сидеть под замком. Встав на колени возле двух других женщин, Мин пробормотала слова обета, но мысленно она выла в полный голос. «Суан, безрассудней и глупее ты ничего не придумала! Во что ты меня втянула? Я не могу тут торчать! Мне нужно к Ранду! О Свет, помоги мне!»

– Что ж, я такого и не ожидал, – тихо вымолвил Брин, когда прозвучало последнее слово клятвы. – Но этого вполне достаточно. Каралин, будь добра, отведи мастера Нима куда-нибудь и расспроси его об убытках. Хорошо? И попроси всех уйти. Пусть останутся только эти трое. И распорядись еще, чтобы их после отвезли в поместье. В сложившихся обстоятельствах, думаю, их нет нужды стеречь.

Стройная женщина кинула на лорда обеспокоенный взгляд, но коротким приказанием велела всем уходить. У дверей сразу возникла толчея. Адмер Ним с братьями держался подле Каралин, от жадности лицо фермера аж пятнами пошло. Женщин Нимового семейства тоже обуревала алчность, но они еще успевали бросать злобные взгляды на троицу, стоящую на коленях в центре пустеющей комнаты. Мин не верилось, что сейчас она сумеет удержаться на ногах. Слова клятвы раз за разом повторялись в ее мыслях. «Ох, Суан, почему? Мне нельзя тут оставаться! Я не могу!»

– У нас здесь уже было несколько беженцев, – заметил Брин, когда гостиницу покинул последний из местных жителей. Лорд, откинувшись на спинку стула, разглядывал трех женщин. – Но таких необычных, как вы, не видали. Доманийка. А ты из Тира? – (Суан коротко кивнула. Она и Лиане встали; стройная меднокожая женщина принялась тщательно отряхивать платье, Суан просто стояла. Мин с трудом поднялась, ноги у нее подгибались.) – И ты, Серенла. – По губам его при этом имени вновь скользнула еле заметная улыбка. – Если я не ошибся в твоём выговоре, ты откуда-то с запада Андора.

– Из Байрлона, – тихо пробормотала девушка, спохватилась, но поздно. Слово – не воробей. А ведь кто-то мог знать, что Мин из Байрлона.

– Не слышал, чтобы на западе появились беженцы. Там вроде бы ничего не было? – с вопросительной ноткой произнес он. Девушка молчала, и вопросов Брин задавать не стал. – Когда отработаете свой долг, вас с радостью примут ко мне на службу. К оставшимся без крова жизнь бывает сурова, и даже топчан прислуги лучше, чем ночлег под кустом.

– Благодарю вас, милорд, – ласковым тоном произнесла Лиане, склоняясь в столь грациозном реверансе, что даже в своем грубом дорожном платье выглядела точно на балу во дворце. Мин слабым голосом вторила ей, но на реверанс не отважилась – боялась, подведут колени. А Суан просто стояла, глядя на Брина, и ни слова не вымолвила.

– Очень жаль, что ваш спутник увел с собой ваших лошадей. Четыре лошади скостили бы часть долга.

– Он – чужак и злодей, – сказала ему Лиане голосом, более подходящим для интимной беседы. – Лично я бесконечно счастлива, что вместо него теперь наш защитник – вы, милорд.

Брин оглядел Лиане, как показалось Мин, оценивающе, но сказал лишь:

– В поместье вам нечего опасаться Нимов.

Никто не ответил. Мин, по чести сказать, не видела особой разницы, где мыть полы: в поместье Брина или на ферме Нима. «Как же я выберусь из всего этого? О Свет, как?!»

Воцарившуюся тишину нарушал лишь тихий стук – Брин барабанил пальцами по столу. Можно было подумать, он не знает, что еще сказать, но Мин сомневалась, чтобы лорда что-нибудь выбило из колеи. Скорей всего, Брин недоволен тем, что лишь одна Лиане как будто выказала ему благодарность; девушка опасалась, что, по его мнению, приговор мог быть куда

жестче. Видимо, до какой-то степени возымели действие и жаркие взгляды Лиане, и ее обволакивающий голос, но Мин не возражала бы, чтобы та вела себя как прежде, как день назад, как неделю назад. Хуже случившегося ничего не придумать, даже оказаться подвешенной за руки на деревенской площади и то было бы лучше.

Наконец вернулась, что-то ворча, Каралин. Она стала докладывать Брину, ничуть не скрывая раздражения:

– Чтобы выбить честные ответы из этих Нимов, нужен не один день, лорд Гарет. Послушай я Адмера, так у него появилось бы пять новых сараев и пятьдесят коров. По крайней мере, думаю, кошелек у него все-таки был, но вот сколько там денег... – Она покачала головой, вздохнула. – Со временем я обо всем узнаю. Джони готов отвезти этих девушек в усадьбу, если вы закончили с ними.

– Забирай их, Каралин, – сказал Брин, вставая. – Как отправишь, зайди за мной. Я буду на кирпичном заводе. – Голос у него опять звучал устало. – Тэд Харен говорит: чтобы продолжать делать кирпичи, ему нужно больше воды, и одному Свету ведомо, где я должен сыскать для него воду.

Широким шагом он вышел из общего зала, будто совсем забыв о трех женщинах, только что поклявшихся служить ему.

Джони оказался тем самым широкоплечим лысеющим мужчиной, который явился за девушками в сарай. Теперь он поджидал их перед гостиницей, возле повозки с высокими колесами и с парусиновым верхом на полукруглых рамах. В подводу была впряжена худая гнедая лошадка. Несколько деревенских жителей стояли и наблюдали за отправлением пленниц, но большинство селян, скорей всего, вернулись к своим делам или просто попрятались от зноя. Гарет Брин виднелся уже в дальнем конце улицы.

– Джони позаботится, чтобы вы благополучно добрались до поместья, – сказала Каралин. – Делайте, что велят, и жизнь не покажется вам тяжелой.

Несколько секунд она внимательно разглядывала трех женщин, ее темные глаза были пронзительны, как у Суан; потом Каралин кивнула, будто удовлетворившись осмотром, и заспешила следом за Брином.

Джони придержал полог повозки, но забраться женщинам не помог и предоставил им рассаживаться самим. Соломки подстелить в повозке оказалось всего с охапку, тяжелая парусина нагрелась, и внутри было жарко. Джони не сказал ни слова. Когда он забирался на сиденье возницы, невидимое за парусиной, повозка качнулась. Потом Мин услышала, как он цокнул языком, и повозка, переваливаясь, покатила вперед, поскрипывающие колеса подскакивали на рытвинах.

Через щель в пологе Мин смотрела, как уменьшалась позади деревня, потом ее скрыли длинные полосы перелесков, потянулись огороженные поля. У потрясенной случившимся девушки не осталось сил на пустую болтовню. Великому деянию Суан суждено кончиться отскребанием котлов и мытьем полов. Не нужно было ей помогать Суан, даже близко подойти не стоило. Надо было при первой же возможности во весь опор гнать в Тир.

– Ну вот, – вдруг сказала Лиане, – сработало вовсе не плохо. – Она вновь говорила своим прежним живым голосом, но в нем проскальзывало возбуждение – поверить невозможно! Вдобавок на щеках у нее играл румянец. – Могло выйти и лучше, но немного практики – и все пойдет на лад. – Раздалось приглушенное хихиканье. – Никогда не думала, что это настолько забавно. Когда я и в самом деле почувствовала, как у него участился пульс... – Она повторила движение, которым коснулась запястья Брина. – По-моему, никогда еще я не ощущала такой полноты жизни, не была такой чувствующей, чуткой ко всему. Тетушка Рисара говорила, что мужчины – забава получше соколов, но до нынешнего дня я не понимала ее правоты.

Бедная Мин, которую нещадно мотало в повозке, изумленно вытаращила глаза. Наконец она вымолвила:

– Ты сошла с ума! Сколько лет у нас отняла эта клятва? Два года? Пять лет? Видно, ты надеешься, что Гарет Брин все эти годы станет нежить тебя на коленях? Ладно, надеюсь, он тебя на них разложит и отшлепает! И так каждый день! – Судя по выражению лица, Лиане была весьма озадачена, но Мин ничуть не смягчилась. Неужели она считает, будто Мин примет все с таким спокойствием, как сама Лиане? Но вообще-то, Мин злилась вовсе не на нее. Девушка вывернула шею и покосилась на Суан. – А ты! Когда решаешь отступить, то уж сразу по-крупному. Просто сдалась, как овечка на бойне. Зачем было давать *такую* клятву? Света ради, зачем?

– Потому что, – ответила Суан, – это единственная известная мне клятва, после которой я была уверена, что он не приставит к нам соглядатаев.

Полулежа на грубых досках повозки, Суан говорила таким тоном, будто разъясняла самую очевидную вещь в мире. И Лиане, как видно, с ней соглашалась.

– Ты хочешь нарушить клятву, – потрясенно прошептала Мин, потом встревоженно взглянула в щель парусинового полога, на козлы. Вряд ли Джони что слышал.

– Я сделаю то, что должна, – твердо, но так же тихо заявила Суан. – Два-три дня, пока я не удостоверюсь, что за нами не особенно приглядывают, – и мы уйдем. К сожалению, поскольку лошадей у нас нет, придется взять чужих. У Брины наверняка хорошие конюшни. Об этом поступке я буду сожалеть.

И Лиане сидела точно кошка с усами в сметане. Она, видно, все поняла с самого начала, потому-то и не замешкалась, а сразу дала клятву.

– Ты будешь сожалеть о краже лошадей? – хрипло произнесла Мин. – Решила нарушить клятву, которую одни приспешники Темного смеют нарушать, и сожалешь о краже лошадей? Ни одной из вас я больше не верю. И знать вас не желаю!

– Ты и в самом деле хочешь остаться и отскрести грязные котлы? – сказала Лиане так же тихо, как и Мин с Суан. – Ранда здесь нет, а ведь сердце твое украл он.

Мин только сердито глазами зыркала. Как бы ей хотелось, чтобы они никогда не узнали, что она влюблена в Ранда ал'Тора. Порой ей хотелось и самой об этом не знать. Влюбиться в мужчину, который едва ли знает, что она жива, влюбиться в *такого* мужчину!.. Но кто он такой, казалось теперь Мин совсем не таким важным по сравнению с тем, что он на нее почти не обращал внимания; все это, по правде говоря, одно и то же. Мин хотела сказать, что она-то слово сдержит, а о Ранде забудет, отрабатывая свой долг, сколько бы это ни отняло времени. Только вот губ разлепить ей никак не удавалось. «Чтоб ему сгореть! Не встретить я его, не угодила бы в такую передрагу!»

Когда молчание, нарушаемое лишь ритмичным поскрипом колес и глухим стуком копыт, слишком уж затянулось – по мнению Мин, – заговорила Суан:

– Клятву свою я исполню. Сделав то, что *обязана* сделать в первую очередь. Я не клялась служить ему с этого же дня. Я говорила прямо, но осторожно, чтобы даже намек на это не прозвучало. Да, это тонкий момент, и его Гарет Брин мог и не уловить, но все сказанное – правда.

Мин качнуло на ухабе вместе с повозкой.

– То есть вы убежите, а через несколько лет вернетесь и сдадитесь Брину? Да он ваши шкуры на сырмятню продаст! *Нашии* шкуры! – Лишь произнесся эти слова, девушка поняла, что согласна с решением Суан. Убежать, а потом вернуться и... «Нет, не могу! Я люблю Ранда. А он и ухом не поведет, коли Гарет Брин заставит меня работать на кухне всю оставшуюся жизнь!»

– Да, такого мужчину не проведешь, согласна. И против него не пойдешь, – вздохнула Суан. – Однажды я с ним встречалась. Меня в холодный пот бросило, он ведь мог узнать мой голос. Лица меняются со временем, а вот голоса – нет. – Она задумчиво провела пальцами по своему лицу, как порой, сама того не замечая, делала и до нынешнего дня. – Лица меняются, –

тихо произнесла она. Голос стал жестче. – Я уже многим заплатила за свои прошлые поступки, заплачу и за этот. Когда придет время. Если выбор у тебя – утонуть или ехать верхом на рыбелле, то прыгай на нее и надейся на лучшее. Поэтому хватит об этом, Серенла.

– Быть служанкой – вовсе не то, что я бы для себя выбрала, – заметила Лиане, – но это все еще далеко в будущем, и кто знает, что прежде случится? Я слишком хорошо помню время, когда мне казалось, будто для меня вообще нет будущего. – Легкая улыбка проступила на ее губах, Лиане мечтательно прикрыла глаза, голос стал бархатистым. – Кроме того, вряд ли он, по-моему, продаст наши шкуры. Дайте мне лет пять потренироваться, а потом несколько минут побыть с лордом Гаретом Брином, и он примет нас с распростертыми объятиями и разместит в лучших своих апартаментах. Нарядит в шелка, предложит свой экипаж и отвезет, куда мы захотим.

Мин не стала разрушать хрустальные замки фантазий Лиане. Временами у девушки мелькала мысль, что эти двое живут в каком-то выдуманном мире. И еще одно не давало ей теперь покоя. Вроде бы мелочь, но...

– Вот еще что, Мара. Я заметила, кое-кто улыбается, услышав имя Серенла. Брин тоже улыбнулся и сказал, будто у моей матери было предчувствие. В чем дело?

– На древнем наречии, – ответила Суан, – это имя значит «дочь-упрямица». Еще при первой встрече упрямяство из тебя фонтаном било. В милю высотой и с четверть мили в ширину. – (И это Суан говорит! Да упрямей ее в целом мире женщины не сыскать! Еще и улыбается вовсю!) – О, конечно же, на этом ты не остановилась, дальше идешь. Так что в следующей деревне можешь назваться Чалиндой. Что значит «милая девочка». Или вот еще...

Повозку вдруг трянуло сильнее прежнего, и она покатила так быстро, словно лошадь понеслась галопом. Женщин мотало, точно зернышки в сите, а они лишь изумленно переглядывались. Затем Суан рывком поднялась и отдернула впереди парусиновый полог. Джони на сиденье возницы не было. Потянувшись через сиденье, Суан подобрала вожжи и рванула на себя. Лошадь остановилась. Мин откинула полог сзади, выглянула.

Дорога проходила через заросли, можно сказать, лесок из дубов и вязов, мирта и сосен. Пыль, поднятая короткой гонкой, мало-помалу оседала. В ее клубах виднелся Джони, растянувшийся на обочине укатанной грунтовой дороги, шагах в шестидесяти позади повозки.

Не задумываясь Мин соскочила наземь и побежала к лежащему. Рядом с ним она опустилась на колени. Джони дышал, но глаза его были закрыты, а на виске под кровавой ссадиной набухла лиловая шишка.

Лиане отстранила девушку и уверенными движениями ощупала голову Джони.

– Жить будет, – быстро отметила она. – Вроде бы кости целы, но, когда он очнется, несколько дней у него будет побаливать голова. – Сев на пятки, она сложила руки на груди, в голосе послышалась печаль. – В любом случае я для него ничего не могу сделать. Чтоб мне сгореть, обещала же себе, что больше не буду об этом плакать!

– Вопрос... – Мин сглотнула комок в горле и начала заново: – Вопрос в том, что нам делать: погрузить его в повозку и отвезти в поместье или... убежать? – «О Свет, я ничем не лучше Суан!»

– Можем довести его до ближайшей фермы, – медленно произнесла Лиане.

К ним подошла Суан, ведя в поводу лошадь, причем с таким видом, словно боялась, что мирное животное вырвется из оглобелей и покусает ее. Бросив взгляд на лежащего мужчину, она нахмурилась:

– Он бы не поранился так, если бы просто упал с повозки. Я не вижу тут ни камня, ни корня.

Она всмотрелась в окружающий лес; из-за деревьев верхом на высоком черном жеребце выехал мужчина. Он вел за собой трех лошадей, одна из них была мохнатая и на две ладони ниже других.

Высокий мужчина в синем шелковом кафтане, с мечом на поясе, вьющиеся волосы ниспадали на широкие плечи. Он был красив мрачноватой красотой, хоть невзгоды и отметили его лицо ожесточенностью. И был он последним человеком, которого ожидала увидеть Мин.

– Твоих рук дело? – сурово спросила у него Суан.

Логайн улыбнулся, натягивая поводья жеребца и останавливая его у повозки, хотя веселья в его улыбке было мало.

– Праща – штука полезная, Мара. Вам повезло, что я оказался здесь. Я предполагал, что вы покинете ту деревню через несколько часов, и ноги бы вы тогда переставляли еле-еле. Похоже, этот местный лорд весьма снисходителен. – Вдруг лицо его помрачнело еще больше, а голос стал тяжелым как камень. – А вы думали, я брошу вас на произвол судьбы? Может, и стоило бы. Но вы мне пообещали, Мара. Я хочу отомстить, как вы мне обещали. Я шел за вами столько, что до Моря штормов осталось не так далеко. Я следовал за вами, хотя вы и не говорили, что мы ищем. Я не спрашивал и о том, как вы намерены исполнить обещанное. Но теперь я скажу. Ваше время истекает. побыстрее заканчивайте свои поиски и выполняйте обещание, иначе я брошу вас. Ищите тогда дорогу сами. Очень скоро вы поймете, что в деревнях мало сочувствуют нищим чужакам. Три хорошенькие женщины – и одни? Один вид этого, – он коснулся меча, – спасал вас от неприятностей больше, чем вы догадываетесь. Поэтому, Мара, побыстрее отыщи, что тебе надо.

В начале этого пути Логайн не был столь надменен и бесцеремонен. Тогда он униженно благодарил их за помощь – так смиренно, как только может мужчина вроде Логайна. Видимо, время – и отсутствие результатов поисков – подточили его благодарность.

Суан не дрогнула под пристальным взглядом Логайна.

– Надежда еще есть, – твердо заявила она. – Но раз тебе хочется уйти, оставь наших лошадей – и скатертью дорога! Не нравится грести, выпрыгивай из лодки и выгребай сам! Посмотрим, далеко ли ты уплывешь со своей мезтью в одиночку.

Крупные руки Логайна сжали поводья, Мин услышала, как хрустнули суставы. Легкая дрожь выдавала бьющие через край эмоции.

– Я останусь с вами, Мара, – наконец произнес он. – Еще ненадолго.

На миг для взора Мин вокруг головы Логайна вспыхнул ореол – сияющая золотисто-голубая корона. Естественно, Суан и Лиане ничего не видели, хотя о такой способности девушки знали. Иногда она замечала вокруг людей подобные ореолы, которые сама называла видениями, – образы или ауры. Иногда Мин понимала, что они означают. Эта женщина выйдет замуж. Тот мужчина умрет. Житейские мелочи или великие события, радостные или мрачные; объяснения этому дару не было, как неизвестны были и причины того, с кем, когда и где он проявится. Айз Седай и Стражи всегда имели ауры; у подавляющего большинства обычных людей они не проявлялись никогда. И знание будущего людей не всегда было приятно.

Прежде Мин уже видела ореол вокруг Логайна и знала, что означает это видение. Грядущая слава. Но вероятно, из всех мужчин именно для него будущее могущество – полная бессмыслица. Своего коня, и меч, и куртку он выиграл в кости, хотя Мин и сомневалась, что игра была честной. Больше у Логайна не было ничего, впереди его ничего не ждало, не считая призрачных обещаний Суан. Да и сумеет ли она их сдержать? Одно лишь его имя для Логайна – уже смертный приговор. Нет, в этом видении нет никакого смысла.

Хорошее настроение вернулось к Логайну столь же внезапно, как и оставило его. Выдернув из-за пояса толстый, грубой вязки кошель, он звякнул им перед женщинами:

– Я раздобыл немного денег. В ближайшее время нам не придется по сараям ночевать.

– Как же, слышали, – сухо откликнулась Суан. – Лучшего от тебя и ожидать не приходится.

– Считайте это пожертвованием на ваши розыски. – Она протянула руку, но Логайн с легкой насмешливой ухмылкой привязал кошель к своему поясу. – Не стоит вам, Мара, пач-

кать руки краденым. Кроме того, так я буду уверен, что вы не сбежите, бросив меня. – Вид у Суан был такой, будто сунь ей гвоздь – и она перекусит его. Тем не менее она ничего не сказала. Привстав в стременах, Логайн кинул взгляд на дорогу, ведущую в Корийские Ключи. – Сюда двое мальчишек отару овец гонят. Нам пора. Они расскажут обо всем, как только до деревеньки добегут. – Устроившись вновь в седле, он поглядел на Джони, все еще лежащего без сознания. – И помощь этому парню скоренько приведут. Вряд ли я его очень сильно поранил. Ничего страшного не должно быть.

Мин покачала головой; Логайн все время ее удивлял. Ей-то казалось, что он выбросил из головы человека, которому несколько минут назад разбил голову, и думать о нем забыл.

Суан с Лиане не стали медлить и залезли в седла, Лиане – на серую кобылку по имени Луноцветик, Суан – на Белу, низкую и косматую. Правда, наездница из Суан была аховая, и даже после нескольких недель в седле она обращалась со смиренной Белой будто с боевым конем, зло раздувающим ноздри и косящим огненным глазом, посему и забиралась на нее с опаской. Лиане же управлялась с Луноцветиком с непринужденной легкостью, до которой Мин было далеко, но, в отличие от Суан, девушка знала, с какой стороны подойти к лошади, и в седло Дикой Розы, своей гнедой, она запрыгнула очень изящно.

– Думаешь, он отправит за нами погоню? – спросила Мин, когда путники легкой рысцой двинулись на юг, прочь от Корийских Ключей.

Спрашивала девушка у Суан, но ответил ей Логайн:

– Местный лорд? На что вы ему сдались? Эка важность! Конечно, может послать одного человека, наверняка разошлет ваши описания. Но мы поскачем не останавливаясь, как можно дальше, и завтра тоже будем гнать. – Судя по всему, теперь за старшего стал он.

– Да, какая *в нас* для него важность, – промолвила Суан, неловко подскакивая в седле. Сколько бы она ни осторожничала с Белой, взгляд, которым она буравила спину Логайна, говорил, что ее власти брошен вызов и долго такое положение она терпеть не намерена.

Мин же надеялась, что Брин считает трех женщин ничем не примечательными беженками. Может, так оно и есть. Но как только он узнает их подлинные имена...

Логайн погнался жеребца быстрее, и девушка ударила Дикую Розу каблуками, чтобы та не отставала. Мин решила думать не о том, что осталось позади, а о том, что ждет впереди.

Заткнув кожаные перчатки за пояс с мечом, Гарет Брин взял с письменного стола бархатную шляпу с загнутыми полями. Шляпа была последним достижением моды, и привезли ее из Кэймлина. За тем, чтобы его гардероб соответствовал всем новым веяниям, следила Каралин; сам же лорд модой совершенно не интересовался, но Каралин считала, что одеваться он должен сообразно своему высокому положению, и самолично по утрам выкладывала ему шелковые и бархатные наряды.

Надев эту шляпу с высокой тульей, Брин уловил свое смутное отражение в окне кабинета. Да, все как и есть сейчас – колеблющаяся тонкая фигура... Брин скосил глаза на серую шляпу и серую же шелковую куртку, вышитую по рукавам и воротнику серебряными завитками. Мало похоже на привычные ему шлем и доспехи. Но с этой жизнью отныне покончено раз и навсегда. А эти наряды... Всего лишь средство хоть чем-то заполнить пустоту тоскливых дней. И больше ничего.

– Вы уверены в своем решении, лорд Гарет?

Брин отвернулся от окна и посмотрел на Каралин, стоящую у своего письменного стола, в противоположном конце комнаты. Стол Каралин был завален счетными книгами – те годы, что Брин отсутствовал, она управляла всеми его имениями, всем хозяйством, и, вне всяких сомнений, управлялась с этим делом значительно лучше его.

– Оставили бы их работать на Адмера Нима, – продолжала Каралин, – как предписывает закон. Тогда это дело вообще бы вас не касалось.

– Но я не оставил, – сказал Брин, – и, доведись рассматривать это дело вновь, поступил бы точно так же. Тебе не хуже меня известно, что Ним и его кузены этим девушкам ни днем ни ночью проходу бы не давали. А Майган со своими товарками превратила бы их жизнь в сущую Бездну Рока, если бы только все три девушки случайно в колодце не утонули.

– В такую жару, – сухо заметила Каралин, – даже Майган не стала бы сталкивать их в колодец. Тем не менее, лорд Гарет, мне понятна ваша точка зрения. Но у них был почти целый день и вся ночь, они могли убежать куда угодно. Разошлите о них сообщения, и только тогда вы их найдете. Если их вообще удастся отыскать.

– Тэд их найдет.

Тэду было за семьдесят, что ничуть не мешало ему учуять вчерашний запах при луне да на камнях. К тому же он был безмерно счастлив сбавить заботы о кирпичном заводе сыну.

– Ну, раз вы так говорите... – (Каралин и Тэд не очень-то ладили.) – Что ж, когда вернете беглянок, я найду, к чему их в доме приставить.

Что-то в ее голосе, какая-то нотка насторожила Брину. Ненароком прозвучавшее удовлетворение. Чуть ли не с первого дня, как он вернулся домой, Каралин приводила в манор хорошеньких служанок и девушек с ферм. Их перед Брином прошла целая череда, и все они готовы были помочь лорду забыть о его горестях.

– Они – клятвопреступницы, Каралин. Боюсь, им суждено гнуть спину на полях.

Мимолетно напрягшиеся губы Каралин подтвердили подозрения Брины, но голос ее остался равнодушен:

– Прочим двум, лорд Гарет, там, наверно, и место, но не стоит разбрасываться красотой и изяществом. Эта доманийская девушка вполне подходит, чтобы прислуживать за столом. Такая юная и необыкновенно красивая. Но разумеется, все будет так, как вы пожелаете.

Так вот кого, получается, присмотрела Каралин. И в самом деле, необыкновенно красивая девушка. Правда, чем-то неуловимо отличается от тех доманиек, что встречались Брину. Робкое прикосновение там, слишком поспешное и короткое тут. Такое, конечно, абсолютно невозможно. Доманийки чуть ли не с колыбели обучают своих дочерей обводить мужчин вокруг пальца. Нельзя сказать, чтобы ей ничего не удалось, кое-что она сумела, Брин это признавал. Раз уж Каралин после всех фермерских девушек решила напустить на него ее... Необыкновенно красивая.

Тогда почему не ее лицо, не ее облик занимают его мысли? Почему он ловит себя на том, что думает о голубых глазах? С вызовом глядящая на него, будто желая, чтобы под рукой оказался меч, испуганная, но отказывающаяся уступить страху. Мара Томанес. Он был уверен: она сдержит слово, она из тех, кому не нужны клятвы.

– Я верну ее, – сказал себе Брин. – И узнаю, почему она нарушила клятву.

– Как скажете, милорд, – отозвалась Каралин. – Думаю, она вполне справится с обязанностями горничной в вашей опочивальне. Села немного старовата, чтобы бегать вверх-вниз по лестницам, когда вам ночью что-то понадобится.

Брин удивленно моргнул. О чем это она? Ах да, о девушке-доманийке. Он покачал головой, сетуя на глупость Каралин. А сам-то он разве не большой глупец? Он – лорд; он должен оставаться здесь и заботиться о своих людях. Однако Каралин управляет со всем куда лучше его, как и все те годы, когда он отсутствовал. Сам Брин знал одно лишь солдатское ремесло, всю жизнь провел в военных лагерях, участвовал в бесчисленных кампаниях и походах, ну еще понимал кое-что в том, как маневрировать в придворных интригах. Нет, все же Каралин права. Нужно снять этот меч, эту дурацкую шляпу, потом Каралин напишет описание беглянок и...

Вместо этого Брин сказал:

– Повнимательней приглядывай за Адмером Нимом и его родней. Они непременно постараются тебя надуть.

– Как скажете, милорд.

Слова были преисполнены почтения, но тон говорил: «Ты еще поучи дедушку овец стричь». Усмехаясь про себя, Брин вышел из кабинета.

Манор в поместье мало отличался от разросшегося фермерского дома – два этажа, возведенные без всякого плана из кирпича и камня и подведенные под шиферную крышу, пристройки и флигели, расплзшиеся за многие поколения Бринов. Род Бринов владел этой землей – или она владела ими – с тех пор, как на обломках империи Артура Ястребиное Крыло около тысячи лет назад возник Андор, и с этого времени сыновья Бринов верой и правдой служили Андору на полях сражений. Больше в войнах за Андор ему не сражаться, но думать о Доме Брин уже поздно. Слишком много было войн, слишком много сражений. Он последний в роду. Ни жены, ни сына, ни дочери. С ним умрет род. Всему есть конец – вращается Колесо Времени.

Перед домом на мощенном камнем дворе ждали рядом с оседланными лошадьми двадцать человек. Седины у многих еще больше, чем у Брина. Все – многоопытные воины, ветераны, командиры десятков и эскадронов, знаменщики, некогда служившие с ним вместе. Джони Шагрин, бывший старшим знаменщиком гвардии, стоял впереди строя с повязкой на голове, хотя Брин достоверно знал, что дочери Джони подсылали своих детишек, дабы те уговорили его не вставать с постели. У него, в числе немногих, была семья – то ли здесь, то ли где-то в другом месте. Многие выбрали службу у Гарета Брина, вместо того чтобы пропивать свои пенсии да докучать собутыльникам воспоминаниями, которые никому не интересны, кроме как другому такому же старому вояке.

Все опоясались поверх курток мечами, несколько человек притащили длинные, со стальными наконечниками пики, которые до сегодняшнего утра красовались на стенах. Позади каждого седла приторочена толстая скатка, седельные сумы раздуты, котелок или чайник, наполненные бурдюки – бывалые бойцы словно вновь собрались в долгий поход, а не на недельку на поиски трех женщин, подпаливших какой-то сарай. Просто появилась возможность тряхнуть стариной, или розыски стали предлогом вспомнить прежние веселые деньки.

Брин не знал, не это ли чувство заставило и его вытащить из пыльного сундука верный меч. Для того чтобы гоняться верхом за хорошенькими глазками, он слишком стар, вдобавок эта молодая женщина ему в дочери годится, а то и во внучки. «Я не такой дурень», – твердо сказал себе Брин. Каралин гораздо лучше со всем управится, коли он не станет влезать в хозяйственные дела.

Из дубовой аллеи, ведущей к дороге, галопом вылетел длинноногий гнедой мерин. Не успело животное остановиться, как наездник спрыгнул с седла и, хоть споткнулся, устоял на ногах и сумел приложить руку к сердцу в приветствии. Крепкий и жилистый, с головой, напоминающей обтянутое кожей яйцо, и с белыми бровями, своей густотой пытавшимися возместить отсутствие прочих волос, Бэрим Халль много лет назад служил под началом Брина старшим десятником.

– Вас вызвали обратно в Кэймлин, мой капитан-генерал? – переведа дух, спросил он.

– Нет! – чересчур резко ответил Брин. – А с чего это ты прискакал, будто на хвосте у тебя кайриэнская конница?

Уловив настроение гнедого, другие лошади тоже принялись вытанцовывать на месте.

– Никогда не скакал так споро, милорд, если только мы за ними не гнались. – Ухмылка Бэрима исчезла, когда он заметил, что Брин не смеется. – Ну, милорд, я увидел лошадей и решил... – Бэрим взгляделся в лицо Брина и оборвал себя: – Ладно, вообще-то, у меня есть кой-какие новости. Был я в Новом Брайме, заезжал к сестре. Наслушался всякого.

Новый Брайм был древнее Андора – «старый» Брайм уничтожили еще в Троллоковы войны, за тысячу лет до Артура Ястребиное Крыло, – и для новостей места лучше не найти. Средних размеров городок на границе, довольно далеко к востоку от владений Брина, на дороге

из Кэймлина в Тар Валон. Каким бы ни стало ныне отношение Моргейз к Тар Валону, купцов на дороге не убавилось.

– Ладно, солдат, выкладывай. Что за новости такие?

– Э-э... я как раз стараюсь сообразить, с чего начать, милорд. – Бэрим невольно выпрямился. – По-моему, самое важное вот что. Говорят, Тир пал. Айильцы захватили саму Твердыню, и Меч-Которого-Нельзя-Коснуться... в общем, его-то и коснулись. По слухам, кто-то его в руку взял.

– Его айилец взял? – недоверчиво спросил Брин.

Айилец скорее умрет, чем меча коснется, чему он сам был свидетелем в Айильскую войну. Правда, утверждают, что *Калландор* вроде и не меч вовсе, но кто его знает.

– Этого не говорили, милорд. Имя я слышал, Рен или что-то вроде, привычное уху. Но говорили о случившемся как о факте, а не как о слухе. Будто об этом всем известно.

Брин задумчиво наморщил лоб. Если сказанное – правда, то это уже не беда, а гораздо хуже. Если Калландор взяли, значит Дракон Возродился. А из пророчеств следует, что тогда близится Последняя битва, что Темный рвется на свободу. Как гласят пророчества, Дракону суждено спасти мир. И уничтожить его. Одной такой новости довольно, чтобы Халль гнал как сумасшедший, тут и думать нечего.

Но тот еще не закончил с новостями:

– Из Тар Валона, милорд, известие пришло тоже немаленькое. Если верить людям, то там теперь новая Амерлин. На Престоле Амерлин, милорд, теперь Элайда, которая была у нашей королевы советницей. – Вдруг смешавшись, Халль затараторил дальше. Моргейз была запретной темой, и каждый в поместье знал об этом, хотя сам Брин ничего и не запрещал. – Предыдущую Амерлин, Суан Санчей, мол, усмирили и казнили. И Логайн тоже мертв. Тот Лжедракон, которого они в прошлом году изловили и укротили. Говорят так, милорд, будто все – сушая правда. Кое-кто утверждал, будто самолично был в Тар Валоне, когда там все происходило.

Логайн – невелика новость, хоть и начал он войну в Гэалдане, провозгласив себя Драконом Возрожденным. За последние несколько лет появилось несколько Лжедраконов. Правда, про Логайна точно известно: направлять Силу он мог. Пока не укротили его Айз Седай. Ладно, он не первый мужчина, которого поймали и укротили, отрезав от Силы и навсегда лишив способности направлять. Если верить молве, мужчины, будь они Лжедраконами или просто глупыми беднягами, которые чем-то не потрафили Красной Айя, после такой процедуры долго не живут. Поговаривают, они вроде как теряют желание жить.

А вот Суан Санчей – это важно. Почти три года назад он с ней встречался. Женщина, потребовавшая повиновения себе без всяких объяснений. Жесткая, как подошва старого сапога, язычок что рашпиль, а характер точно у медведя с большим зубом. Такая любого выскочку-претендента голыми руками на части раздерет. Усмирение для женщины – то же, что для мужчины укрощение, но явление намного более редкое. Тем паче для Престола Амерлин. За три тысячи лет лишь две Амерлин, по признанию самой Башни, подверглись такому наказанию, хотя, вполне вероятно, эта участь постигла еще дюжины две, о ком даже слуха не просочилось. Чего-чего, а скрыть, что ей надо, Башня всегда умела. Но казнь совершенно лишена смысла, после усмирения-то. Ведь вроде женщины переносят процедуру усмирения не лучше укрощенных мужчин и вряд ли живут дольше.

От всего этого за десяток лиг несет уймой бед. Всем известно, у Башни есть союзники, заключены альянсы, протянуты ниточки к тронам, к могущественным лордам, влиятельным знатым дамам. И поскольку новая Амерлин неспроста свой престол заняла таким необычным образом, то кое-кто из сильных мира сего наверняка решит проверить, по-прежнему ли Айз Седай неусыпно следят за ними. А как только этот малый в Тире уничтожит оппозицию – причем, если он и впрямь завладел Твердыней, маловероятно, чтобы оппозиция оказалась сильна

или многочисленна, – он обязательно выступит – либо против Иллиана, либо против Кайриэна. Весь вопрос – насколько скоро? Будут ли собирать армии, чтобы выступить против него или, наоборот, чтобы присоединиться к нему? Пусть он и вправду Дракон Возрожденный, но Дома могут пойти разными путями, да и простой люд неизвестно куда повернет. И коли разгораятся мелкие свары из-за того, что Башня...

– Старый дурак, – пробормотал Брин. Заметив, как вздрогнул Бэрим, лорд успокоил его: – Не ты. Это про другого.

Его эти дела больше не касаются. За исключением одного: решить, на чью сторону, когда придет время, встанет Дом Брин. Да и кого это интересует, разве только чтобы знать, нападать на него или нет. Брины никогда не были ни могущественным Домом, ни многочисленным родом.

– Э-э... милорд? – Бэрим поглядел на стоящих рядом людей и лошадей. – Я вам, случайно, не пригожусь, милорд?

Даже не спросил куда и зачем. Не одному Брину, видно, обрыдла сельская жизнь.

– Как соберешься, нагоняй. Мы двинемся на юг, отправимся по тракту к Четырем Королям.

Бэрим отсалютовал и стремглав побежал прочь, подхватив повод своего коня.

Взобравшись в седло, Брин, ни слова не говоря, махнул рукой. Отряд, перестраиваясь в колонну по двое, двинулся следом за ним к дубовой аллее. Он получит ответы. Даже если потребуется схватить эту Мару за шкирку и как следует потрясти, он добьется ответов.

Когда ворота раскрылись и коляска вкатилась в королевский дворец Андора, благородная леди Алтейма расслабилась. Она не была уверена, распахнутся ли они перед ней вообще. Очень много прошло времени, прежде чем записку взяли, и еще дольше пришлось дожидаться ответа. Служанка, худая девушка, нанятая здесь, в Кэймлине, тарасилась по сторонам и чуть ли не подскакивала на сиденье напротив Алтеймы, взволнованная тем, что и в самом деле попала во дворец.

Со щелчком раскрыв кружевной веер, Алтейма принялась им обмахиваться. Еще и за полдень не перевалило, так что жарко будет не в пример этому часу. А ей-то всегда казалось, будто Андор – край прохладный. Леди в последний раз прикинула, что сказать. Алтейма была красива и сама знала, насколько красива: большие карие глаза придавали ей невинный, почти безобидный вид, и многие горько жалели, попавшись на этом. Алтейма знала: она вовсе не наивна и совсем не безобидна, но ее вполне устраивало, что таковой ее считали другие. И сегодня ей особенно пригодится простодушный облик. На экипаж ушли чуть ли не последние деньги, а убегая из Тира, она сумела прихватить немного золота. Ей надо вновь занять подобающее положение, но для этого необходимо завести могущественных друзей и заручиться их поддержкой, а кто обладает в Андоре таким влиянием и властью, как не та, на встречу с которой и явилась Алтейма.

Экипаж остановился в обрамленном колоннадой круглом дворике, возле фонтана; подбежавший слуга в красно-белой ливрее открыл дверцу. На дворик и на слугу Алтейма едва взглянула, все ее мысли занимала предстоящая встреча. Из-под прилегающего чепца, шитого мелким жемчугом, на спину ниспадали черные волосы, еще больше жемчужин усеивало мельчайшие складочки платья – с глухим воротом, из бледно-зеленого шелка. Однажды, мимо-летно, Алтейма уже встречалась с Моргейз; было то лет пять назад, во время государственного визита. Тогда Моргейз излучала власть и могущество – сдержанная и величественная, как того и ожидают от королевы. И еще она была по-андорски закована в панцирь благопристойности. То есть чопорности. С этим запавшим в память Алтеймы образом не вязались ходящие по городу слухи о любовнике – которого, судя по всему, горожане не очень-то жаловали. Однако

Алтейма надеялась, что строгость ее платья – и глухой ворот – произведут на Моргейз должное впечатление.

Едва Алтейма твердо ступила на каменные плиты, ее горничная, Кара, спрыгнула с экипажа и тут же стала выравнивать плиссе, пока Алтейма не закрыла веер и не шлепнула им по запястью девушки, – внутренний дворик не то место, где поправляют одежду. Кара – что за дурацкое имя! – отдернула руку и с обиженным лицом схватилась за запястье, явно готовая разреваться.

Алтейма раздраженно поджала губы. Этой девчонке даже невдомек, как положено относиться к мягкому укору. Да и скорей всего, сглупила она сама, а не девушка – слишком явно сказывается отсутствие должного обучения. Но леди необходимо иметь служанку, особенно если ей надо выделиться из массы хлынувших в Андор беженцев. Алтейма навиделась, как мужчины и женщины работают под палящим солнцем, даже подаяние на улицах выпрашивают, а на самих еще одежда кайриэнской знати. Ей даже показалось, что одного-двух она узнала. Наверно, стоило бы взять на службу кого-то из них – кому лучше знать обязанности камеристки при леди, как не самой леди? А коли они дошли до того, что им приходится трудом руки пачкать, за представившуюся возможность сразу ухватились бы. Забавно было бы заполучить в горничные прежнюю «подругу». Но сегодня уже слишком поздно. И необученная горничная, местная девушка, достаточно ясно говорит о стесненности Алтеймы в средствах – о том, что лишь один шаг отделяет ее от этих попрошаек.

Алтейма напустила на себя озабоченность.

– Я сделала тебе больно, Кара? – мягким, ласковым тоном спросила она. – Оставайся тут, посиди в коляске. Уверена, кто-нибудь принесет тебе холодной воды. – Глупая благодарность на лице девчонки просто поразительна.

Вышколенные слуги в ливреях стояли неподалеку и вроде никуда особенно и не смотрели. Тем не менее слух о доброте Алтеймы разнесется, или она ничего не понимает в слугах.

Перед Алтеймой появился высокий молодой человек в форме гвардии королевы – красный мундир с белым воротником, сверкающая кираса. Он поклонился, держа руку на рукояти меча.

– Я – лейтенант гвардии Талланвор, благородная леди. Если вам угодно пройти со мной, я провожу вас к королеве Моргейз.

Она оперлась на предложенную Талланвором руку, но не обращала на него внимания. Воины, если они не генералы и не лорды, Алтейму нисколько не интересовали.

Талланвор вел ее по просторным коридорам, по которым деловито сновали мужчины и женщины в ливреях, – разумеется, слуги старались не мешать гвардейцу и его спутнице. Алтейма же тем временем внимательно, но незаметно рассматривала великолепные гобелены, сундуки и шкафчики, инкрустированные драгоценной поделочной костью, чаши и вазы с золотой и серебряной отделкой, тонкий фарфор Морского народа. Здесь не хвастались своим богатством, как в Тирской Твердыне, где все выставляли напоказ, но Андор все же был богатой страной – возможно, не беднее Тира. Ей подойдет какой-нибудь лорд – постарше, уступчивый к капризам еще молодой женщины, лучше даже, чтобы он был слегка немощен, слабохарактерен и нерешителен. И с владениями побольше. Это лишь для начала, пока она не определит, за какие ниточки власти потянуть в этом Андоре. Конечно, немногих слов, которыми Алтейма обменялась с Моргейз несколько лет назад, для аудиенции недостаточно, но у Алтеймы есть то, чего, несомненно, желает могущественная королева и что ей необходимо. Сведения из первых рук.

Наконец Талланвор ввел свою спутницу в просторную гостиную с высоким, расписанным птицами и облаками голубым потолком. Перед камином из полированного белого мрамора стояли украшенные причудливой резьбой и позолотой стулья. Алтейма какой-то частью разума

с удивлением отметила, что огромный красно-золотой ковер был тайренской работы. Молодой гвардеец опустился на колено и внезапно охрипшим голосом сказал:

– Моя королева, как вы и приказали, я привел к вам благородную леди Алтейму из Тира. Моргейз взмахом руки отослала офицера.

– Добро пожаловать, Алтейма. Приятно видеть вас снова. Присаживайтесь, и побеседуем.

Перед тем как сесть, Алтейма сумела сделать реверанс и пробормотать слова благодарности. Зависть в ее душе стянулась тугим клубком. Она помнила Моргейз красавицей, но золото-волосая женщина, представшая ее глазам, подсказала ей, сколь бледно то воспоминание. Моргейз была розой в полном расцвете, перед которой отступали в тень все прочие цветы. Не стоит винить молодого офицера за то, что он запылился на пути к дверям. Алтейма так просто обрадовалась, когда он ушел: она не могла смириться с мыслью, что он смотрит на двух женщин и, возможно, сравнивает их.

Однако были и перемены. Причем значительные. Моргейз, милостью Света королева Андора, протектор королевства, защитница народа, верховная опора Дома Траканд, такая сдержанная, царственная и благопристойная, носила платье из переливающегося белого шелка, которое настолько обнажало грудь, что смутило бы девицу, прислуживающую в таверне где-нибудь в Мауле. Платье облегалo крутые бедра – такое подошло бы какой-нибудь тарабонской шлюхе. Да, слухи оказались достоверными. У Моргейз есть любовник. И раз она так изменилась, то совершенно очевидно, что она пытается угодить этому Гейбрилу, а не его заставляет ей угождать. Моргейз по-прежнему излучала величие и силу, но платье умаляло ее достоинства.

Алтейма была вдвойне рада, что надела платье с высоким воротом. Женщина, настолько попавшая в зависимость от мужчины, при малейшем поводе, а то и без повода может внезапно впасть в ярость от ревности. Если Алтейма ненароком столкнется с Гейбрилом, то поведет себя настолько равнодушно, почти безразлично, насколько позволяет учтивость. Только заподозри Моргейз, будто у Алтеймы хоть мыслишка мелькнула положить глаз на ее любовника, – и вместо богатого мужа на слабеющих подагрических ножках Алтейму ждет крепкая петля на виселице. Сама Алтейма поступила бы именно так.

Женщина в красно-белом принесла вина, превосходного мурандийского, и разлила в хрустальные кубки с глубоко выгравированным рисунком – вставший на задние лапы геральдический лев Андора. Моргейз взяла кубок, и Алтейма заметила золотое кольцо – змей, кусающий собственный хвост. Некоторые женщины, обучавшиеся в Белой Башне, как Моргейз, пусть и не ставшие Айз Седай, носили кольцо Великого Змея, как и сами Айз Седай. Королевы Андора проходили обучение в Башне, и традиция эта насчитывала тысячу лет. Но чуть ли не все слухи упрямо твердили о разрыве между Моргейз и Тар Валоном, а ведь только пожелай Моргейз – и этим настроениям улицы, направленным против Айз Седай, быстро положили бы конец. Тогда почему она до сих пор носит кольцо? Не зная ответа на этот вопрос, нужно быть поосторожней со словами.

Женщина в ливрее удалилась в конец комнаты – чтобы не слышать разговора, но видеть, когда нужно долить вина.

Отпив глоток, Моргейз заметила:

– Давно мы с вами не виделись. Как ваш муж, здоров? Он с вами в Кэймлине?

Алтейма поспешно перекроила свои планы. Она не предполагала, что Моргейз известно о ее муже, но Алтейму всегда отличало умение менять задуманное на ходу.

– Когда я в последний раз видела Тедозиана, он был здоров. – «Ниспошли Свет, чтобы он поскорее сдох. И чем быстрее, тем лучше». – Он в раздумьях, идти ли служить этому Ранду ал’Тору. Ведь этот шаг опасен, рискуешь не удержаться ни там ни тут и сорваться в пропасть. Почему же нет, раз лордов вешают, точно простых преступников.

– Ранд ал’Тор... – задумчиво произнесла Моргейз. – Однажды я с ним встречалась. Он не выглядел тем, кто мог бы назвать себя Драконом Возрожденным. Напуганный мальчишка-пас-

тух, старающийся не показать своего страха. Однако, если подумать, вид у него был как у человека, ищущего какого-то... выхода, спасения. – Ее голубые глаза будто всматривались во что-то. – Элайда предостерегала меня от него. – Моргейз словно и не заметила, как выговорила последние слова.

– В то время Элайда была вашей советницей? – осторожно спросила Алтейма. Она знала, что так оно и было, потому-то во все эти слухи о разрыве верилось с трудом. Но нужно знать наверняка, правда ли произошел разрыв. – Теперь, когда она стала Амерлин, вы заменили ее другой?

Взор Моргейз вновь обрел остроту.

– Нет, не заменила! – В следующее мгновение голос опять смягчился. – Моя дочь Илэйн обучается в Башне. Она уже стала принятой.

Алтейма замахала своим веером, надеясь, что на лбу у нее не выступили бисеринки пота. Если Моргейз сама еще не разобралась в своих чувствах к Башне, любое неверное слово грозит опасностью. Планы Алтеймы оказались на краю пропасти.

А потом Моргейз спасла и саму Алтейму, и ее планы:

– Вы говорите, ваш муж в растерянности и не может ни на что решиться в отношении Ранда ал'Тора. А вы сами?

Алтейма чуть не вздохнула облегченно. Пусть с этим Гейбрилом Моргейз ведет себя как наивная девчушка с фермы, но, когда дело касается возможной опасности ее королевству или ее власти, здравый смысл при ней.

– В Твердыне, конечно, я внимательно за ним наблюдала. – «Зароним семена, если надо». – Он способен направлять Силу, а мужчину, способного направлять, всегда следует опасаться. Однако он – Дракон Возрожденный. Сомневаться нельзя. Твердыня пала, и, когда это случилось, Калландор был в его руке. Пророчества... Боюсь, решать, как быть с Возрожденным Драконом, лучше другим, тем, кто мудрее меня. Я просто страшусь оставаться там, где правит он. Даже благородной леди Тира не сравниться в смелости с королевой Андора.

Золотоволосая женщина пронзила Алтейму испытующим взглядом, отчего та испугалась, уж не переборщила ли она с лестью. Кое-кому не нравится, когда им льстят в глаза. Но Моргейз просто откинулась на спинку стула и отхлебнула вина.

– Расскажите мне о нем. Об этом человеке, которому суждено спасти нас и, спасая, уничтожить.

Вот он, успех! Или, по крайней мере, первый шаг к успеху.

– Если оставить в стороне Силу, то все равно он – человек опасный. Пусть лежащий лев кажется ленивым, сонным, стоит ему напасть – и он весь мощь, быстрота и натиск. Ранд ал'Тор кажется простодушным, но не ленивым, наивным, но не сонным, а уж когда он нападает... У него начисто отсутствует должное уважение к положению человека в обществе, никакого почтения ни к кому. Я ничуть не преувеличила, говоря, что он лордов вешает. Он – рассадник анархии. В Тире по введенным им новым законам даже благородного лорда или леди могут вызвать в суд, оштрафовать или, что еще хуже, заставить отвечать на обвинения какого-нибудь убогого крестьянина или жалкого рыбака. Он...

Алтейма продолжала, строго придерживаясь того, что считала правдой; когда нужно, она могла излагать правду так же живо и непосредственно, как и лгать. Моргейз потягивала вино и слушала. Со стороны можно было решить, что она сидит в непринужденной позе, предается праздности, но Алтейма видела по глазам королевы, как та ловит и впитывает каждое слово.

– Только поймите, – закончила рассказ Алтейма, – что я лишь затронула внешнее. Это поверхностный рассказ. О Ранде ал'Торе и его делах в Тире можно говорить часами.

– Мы найдем время поговорить, – сказала Моргейз, и Алтейма мысленно улыбнулась. Вот это точно успех. – Верно ли, – продолжила королева, – что он привел с собой в Твердыню айильцев?

– О да! Громадные дикари, лица у них почти всегда скрыты. И женщины, даже они готовы в любой момент убить. Бегали за ним, будто псы, устрасая всех, и похватили в Твердыне все, что им приглянулось.

– Я считала, это просто дикий слух, чистая выдумка, – размышляла вслух Моргейз. – Весь прошлый год ходили слухи об айильцах, но они двадцать лет не выходили из Пустыни, с самой Айильской войны. Миру уж точно незачем, чтобы Ранд ал’Тор вновь спустил на нас айильцев. – Взгляд королевы опять обрел пронзительность. – Вы сказали «бегали». Они разве ушли?

Алтейма кивнула:

– Как раз перед тем, как я оставила Тир. И он ушел вместе с ними.

– С ними! – воскликнула Моргейз. – Я боялась, он сейчас в Кайриэне...

– У тебя гостя, Моргейз? Следовало бы известить меня, я должен поприветствовать ее.

В комнату вошел крупный, рослый мужчина; шитый золотом красный шелковый кафтан подчеркивал массивные плечи и широкую грудь. Алтейме незачем было видеть сияющее лицо Моргейз, чтобы понять: это и есть тот самый лорд Гейбрил. Об этом сказала уверенность, с которой он перебил королеву. Гейбрил поднял палец, и женщина в ливрее присела в реверансе и быстро вышла. И он не спросил у Моргейз разрешения отпустить ее слуг. Он был загадочно красив, просто неправдоподобно, и его красоту еще больше подчеркивали белые пряди на висках.

Согнав с лица всякое выражение, Алтейма нацепила минимально приветливую улыбку – в самый раз для престарелого дядюшки, не имеющего никакой власти, без всякого богатства и влияния. Пусть этот Гейбрил ослепителен, но, даже не принадлежи он Моргейз, он не тот мужчина, которым Алтейма попыталась бы манипулировать. Если только не останется иного выхода. От Гейбрила исходили волны могущества и силы, и, наверное, даже большие, чем от Моргейз.

Гейбрил остановился возле Моргейз и привычным движением положил ладонь на ее обнаженное плечо. Она подвинулась, склонила голову, коснулась щекой его руки, но Гейбрил не сводил глаз с Алтеймы. Ей было не привыкать к взглядам мужчин, но эти глаза заставили ее встревожиться – слишком они были пронзительны и видели многое, заглядывали глубоко, в самые сокровенные мысли.

– Вы приехали из Тира?

От звука его глубокого голоса у Алтеймы мурашки побежали по спине; кожу обдало холодом, будто благородную леди окунули в ледяной, пробирающий до костей ручей. Но как ни странно, через миг ее тревога растаяла.

Ответила Гейбрилу Моргейз. Алтейма же под его внимательным взором будто языка лишилась.

– Гейбрил, это благородная леди Алтейма. Она мне о Драконе Возрожденном рассказывала. Алтейма была в Тирской Твердыне, когда та пала. Гейбрил, там в самом деле были айильцы...

Чуть сжав пальцы, он прервал ее. Гнев вспыхнул на лице Моргейз, но тут же исчез, сменившись адресованной Гейбрилу лучезарной улыбкой.

Взор Гейбрила, пронзающий Алтейму, вновь окатил ее дрожью, и на этот раз она глубоко вздохнула.

– Должно быть, долгая беседа утомила тебя, Моргейз, – произнес он, не отрывая взгляда от Алтеймы. – Ты очень устала. Ступай в свою спальню и поспи. Ступай. Отдохни, я потом тебя разбужу.

Моргейз тут же встала, продолжая преданно улыбаться Гейбрилу. Взгляд ее будто заволокло легкой дымкой.

– Да, я устала, Гейбрил. Пойду вздремну.

Она плавной походкой вышла из комнаты, не взглянув на Алтейму, но внимание той было приковано к Гейбрилу. Сердце ее билось все быстрее; дыхание участилось. Он, несомненно, самый красивый мужчина, которого она видела. Сильнее всех, внушительнее всех... Он – самый могущественный, самый величественный. Все «самое-самое» водопадом обрушилось в ее разум.

На уход Моргейз Гейбрил обратил не больше внимания, чем Алтейма. Он уселся на стул, на котором сидела королева, откинулся на спинку, вытянул ноги в высоких сапогах.

– Расскажи-ка мне, Алтейма, зачем ты явилась в Кэймлин. – (Вновь ее пробрал озноб.) – Абсолютную правду, но коротко. Если я захочу, детали изложишь потом.

Она не колебалась:

– Я пыталась отравить мужа и вынуждена была бежать, пока Тедозиан и эта шлюха Истанда не успели в отместку убить меня или чего похуже учинить. Ранд ал’Тор не мешал их намерениям – видимо, в назидание. – Рассказывая, она ежилась от страха. Не потому, что это было правдой, которую она скрывала. А потому, что обнаружила: больше всего на свете ей хочется ублажить Гейбрила и она страшится, что он прогонит ее прочь. Но ему нужна правда. – Кэймлин я выбрала по той причине, что не переносу Иллиан. Пусть для меня Андор немногим лучше Иллиана, но ведь Кайриэн чуть ли не в руинах. В Кэймлине же я могу найти мужа побогаче или того, который, если понадобится, станет моим покровителем. А потом я смогу использовать его власть и влияние...

Взмахом руки Гейбрил остановил ее и усмехнулся:

– Порочная кошечка, но премиленькая. Вероятно, настолько хорошенькая, чтобы оставить ее при себе. Только сточить клыки и затупить коготки. – Внезапно лицо его стало еще внимательнее. – Расскажи мне, что тебе известно о Ранде ал’Торе. Особенно о его друзьях, если они у него есть. О его спутниках, союзниках.

Алтейма говорила и говорила, пока у нее не пересохло в горле и она не охрипла. Лишь когда Гейбрил велел ей, она подняла кубок и отпила вина. Потом вновь стала рассказывать. Она сумеет понравиться ему. Сумеет угодить ему. Она ублажит его так, как Моргейз и думать не смеет.

Горничные, прибиравшие в опочивальне, поспешно присели в реверансе, удивленные появлением Моргейз в неурочный утренний час. Она жестом отослала их и, не снимая платья, забралась на кровать. Некоторое время Моргейз лежала, разглядывая позолоченную резьбу на кроватных столбиках. Там не было геральдических львов Андора, только розы. Из-за андорской короны роз, но цветы нравились ей больше львов.

«Хватит упрячиться», – пожурила себя Моргейз и задумалась: с какой стати этот упрек? Она сказала Гейбрилу, что устала, и... Или это он ей сказал? Быть того не может. Она – королева Андора, и ни один мужчина не смеет ей указывать. «Гарет». Почему она сейчас подумала о Гарете Брине? Уж он-то точно никогда не указывал ей, что делать. Капитан-генерал гвардии королевы повинуется королеве, а никак не наоборот. Но он, бывало, и упрямился, стоял на своем – не сдвинешь, пока она не передумает. «Почему я о нем думаю? Мне хочется, чтобы он был тут». Что за нелепость! Ведь она сама отослала его – за то, что он возражал ей. Против чего он возражал, казалось сейчас не совсем ясным, но это и не важно. Он ей перечил. Чувства, которые она испытывала к Брину, Моргейз припоминала смутно, словно годы миновали с той поры, как он уехал. Но ведь он был рядом с ней совсем недавно. Какие там несколько лет! «Хватит упрячиться!»

Глаза Моргейз закрылись, и она провалилась в сон. Она заснула, и ей снился бесконечный сон; она убегает от чего-то ей невидимого.

Глава 2

Руидин

Опершись поднятыми руками об оконную раму, Ранд ал'Тор выглянул из высокого окна, рассматривая раскинувшийся внизу город Руидин. Стекла в окне, если они когда и были, не сохранились. Вытянувшиеся тени круто клонились к востоку. В комнате тихо играла бардовская арфа. Пот, едва выступив на лице, тотчас испарялся; красная шелковая куртка, влажная между лопаток, была расстегнута в тщетной попытке ослабить духоту, а рубашка расшнурована до середины груди. Ночь в Айильской пустыне могла быть морозно-холодной, но днем от слабого ветерка не стоило ждать даже легкой свежести.

С рук, широко расставленных в стороны и лежащих на гладком камне оконной рамы, спали рукава куртки, открыв взорам предплечья Ранда – вокруг них обвились необычные создания. Два змеевидных, золотогривых существа с горящими, точно солнце, глазами сияли ало-золотой чешуей, на каждой лапе поблескивало по пять золотых когтей. Чудища эти не были татуировкой, они стали частью его кожи. Блестя драгоценным металлом и самоцветами, в свете клонящегося к закату дня они казались живыми.

Для народа, жившего по эту сторону горного кряжа, называемого то Драконовой Стеной, то Хребтом Мира, знаки эти отмечали юношу как Того-Кто-Пришел-с-Рассветом. И согласно пророчествам, для всех за Драконовой Стеной меты эти, как и выжженные на ладонях цапли, свидетельствовали: он – Дракон Возрожденный. И то и другое предвещало ему одну участь: объединить, спасти – и уничтожить.

Если б мог, Ранд с радостью позабыл бы эти слова, но времена неведения, если когда и были, остались далеко в прошлом, теперь он и не думал об этом. А если изредка и приходила в голову этакая идея, то со слабым сожалением – так мужчина вспоминает о неразумных мечтах детства. А ведь он помнил чуть ли не каждую минуту мальчишеских лет – он едва успел переступить ту грань, что отделяет взрослую жизнь от детства. И теперь Ранд старался думать только об одном: что он должен сделать. Судьба и долг не позволяли свернуть с предначертанного пути, точно поводья в руке беспощадного всадника, но ведь Ранда частенько называли упрямым. Дорога должна быть пройдена, но если можно добраться до ее конца разными путями, то – кто знает? – вдруг это еще и не конец. Шансов на такой исход мало. Точнее, почти ни одного. Пророчества требовали его крови.

За окном лежал Руидин, выжигаемый по-прежнему безжалостным солнцем, хоть оно и спускалось уже к скалистым горам – голым, почти без единого клочка зелени. В этом суровом, изломанном краю, где земля потрескалась от зноя, где люди убивали и умирали за крохотную – перешагнуть можно – лужицу воды, никто и не подумал бы искать громадный город. Его давным-давно исчезнувшие строители не закончили своей работы. Тут и там поднимались

невероятно высокие здания, уступчатые и гладкостенные дворцы иногда обрывались неровной кирпичной кладкой на восьмом-десятом этаже. Много выше парили башни, но взор то и дело натывался на недостроенные громады. С четверть некогда исполинских зданий с массивными колоннами и бесчисленными окнами из цветного стекла лежали, будто разбросанные булыжники, поперек широких проспектов, посреди которых тянулись полосы голой земли – земли, никогда не знавшей деревьев, для которых она предназначалась. Изумительные фонтаны сухи, как и сотни, многие сотни лет. И весь труд затрачен впустую, строители умерли, так и не завершив своей работы. Но порой Ранда посещала мысль, что город лишь начали возводить – для того, чтобы его нашел он.

«Ишь возгордился, – подумал Ранд. – Столько гордости – наверняка я уже наполовину спятил».

Ранд не удержался и криво усмехнулся. С мужчинами и женщинами, пришедшими сюда давным-давно, были Айз Седай, и кому, как не им, знать Кариатонский цикл, пророчества о Драконе. Или, что более вероятно, они-то и написали эти самые пророчества.

«Высоковато залетел? Голова не кружится?»

Прямо под окном раскинулась просторная площадь, которую сейчас наполовину обьяла протянувшаяся тень; там беспорядочными горами были свалены статуи и кристаллические кресла, престранные вещицы и удивительные фигурки из металла, камня, стекла – Ранд ничему не мог дать названия. Их разбросало так, словно здесь бушевала буря. Даже тени казались прохладными лишь в сравнении с залитыми солнцем улицами. Мужчины в грубоотканой одежде – не айильцы, – обливаясь потом, грузили на фургоны вещи, которые выбирала невысокая стройная женщина в шелковом платье чистейшего голубого цвета. Она плавно, с прямой спиной переходила от предмета к предмету, будто тягостная жара не давила на нее, как на других, хотя голову ее охватывало влажное полотно. Она просто не позволяла себе страдать от нещадного солнца. Ранд готов был поспорить, что женщина даже не вспотела.

Возглавлял усердных работников смуглый крупный мужчина по имени Хаднан Кадир, как все считали, купец. Он был в кремового цвета шелковых одеждах, сегодня насквозь пропотевших. Кадир то и дело утирал лицо большим платком и громкими проклятиями подбадривал подручных – охранников и возниц своего каравана фургонов. Но стоило стройной женщине указать на какой-либо предмет, малый или большой, как он наравне с прочими с готовностью бросался поднимать, тащить, переворачивать. Чтобы подчинить себе других, Айз Седай незачем выделяться внушительной фигурой, но Ранд подозревал, что Морейн командовала бы не хуже, даже если бы никогда и рядом с Белой Башней не стояла.

Двое грузчиков сейчас пытались передвинуть нечто похожее на причудливо искривленную дверную раму, вытесанную из краснокамня, – углы ее были соединены как-то странно для человеческого взора. Рама стояла прямо и свободно поворачивалась, но, как те двое ни надрывались, наклоняться и опрокидываться не желала. И тут один из грузчиков поскользнулся и упал животом на раму. Ранд напрягся. Мгновение казалось, что от бедолаги остались только бьющиеся в панике ноги – выше пояса тело исчезло. Потом Лан сделал несколько шагов и выдернул упавшего из проема, ухватив того за поясной ремень. Лан был Стражем, связанным с Морейн узами, а как – Ранд не понимал. Этот суровый воин в одеждах зеленых оттенков двигался легко и уверенно, как айилец, напоминая вышедшего на охоту волка. Меч у бедра казался неотделимым от Стража; меч был его частью, продолжением руки. Лан разжал пальцы, и работник шлепнулся на мостовую, где и остался сидеть. Вопли перепуганного бедолаги слабо донеслись до Ранда, а его сотоварищ в любой миг был готов дать деру. Некоторые из людей Кадира, случайно оказавшиеся рядом с этой парой, переглядывались, явно прикидывая, не лучше ли и им убраться отсюда.

Среди них появилась Морейн, да так быстро, что, казалось, без Силы здесь не обошлось. Она мягко двигалась от одного человека к другому. Ее манера держаться была столь впечат-

ляюща, что Ранд, точно наяву, слышал распоряжения, слетающие с ее губ, приказы столь уверенные, что не повиноваться им представлялось верхом глупости. Отдавая короткие распоряжения, она преодолела всякое сопротивление, подавила в корне все возражения, вернула грузчиков к работе. Двое вновь взялись за дверную раму и ворочали ее с не меньшим рвением, чем раньше, хотя и косились на Морейн, полагая, что она не видит их взглядов. По-своему Морейн была еще суровой и безжалостней Лана.

Насколько знал Ранд, все предметы внизу были *ангриалами*, или *са'ангриалами*, или *тер'ангриалами*, созданными еще до Разлома Мира, чтобы многократно усиливать поток Единой Силы или по-разному использовать ее. Сработаны они были, несомненно, с помощью Силы, хотя теперь даже Айз Седай не знали секретов их изготовления. У Ранда имелись подозрения, даже больше чем подозрения, о предназначении этой словно перекосившейся дверной рамы: она и в самом деле была дверью – в иной мир, но о назначении остальных предметов у него не было ни малейшего понятия. И не только он – никто ничего не знал. Потому-то Морейн так стремилась отправить в Башню для изучения как можно больше ценных находок. Скорей всего, даже в Башне не хранилось столько предметов, имеющих отношение к Силе, сколько валялось на этой площади, а ведь считалось, что Башня обладает крупнейшим их собранием. И тем не менее Башня знала назначение лишь считанных раритетов из своей богатейшей коллекции.

Уложенное в фургоны или раскиданное по мостовой не интересовало Ранда; то, что ему было нужно, он уже забрал. Пожалуй, взял гораздо больше, чем хотел.

В центре площади, возле обгоревшего ствола дерева в сотню футов высотой, стоял небольшой лес стеклянных колонн, каждая не уступала высотой дереву, и были они такие тонкие, что казалось, первая же буря повалит их и разобьет. Хотя до них и дотянулся краешек тени, колонны сверкали и искрились пойманным и отраженным солнечным светом. Несчетные годы айильские мужчины входили в этот стеклянный лес и возвращались оттуда, отмеченные тем же знаком, что и Ранд. Но знак этот был у них лишь на одной руке, и отличал он вождей кланов. Айильцы либо выходили оттуда с этим знаком, либо не выходили вовсе. Айильские женщины тоже приходили в этот город, стремясь к званию Хранительницы Мудрости. Более никто – ни живой, ни мертвый. «Мужчина может войти в Руидин один раз, женщина – дважды; большее означает смерть». Так говорили Хранительницы Мудрости, и раньше так и было. Теперь в Руидин мог войти любой.

Сотни айильцев ступали по улицам, и в домах множилось число обитателей; с каждым днем на земляных полосах посередине улиц появлялось все больше бобов, кабачков или ростков *зема*, старательно поливаемых из глиняных горшков. Воду носили из возникшего ниоткуда громадного озера, заполнившего южный конец долины. Во всей стране Айил это было единственное озеро с таким количеством воды. Тысячи людей разбили лагерь на склонах ближних гор, даже на самом Чейндаре, куда прежде ступали лишь немногие явившиеся для ритуала, когда в Руидин отправлялись один мужчина или одна женщина.

Где бы ни появился, Ранд приносил с собой перемены и разрушение. На этот раз, как он надеялся – надеялся вопреки всему, – перемены будут к лучшему. Такой исход еще возможен. Но сожженное дерево будто насмехалось над ним. *Авендесора*, легендарное Древо жизни. О его местонахождении умалчивали все сказания, и неожиданно оно обнаружилось именно здесь. Морейн утверждала, что Древо все еще живо, еще способно вновь пустить ростки, но Ранд видел пока лишь почерневшую кору и голые ветви.

Вздыхнув, юноша отошел от окна и повернулся лицом к просторной, хоть и не самой большой в Руидине комнате – в двух стенах прорезаны высокие окна, купольный потолок выложен фантастической мозаикой: крылатые люди и животные. Оставшаяся в городе мебель сгнила давным-давно даже в этом сухом воздухе, а то немногое, что уцелело, источили черви и жучки. Но у дальней стены стояло кресло с высокой спинкой, еще крепкое, с хорошо сохранившейся

золоченой отделкой. Однако кресло не шло ни в какое сравнение с прекрасным столом, широко расставившим свои ножки – богато украшенные, как и края столешницы, великолепной резьбой в виде цветков. Кто-то натер дерево воском, и оно, несмотря на почтенный возраст, светилося изнутри. Стол и кресло отыскиали для Ранда айильцы, хотя и покачивали головой, поглядывая на непривычные им предметы обстановки. В Пустыне слишком мало деревьев, которые могут дать ровную и длинную древесину для изготовления похожего кресла, и уж наверняка во всей Пустыне не сыщешь подходящего дерева для стола.

Больше здесь не было привычной для Ранда мебели. В центре комнаты выложенный темно-красной плиткой пол покрывал превосходный шелковый ковер из Иллиана, голубых и золотых тонов. Ковер явно добыт в какой-то давнишней битве. Вокруг него были разбросаны яркие шелковые подушки с кистями на уголках. На таких-то подушках, а не на стульях и располагались обычно айильцы, но чаще они сидели на собственных пятках, причем с таким комфортом, с каким Ранд устроился бы в мягком кресле.

На ковре, опираясь на подушки, лежали шестеро мужчин. Шесть вождей, они возглавляли кланы, которые уже последовали за Рандом. Вернее, за Тем-Кто-Пришел-с-Рассветом. Причем отнюдь не всегда с готовностью. Ранд подумал, что один Руарк – широкоплечий, голубоглазый, с обильной сединой в темно-рыжих волосах – настроен к нему дружески, но этого никак не скажешь об остальных. И клановых вождей здесь всего шестеро из двенадцати.

Не взглянув на кресло, Ранд уселся скрестив ноги на пол, лицом к айильцам. В Пустыне, не считая Руидина, кресла были лишь у клановых вождей, садившихся в них только в трех случаях: когда их провозглашали вождями, когда они с почетом принимали сдавшегося врага или когда выносили приговор. Займи Ранд сейчас кресло – и они решат, что он намерен совершить нечто подобное.

На всех шестерых были *кадин'сор*, куртки и штаны коричневых и серых оттенков, которые сливались с землей, и мягкие сапожки со шнуровкой до колен. Даже здесь, на встрече с тем, кого они провозгласили *Кар'а'карном*, вождем вождей, на поясе у каждого висел тяжелый нож с длинным клинком, на плечах, напоминая широкий шарф, лежала серо-коричневая *шурфа*. Если воин закрывал лицо черной вуалью, являвшейся частью шурфы, значит он готов убивать. Да и сейчас такое вполне возможно. Эти люди сражались друг с другом в нескончаемой череде клановых набегов, битв, в стычках кровной мести. Вожди смотрели на Ранда и ждали, что он скажет, но ожидание у айильцев всегда готово смениться движением – внезапным, стремительным и яростным.

Бэйл, самый высокий из встреченных Рандом мужчин, и Джеран, стройный, будто клинок, гибкий и быстрый, точно хлыст, лежали как можно дальше друг от друга – насколько позволял ковер. Между их кланами – Гошиен, к которому принадлежал Бэйл, и Шаарад Джерана – была кровная вражда, подавленная появлением Того-Кто-Пришел-с-Рассветом, но не забытая. Несмотря на все случившееся, по-прежнему действовал мир Руидина – так, по крайней мере, казалось. Тем не менее безмятежные звуки арфы резко контрастировали с непреклонным стремлением Джерана и Бэйла не глядеть друг на друга. С загорелых лиц на Ранда смотрели шесть пар глаз – голубых, зеленых и серых; рядом с айильцами даже ястребы казались бы ручными птицами.

– Что мне нужно сделать, чтобы Рийн пришли ко мне? – спросил Ранд. – Руарк, ты был уверен, что они придут.

Вождь Таардад спокойно смотрел на Ранда; судя по выражению лица, оно было словно из камня вырезано.

– Ждать. И больше ничего. Деарик приведет их. Со временем.

Седоволосый Ган, лежавший рядом с Руарком, скривил губы, будто хотел сплюнуть. Как обычно, с его лица, напоминавшего дубленую кожу, не сходило мрачное выражение.

– Деарик видел слишком много мужчин и Дев, которые целыми днями сидели, уставясь в никуда, а потом бросали свои копья. Бросали копья!

– И убежали, – негромко добавил Бэйл. – Я сам видел – среди Гошиен, даже из моего собственного септа. И они бежали. А ты, Ган, видел таких у Томанелле. Все мы видели. Помоему, они ведать не ведали, куда бегут, знали лишь, от кого бегут.

– Трусливые змеи! – рявкнул Джеран. Седые пряди серебрились в его светло-каштановых волосах – среди айильских клановых вождей не было молодых. – Гадюки-вонючки, шарахающиеся от собственной тени! – Едва заметное движение его голубых глаз к дальнему краю ковра пояснило, что эти слова относятся к Гошиен, а не только к тем, кто бросил свои копья.

Бэйл двинулся было, собираясь подняться, лицо его стало еще жестче – если такое возможно, но мужчина рядом с ним успокаивающе положил ладонь ему на руку. Бруана из Накай отличали могучее сложение и сила, которой хватило бы на двух кузнецов, но характер у него был спокойный и мирный, что вовсе не походило на Айил.

– Все мы видели убегающих воинов и Дев. – Голос его прозвучал лениво, а серые глаза смотрели сонно, однако Ранд знал, что это впечатление обманчиво: даже Руарк считал Бруана смертельно опасным бойцом и изворотливым тактиком. По счастью, Бруан готов идти за Рандом в огонь и в воду, держа его сторону даже крепче Руарка. Но Бруан следует за Тем-Кто-Пришел-с-Рассветом; он не знал Ранда ал’Тора. – Видели, как и ты, Джеран. Тебе известно, как тяжело оказаться перед тем, что предстало им. Нельзя называть трусами тех, кто умер, выдержав испытания. Можно ли тогда называть трусами тех, кто по этой причине бежал?

– Они не должны были узнать об этом, – пробурчал Ган, сжимая пальцами свою подушку с красными кистями, словно горло заклятого врага. – Это знание – для тех, кто вошел в Руидин и остался в живых.

Он произнес эти слова, ни к кому не обращаясь, но предназначались они Ранду. Ведь именно Ранд открыл всем айильцам то, что мужчина узнавал среди стеклянных колонн на площади. Он сказал столько, что вожди и Хранительницы Мудрости не посмели изворачиваться, когда у них спросили обо всем прочем. Если и оставался в Пустыне айилец, еще не узнавший правды, то он месяц ни с кем не разговаривал.

Правда оказалась вовсе не такой, какой ее считало большинство, – не было славного наследия боевого прошлого. В самом начале Айил были беспомощными беженцами, спасавшимися от Разлома Мира. Конечно, любой, сумевший выжить в те дни, был беженцем, но сами Айил никогда не считали себя беззащитными. Но невыносимей всего другое – предки нынешних айильцев следовали Путем листа, отказавшись от насилия даже для защиты собственной жизни. На древнем языке слово «айил» означало «преданный», «посвященный», и именно миру были посвящены, преданы Айил. Они же, сегодня называющие себя Айил, оказались потомками тех, кто нарушил заповеди бесчисленных поколений. Остался лишь единственный след прежних зарок: айилец скорее умрет, чем коснется меча. А они-то всегда верили, что этот обычай – часть их гордости, признак, отделяющий их от живущих за пределами Пустыни.

Ранд слышал, что, по утверждениям айильцев, народ их попал в необитаемую Пустыню в наказание за какой-то грех. Отныне айильцы знали, что это за грех. Мужчины и женщины, построившие Руидин и умершие здесь, те, кого в редких случаях, когда о них упоминали, называли Дженн Айил, Кланом-Которого-Нет, – именно они со времен, еще предшествовавших Разлому, хранили верность Айз Седай. Слишком тяжело осознавать, что все, во что всегда верил, обернулось ложью.

– Нужно было сказать, – произнес Ранд. «Они имели право знать. Нельзя жить во лжи. Их собственное пророчество гласило, что я принесу им раскол. И я не смог сделать иначе». Прошлого не вернуть; что сделано, того не переделаешь. Нужно думать о будущем. «Кое-кто из этих людей меня не любит, некоторые ненавидят за то, что я не родился среди них, но они пошли за мной. Мне нужны они все». – Что слышно о Миагома?

Эрим, лежащий между Руарком и Ганом, покачал головой. Его некогда ярко-рыжие волосы изрядно поседели, но зеленые глаза глядели пронзительно и цепко, как у молодого. Крупные ладони, длинные и крепкие пальцы, широкие запястья свидетельствовали, что и руки его сильны по-прежнему.

– Тимолан и своим ногам не позволит знать, куда собрался прыгнуть, пока от земли не оттолкнется.

– Когда Тимолан был еще слишком молод для вождя, – сказал Джеран, – он пытался объединить кланы. У него ничего не вышло. Вряд ли ему придется по вкусу, что кому-то наконец удалось то, что не получилось у него.

– Он придет, – сказал Руарк. – Тимолан никогда не считал себя Тем-Кто-Приходит-с-Рассветом. И Джанвин приведет Шианде. Но они будут выжидать. Вначале они должны сами все уразуметь и осознать.

– Они должны свыкнуться с мыслью, что Тот-Кто-Пришел-с-Рассветом – мокроземец, – прорычал Ган. – Не обижайся, Кар'а'карн. – В голосе вождя не было и следа раболепия – вождь ведь не король, равно как и вождь вождей. В лучшем случае – первый среди равных.

– Со временем, думаю, придут и Дэрайн, и Кодарра, – спокойно сказал Бруан. И быстро – чтобы молчание не стало причиной для танца копий. Первый среди равных – и то не всегда. – Они больше других потеряли от откровения. – Этим словом айильцы стали называть долгие минуты ошеломления перед тем, как человек пытался бегством спастись от правды об Айил. – Пока Манделайн и Индириан всецело заняты тем, чтобы сохранить единство своих кланов, и оба захотят своими глазами увидеть Драконов на твоих руках. Но они придут.

Необсужденным остался лишь один клан, который не хотелось упоминать ни одному из вождей.

– Какие новости о Куладине и о Шайдо? – спросил Ранд.

Ответом ему была тишина, в которой будто издалека несколько раз горько и тихо вздохнула арфа. Каждый выжидал, когда заговорит другой, и каждый явно чувствовал неловкость – насколько она заметна у айильца. Джеран хмуро разглядывал ноготь большого пальца, Бруан поигрывал серебристыми кистями своей зеленой подушки. Даже Руарк изучал узоры на ковре.

В напряженной тишине грациозной походкой вошли облаченные в белое мужчины и женщины. Они налили вина в отделанные серебром кубки, поставив их возле каждого вождя, разнесли маленькие серебряные тарелочки с редкими в Пустыне оливками, белым овечьим сыром и блеклыми морщинистыми орехами, которые айильцы называли *некара*. Из-под светлых капюшонов виднелись лица – непривычные для айильцев кротость и потупленные взоры.

Захваченные в битве или во время набега, *гай'шайн* давали клятву служить с покорностью год и один день, не касаясь оружия, не чиня насилия, и в конце концов возвращались в свой клан и септ, будто ничего не случилось. Станный отголосок Пути листа. Так требовал *джи'и'тох*, честь и долг, а для айильца нет ничего хуже, чем нарушить *джи'и'тох*. Возможно, кто-то из гай'шайн прислуживает своему клановому вождю, но ни тот ни другой, пока длится оговоренный срок, не выдаст знакомства даже взглядом, будь то хоть сын или дочь.

У Ранда вдруг возникла мысль, что именно поэтому кое-кто из айильцев так тяжело воспринял открытую им правду. Этим людям представлялось, что их предки дали обет гай'шайн не только от себя, но и от имени последующих поколений. И эти поколения – все, до нынешних дней, – взяв в руки копьё, нарушили *джи'и'тох*. Тревожили ли когда-нибудь подобные мысли мужчин, собравшихся здесь с Рандом? Для айильцев *джи'и'тох* – крайне серьезное дело.

Мягко, почти бесшумно гай'шайн удалились. Ни к еде, ни к вину ни один из клановых вождей не притронулся.

– Есть хоть какая-то надежда, что Куладин встретится со мной? – Ранд знал, что никакой надежды нет: он перестал отправлять предложения о встрече, как только узнал, что Куладин заживо сдирает с гонцов кожу. Но так можно разговорить других.

Ган фыркнул:

– От него мы получили одно известие. В следующий раз, как увидит, он сдерет с тебя шкуру. Разве похоже, что он намерен вести беседы?

– Могу я отколоть Шайдо от него?

– Они идут за Куладином, – сказал Руарк. – Он вообще не вождь, но они считают его вождем. – Никогда Куладин не ступал меж тех стеклянных колонн; и он до сих пор, видимо, сам верил, как и заявлял, будто все сказанное Рандом – ложь. – Куладин утверждает, будто он – Кар’а’карн, и они верят ему. Девы из Шайдо, которые явились сюда, пришли из-за принадлежности к *Фар Дарайз Май* и потому, что именно Фар Дарайз Май оберегают твою честь. Больше из Шайдо не придет никто.

– Мы высылаем разведчиков наблюдать за ними, – сказал Бруан, – и Шайдо убивают их, когда могут. Этим Куладин бросил семена мести, ему уже полдюжины родов кровные враги, но нет никаких признаков, что он намерен атаковать нас здесь. Я слышал, он заявил, что мы своим присутствием оскверняем Руидин, а напасть на нас здесь – значит усугубить этот грех.

Эрим хмыкнул и примял локтем подушку.

– Это значит, что здесь хватает копий, чтобы убить каждого Шайдо дважды, да еще и останется. – Он сунул в рот ломтик белого сыра и, жуя, прорычал: – Шайдо всегда были трусами и ворами.

– Бесчестные собаки, – в один голос проговорили Бэйл и Джеран и воззрились друг на друга, будто каждый подозревал, что другой готовит ему какой-то подвох.

– Бесчестные или нет, – тихо заметил Бруан, – но число сторонников Куладина растет. – Говорил он спокойно, однако, перед тем как продолжить, сделал большой глоток из своего кубка. – Вы все знаете, о чем я говорю. После откровения некоторые из убежавших не бросили копья. Они присоединились к своим сообществам у Шайдо.

– Ни один из Томанелле не порвал со своим кланом! – рявкнул Ган.

Бруан посмотрел мимо Руарка и Эрима на вождя клана Томанелле и медленно произнес:

– Так случилось в каждом клане. – Не ожидая, пока кто-то усомнится в его словах, он оперся на подушку и продолжил: – Об ушедших нельзя сказать, что они порвали с кланом. Они присоединились к своим сообществам. Как Девы из Шайдо, которые пришли сюда, к своему здешнему крову.

Кое-кто заворчал, но в спор не вступил. Правила, касающиеся айильских воинских сообществ, были сложны и запутанны, и в каком-то отношении их члены были связаны с сообществом крепче, чем с кланом. К примеру, члены одного сообщества не станут сражаться друг с другом, даже если между их кланами кровная вражда. Некоторые мужчины не женились на близкой родственнице товарища по своему воинскому обществу – как если бы она была близкой кровной родней им. Об обычаях Фар Дарайз Май, Дев Копья, Ранду даже задумываться не хотелось.

– Мне нужно знать о намерениях Куладина, – сказал он вождям. Куладин все равно что бык с осой в ухе – может кинуться куда угодно. Ранд помедлил. – Не будет ли нарушением чести послать людей присоединиться к их сообществам у Шайдо?

Объяснять, что он имеет в виду, не понадобилось. Собеседники напряглись, даже Руарк; в глазах их появился холод, чуть ли не прогнавший жару из комнаты.

– Шпионить таким образом, – при слове «шпионить» Эрим скривил губы, будто оно оказалось мерзким на вкус, – все равно что шпионить за собственным септом. Никто из понимающих, что значит честь, на такое не пойдет.

Ранд удержался от вопроса, не найдется ли кто с чуть менее чувствительной честью. У айильцев чувство юмора – штука странная, зачастую жестокая, но кое о чем с ними никогда не стоит шутить. Не ровен час, они вообще не поймут, что тут смешного.

Чтобы сменить тему, Ранд спросил:

– Есть какие-нибудь вести из-за Драконовой Стены?

Ответ он уже знал: подобные новости разлетаются быстро даже среди такого множества айильцев, что собрались у Руидина.

– Ничего, о чем стоило бы упомянуть, – отозвался Руарк. – Из-за беспорядков у древоубийц мало купцов явилось в Трехкратную землю. – (Так айильцы называли Пустыню – наказание за их грех, испытание их мужества и наковальня, где им придадут форму. Древоубийцами айильцы называли кайриэнцев.) – Драконово знамя по-прежнему развевается над Тирской Твердыней. Тайренцы двигаются на север, в Кайриэн, чтобы, как ты приказал, раздать еду древоубийцам. Больше ничего.

– Лучше бы эти древоубийцы подошли с голоду, – пробурчал Бэйл, и Джеран захлопнул рот; Ранд заподозрил, что тот собирался сказать нечто очень близкое словам Бэйла.

– Древоубийцы ни на что не годны, разве что перебить их либо продать, как скот, в Шару, – угрюмо заметил Эрим.

Именно так айильцы поступали с теми, кто являлся в Пустыню незваными гостями; лишь менестрелям, торговцам да Лудильщикам дозволялось входить в их край свободно, хотя Лудильщиков айильцы избегали точно чумных. Шарой назывались земли к востоку от Пустыни, и даже айильцы не многое знали о тех краях.

Краем глаза Ранд заметил стоящих в ожидании в высоком арочном проеме двух женщин. Вместо отсутствующих дверей в проеме висели нити разноцветных бус, красных и синих. Одной из женщин была Морейн. На миг у Ранда мелькнула мысль заставить их немного потоптаться у порога – уж больно раздражало повелительное выражение лица Морейн, которая явно ожидала, что ради нее вожди и Ранд немедленно прервут свой разговор. Правда, тем для обсуждения уже не осталось, и по глазам вождей он видел, что им совсем не хочется продолжать беседу. Слишком свежи были упоминания об откровении и о Шайдо.

Вздыхнув, Ранд встал, его примеру последовали и клановые вожди. Кроме Гана, Ранду никто не уступал ростом. Там, где Ранд провел детские годы, Гана сочли бы человеком среднего роста, а то и выше; среди айильцев же он считался малорослым.

– Вы знаете, что делать. Привести остальные кланы и как следует приглядывать за Шайдо. – Он помолчал, потом добавил: – Все кончится хорошо. Хорошо для Айил – насколько я сумею.

– Пророчество гласило, что ты расколешь нас, – мрачно заметил Ган, – и начал ты соответственно. Но мы пойдем за тобой. Пока не сгинет тень, – продекламировал он, – пока не спадет вода, в Тень, оскалив зубы, с последним вздохом бросить вызов, чтобы в Последний день плюнуть в очи Затмевающему Зрению. – Затмевающий Зрение – таково было одно из прозвищ Темного у айильцев. А еще одно – Ослепляющий.

Ранду ничего не оставалось, как ответить обусловленными ритуалом словами, которых он когда-то не знал:

– Клянусь честью моей и Светом, жизнь моя будет кинжалом в сердце Ослепляющего.

– И до Последнего дня, – закончил айилец. – До самого Шайол Гул.

Тихонько тренькали струны арфы.

Вожди цепочкой прошли мимо двух женщин, с почтением глядя на Морейн. Никакого страха перед ней они не чувствовали. Как Ранду хотелось быть таким же уверенным в себе! Морейн имела на него слишком большие виды, протянула к нему слишком много ниточек-тяжей, которыми его захлестнула. И Ранду невдомек, когда и как она за них потянет.

Едва успели удалиться вожди, обе женщины вошли в комнату; Морейн была, как всегда, невозмутима. И как всегда, изящна. Невысокая, привлекательная женщина, даже не будь на ней отпечатка неопределенного возраста, характерного для Айз Седай. Морейн сняла влажную полосу материи, с темных волос на лоб ее свисал на тонкой золотой цепочке маленький голубой камень. Но даже если б она не сняла с головы защищавшую от жары тряпицу, это нисколько

не умалило бы ее царственной манеры держаться. Она всегда казалась на фут выше ростом, а в глазах читались непоколебимая уверенность в себе и властность.

Вторая женщина была выше Морейн, хотя тоже не доходила Ранду до плеча. И она была юной, а не лишенной признаков возраста. Это была Эгвейн, ее он знал с детства, с ней вместе он вырос. Сейчас, за исключением темных глаз, она вполне могла сойти за айилку, и не только благодаря загорелым лицу и рукам. Девушка носила широкую айильскую юбку из коричневой шерсти и свободную белую блузу из растительного волокна, называемого *алгод*. Алгод мягче тонко спряденной шерсти; такой товар купцы оторвут с руками, если когда-нибудь Ранд сумеет убедить айильцев торговать им. С плеч Эгвейн свисала серая шаль, а падавшие на спину темные волосы широкой полосой поддерживал серый шарфик. В отличие от большинства айильских женщин, Эгвейн носила всего один браслет – светлая кость, вырезанная в виде кольца из язычков пламени, и всего одно ожерелье из золотых и костяных бусинок. И она носила еще одно украшение. На левой руке посверкивало кольцо Великого Змея.

Эгвейн обучалась у кого-то из айильских Хранительниц Мудрости, чему именно – Ранд не знал наверняка, хотя подозревал, что это как-то связано со снами. Точнее трудно сказать: и Эгвейн, и айилки держали рот на замке. Но ведь Эгвейн обучалась и в Белой Башне. Она была одной из принятых, готовилась в будущем стать Айз Седай. И по крайней мере здесь и в Тире выдавала себя за полноправную Айз Седай. Иногда Ранд поддразнивал девушку этим, хотя она не одобряла его подтруниваний.

– Фургоны скоро будут готовы отправиться в Тар Валон, – сказала Морейн. Ее мелодичный голос звучал точно кристальной чистоты ручеек.

– Пошлите с ними сильную охрану, – заметил Ранд, – не то Кадир не довезет груз туда, куда хотите вы. – Юноша вновь повернулся к окну, желая выглянуть и посмотреть на Кадира. – Раньше вы не требовали, чтобы я что-то запрещал или разрешал.

Внезапно что-то будто шархнуло его по плечам – больше всего на свете это походило на увесистую палку из гикори. Кто-то из женщин направил Силу – подсказало ему слабое ощущение гусиной кожи, маловероятное по этакой-то жаре.

Резко развернувшись к женщинам, Ранд потянулся к саидин, наполнив себя Единой Силой. Ощущение от Силы было такое, будто сама жизнь взбурлила в нем, словно он стал живее раз в десять, стократно. И порча Темного тоже влилась в него – смертью и разложением, словно могильные черви закопошились во рту. Поток Силы грозил в любой миг снести его, и ему каждое мгновение необходимо было сражаться с бушующим половодьем, непрестанно бороться, не уступать ему. Ранд почти свыкся с этим чувством и в то же время осознавал, что никогда с ним не свыкнется. Ему хотелось вечно наслаждаться саидин, и ему было до тошноты плохо. И все это время kloкочущий поток бил в него, пытаясь ободрать до костей и дотла сжечь кости.

Со временем порча сведет Ранда с ума, если Сила не убьет его раньше, – тут уж какая из напастей достанет первой. С начала Разлома Мира на безумие обречен всякий мужчина, способный направлять, с того самого дня, как Льюс Тэрин Теламон, Дракон, и Сто спутников запечатали узилище Темного в Шайол Гул. Но последний удар Темного запятнал мужскую половину Истинного Источника, и способные направлять Силу мужчины, обладающие этим даром безумцы, разорвали мир на части.

Ранд наполнил себя Силой... А ведь он не знает, кто из женщин учинил с ним такое. Обе холодно, точно ледяные статуи, смотрели на него, обе – выгнув бровь почти одинаковой дугой, с вопросом в глазах. Кто-то из них или обе в этот миг могли обнимать женскую половину Источника – и он никогда не определит, кто именно.

Разумеется, вытянуть палкой по спине – не в привычках Морейн, она находила иные способы наказать или обуздать, способы более утонченные и, как правило, куда более болезненные. Однако, даже будучи уверенным, что это наверняка Эгвейн, Ранд ничего не стал делать.

«Доказательство». Мысль скользнула по поверхности кокона пустоты; сам же Ранд плавал внутри, в ничто, а мысли и чувства, даже гнев его были где-то далеко-далеко. «Без доказательств я ничего не сделаю. На этот раз я не дам себя разозлить». Это уже не та Эгвейн, вместе с которой он рос, теперь она стала частью Башни – с тех пор, как Морейн отправила девушку туда. И опять Морейн. Вечно Морейн. Иногда ему очень хотелось, чтобы Морейн исчезла, пропала куда-нибудь. «Иногда? А не лукавишь?»

Ранд сосредоточил все внимание на Айз Седай.

– Что тебе надо от меня? – Для собственного уха голос его звучал ровно и холодно. А внутри бушевала Сила. Эгвейн говорила ему, что для женщины прикосновение к *саидар*, женской половине Источника, было объятием; для мужчины же это действие всегда война без пощады. – И не надо опять про фургоны, маленькая сестра. Обычно я понимаю, что же ты хотела сделать, спустя очень много времени после того, как все уже сделано.

Айз Седай хмуро воззрилась на Ранда – и немудрено. Наверняка к ней никто, кем бы он ни был, так не обращался. Ни один человек, даже Дракон Возрожденный. Да и сам Ранд не сказал бы, откуда взялась эта «маленькая сестра»; в последнее время слова иногда сами возникали у него в голове. Видать, легкое касание помешательства. Порой он за полночь лежал без сна, мучимый тревожными мыслями о происходящем с ним. Внутри же пустоты все эти тревоги казались чьими-то чужими терзаниями.

– Лучше нам поговорить наедине. – Морейн коротко и холодно глянула на арфиста.

Джасин Натаэль, как он здесь себя именовал, возлежал на подушках у стены без окон и тихо наигрывал на арфе, поставив ее себе на колено. Верхняя рама золоченой арфы была вырезана в виде созданий, схожих с теми, что запечатлены на руках Ранда. Драконы – так их звали айильцы. Откуда у Натаэля подобная вещь, Ранд мог лишь догадываться. Натаэль был средних лет темноволосым мужчиной, которого во многих краях, кроме Айильской пустыни, считали бы рослым. Темно-синие шелковые штаны и затейливо вышитый по вороту и манжетам золотой нитью камзол, уместные при дворе какого-нибудь короля, были, несмотря на жару, наглухо застегнуты и зашнурованы. Превосходный костюм выглядел странно рядом с расстеленным подле него плащом менестреля. Добротный с виду, плащ пестрел многоцветьем частых заплата, пришитых так, чтобы они трепетали при легчайшем дуновении ветра. По этому плащу даже в глухих уголках безошибочно узнавали бродящего от деревни к деревне артиста – жонглера и акробата, музыканта и сказителя. И вряд ли такому по карману щеголять в шелках. Что ж, Натаэль, похоже, весьма высокого мнения о себе. Сейчас менестрель казался полностью поглощенным своей музыкой.

– Все, что тебе хочется сказать, можешь говорить при Натаэле, – сказал Ранд. – В конце концов, он – менестрель Дракона Возрожденного.

Если разговор нужно оставить в тайне, Морейн станет настаивать, и тогда Ранд отошлет Натаэля, хотя ему не хотелось упускать этого человека из виду.

Эгвейн громко фыркнула и поддернула на плечах шаль.

– Ранд ал’Тор, ты весь раздулся от важности, словно перезрелый арбуз, – сказала девушка ровным тоном, будто отмечая очевидное.

Гнев бурлил где-то за пределами пустоты. Не от ее слов – у Эгвейн с детства вошло в привычку все время пытаться поставить Ранда на место, спихнуть его на ступеньку ниже, независимо от того, заслужил он это или нет. Но в последнее время, как казалось Ранду, она стала действовать заодно с Морейн: Эгвейн старается вывести его из равновесия, чтобы Морейн было сподручней толкать в нужную ей сторону. Года два назад, еще до того, как стало известно, кто он такой, Ранд с Эгвейн, и не только они, считали, что со временем поженятся. И вот теперь Эгвейн заодно с Морейн – и против него.

Посуровев лицом, Ранд заговорил грубее, чем хотел:

– Говори, что ты хочешь, Морейн. Говори сейчас или отложи, пока я не найду время выслушать тебя. Я очень занят. – Последнее было неприкрытой ложью. Время у Ранда уходило главным образом на упражнения с мечом – с Ланом, или с копьями – с Руарком, или на обучение бою голыми руками и ногами, тогда наставниками выступали оба. Но если сегодня есть возможность взбрыкнуть, то он пойдет на такой шаг. А Натаэль пусть слышит. Ему можно слышать. Почти все. До тех пор, пока Ранду известно, где тот находится.

Обе, и Морейн, и Эгвейн, нахмурились, но по крайней мере настоящая Айз Седай, видимо, поняла, что на сей раз Ранд уперся на своем – не сдвинешь. Она покосилась на Натаэля, поджала губы. Тот по-прежнему казался поглощенным музицированием. Потом Морейн достала из поясного кошель толстый сверток серого шелка.

Развернув шелк, она выложила на стол содержимое – диск с ладонь человека в поперечнике, наполовину совершенно черный, наполовину чистейше белый; два цвета смыкались по волнистой линии, образуя соединенные капли. До Разлома это был символ Айз Седай, но теперь диск являл собой нечто большее. Некогда их было создано всего семь – семь печатей на узилище Темного. Точнее говоря, каждый диск являлся средоточием одной из тех печатей. Вытащив поясной нож, рукоять которого обвивал серебряный узор, Морейн аккуратно поскребла край диска. И от него отвалилась крохотная черная частица.

Даже в коконе пустоты изумление оказалось таким, что Ранд невольно охнул. Сама пустота задрожала, и на миг Сила угрожающе надвинулась, грозя сокрушить его.

– Это копия? Подделка?

– Я нашла диск внизу на площади, – сообщила Морейн. – Но он настоящий. С тем, который я принесла из Тира, то же самое. – По тону можно было подумать, что она требует себе на обед гороховый суп; а Эгвейн плотно, будто мерзла, закуталась в шаль.

Ранд почувствовал липкое прикосновение страха, просачивающегося через границу пустоты. Отпустить саидин было трудно, но юноша пересилил себя. Если потерять концентрацию, Сила уничтожит его на месте, а сейчас нужно сосредоточить все внимание на самом насущном. И все равно, даже невзирая на привкус в ней порчи, расстаться с саидин было потерей.

Лежащая на столе черная чешуйка невероятна. Невозможна! Эти диски изготовлены из *квейндияра*, камня мужества. Ничто созданное из этого материала разломать нельзя, даже с помощью Единой Силы! Какую бы силу ни прилагали к квейндияру, тот становился лишь крепче. Способ изготовления камня мужества утрачен при Разломе Мира, но все сотворенное из него в Эпоху легенд сохранилось до сих пор, даже самая хрупкая ваза, пусть после Разлома она канула на океанское дно или оказалась погребена под горой. Да, три из семи дисков уже сломаны, но, несомненно, для этого понадобилось нечто куда большее, чем простой нож.

Правда, чуток поразмыслив, Ранд признал, что ему невдомек, как на самом деле оказались сломаны те три. Если никакая сила, кроме могущества Создателя, не способна разломать камень мужества, тогда что же разбило эти диски?

– Как так вышло? – спросил Ранд и удивился: голос его был столь же спокоен, как и тогда, когда юношу окружала пустота.

– Не знаю, – ответила Морейн с таким же внешним спокойствием. – Но ты понимаешь, в чем беда? Упав диск со стола, он разлетится вдребезги. Если прочие, где бы они ни находились, в таком же состоянии, то четыре человека с молотками способны вновь пробить дыру в узилище Темного. И кто ныне решится загадать, насколько действительна эта печать – в таком плачевном состоянии?

Ранд понимал, в чем беда. «Я еще не готов». Он понятия не имел, когда вообще будет готов, но был уверен – он еще не готов. Эгвейн смотрела на диск так, точно видела перед собой собственную разверстую могилу.

Тщательно завернув диск, Морейн уложила его обратно в свой кошель.

– Наверное, прежде чем я доставлю эту печать в Тар Валон, мне нужно кое о чем поразмыслить. Если мы узнаем, из-за чего все и почему, вероятно, что-то можно будет предпринять.

А перед глазами Ранда возникали жуткие картины: Темный вновь тянется к миру из Шайол Гул и со временем освобождается из плена. Огонь и тьма застилают мир, всепоглощающее пламя не дает света, несокрушимая толща мрака стискивает воздух. Сквозь полыхавшие в его мозгу образы с трудом пробился смысл слов Морейн.

– Ты хочешь идти сама? – Ранду же казалось, что она навечно прилипла к нему, точно цепкий мох к скале. «А разве тебе не хочется, чтобы она ушла?»

– Рано или поздно, – тихо ответила Морейн. – Рано или поздно я... мне придется оставить тебя. Чему быть, того не миновать. – Ранду показалось, будто Морейн задрожала, но в следующее мгновение она вновь преисполнилась спокойствия и самообладания – так что все могло быть и игрой воображения. – Ты должен быть готов. – Слова о долге вовсе не стали для Ранда приятным напоминанием. – Нужно обсудить наши планы. Сколько ты еще будешь тут сидеть? Даже если Отрекшиеся и не планируют прийти сюда за тобой, то там, за Хребтом Мира, они наращивают свои силы, распространяют свою власть. Что хорошего, если, собрав тут Айил, ты обнаружишь, что весь мир за Хребтом – в их руках?

Усмехаясь, Ранд облокотился на стол. Выходит, это еще одна интрига. Если он встревожится из-за ухода Морейн, то, наверное, станет охотнее прислушиваться к ее словам и сделается куда сговорчивее, не будет слишком противиться тому, чтобы им помыкали. Разумеется, лгать она не могла – не впрямую. Этого не позволяла одна из хваленых Трех Клятв: не говорить ни слова неправды. Но Ранд уже узнал, что для уверток оставалась щелочка – шириной с амбар. Рано или поздно она оставит его в покое. Нет никаких сомнений в том, когда это произойдет: после того, как он умрет.

– Ты хочешь обсудить мои планы, – сухо заметил он; вытащив из кармана короткую трубку и кожаный кисет, юноша набил трубку и, коротко коснувшись саидин, направил язычок пламени, затанцевавший над табаком. – Зачем? Это ведь мои планы.

Медленно попыхивая дымом, Ранд стал ждать, не обращая внимания на сердитый взгляд Эгвейн.

На лице Айз Седай не дрогнул ни единый мускул, но ее большие глаза будто метали темные молнии.

– А что ты делал после того, как отказался, чтобы я направляла тебя? – Голос ее был спокоен, как и лицо, но слова срывались с губ точно удары хлыста. – Куда бы ни пошел, ты повсюду оставлял за собой смерть, разрушения, войну.

– Не в Тире, – произнес он, пожалуй, слишком поспешно. И явно в свою защиту. Нельзя позволить ей вывести себя из равновесия. Ранд решительно запыхтел трубкой – нарочито неторопливо.

– Да, – согласилась Морейн, – не в Тире. Однажды у тебя за спиной оказалось государство, народ, и что ты со всем этим сделал? Восстановить справедливость и правосудие в Тире – похвально. Навести порядок в Кайриэне, накормить голодных – достойно одобрения. В другое время я бы возносила тебе хвалу за это деяние. – Морейн была родом из Кайриэна. – Но все это нисколько не поможет тебе подготовиться к тому дню, когда ты выйдешь на Тармон Гай’дон.

Целеустремленная женщина, спокойная и не ведающая колебаний, когда дело касается чего-то другого, даже ее родной страны. Но разве сам Ранд не такой же целеустремленный и упрямый?

– А что же, по-твоему, мне нужно делать? Выслеживать и затравливать Отрекшихся? Одного за другим? – Ранд заставил себя медленнее втягивать табачный дым. – Тебе хоть известно, где они? Ах да, Саммаэль в Иллиане, это ты знаешь! Но где остальные? И вот приду я за Саммаэлем, как тебе угодно, а там их окажется двое, трое, а то и четверо? Или все девятеро?

– Тебе было бы под силу сразиться с тремя-четырьмя. Возможно, даже сразу с девятью уцелевшими, – ледяным тоном парировала Морейн, – если бы ты не оставил Калландор в Тире. Суть в том, что ты бежишь. На самом деле нет у тебя никакого плана! Нет у тебя плана подготовки к Последней битве. Ты перебегаешь с места на место в надежде, что все как-то утрясется, сложится к лучшему. Ты лишь надеешься, поскольку не знаешь, что еще делать. Если бы ты послушался моего совета, то по крайней мере...

Ранд оборвал ее, резко взмахнув своей трубкой, словно и не замечая сердитых взглядов, которыми его жгли обе женщины.

– У меня есть план. – Им хочется знать – пожалуйста, а его пусть испепелит, коли он переменит решение. – Во-первых, я намерен положить конец убийствам и войнам, я их начал или нет. Если людям нужно кого-то убивать, пусть убивают троллоков, а не друг друга. В Айильскую войну четыре клана перебрались за Драконову Стену и за два года громко заявили о себе. Они разграбили и сожгли Кайриэн, разбили все высланные против них войска. Пожелай они, и Тар Валон бы захватили. Из-за ваших Трех Клятв Башня не сумела бы им помешать. – Одной из Клятв было не использовать Силу как оружие, разве что против порождений Тени или приспешников Тьмы или для защиты собственной жизни, но ведь тогда самой Башне айильцы не угрожали. Теперь Ранда цепко держал в своей хватке гнев. Беглец с единственной надеждой, таким он ей представляется? – Четыре клана совершили все это. Что будет, когда я поведу за Хребет Мира одиннадцать? – Кланов должно быть одиннадцать. Перетянуть на свою сторону Шайдо надежды мало. – Государства едва успеют задуматься о том, чтобы объединиться, как будет уже поздно. «Они примут мой мир, или меня зароят в Кэн Брэт».

Арфа неприятно тренькнула, и Натаэль склонился над инструментом, покачивая головой. Через миг вновь раздалась тихие, успокаивающие звуки.

– Да, видно, одним арбузом дело не обошлось. С головой у тебя точно не все в порядке, – пробурчала Эгвейн, сложив руки на груди. – И камень таким непробиваемым не бывает! Морейн всего лишь пытается тебе помочь. Почему ты этого не понимаешь?

Айз Седай разгладила свои шелковые юбки, хотя в том не было нужды.

– Вывести айильцев за Драконову Стену! Худшего, пожалуй, и не выдумать. – В голосе Морейн слышалась нотка то ли гнева, то ли огорчения. По крайней мере, Ранд сумел довести до ее сведения, что он – не марионетка. – К тому времени Престол Амерлин обратится к правителям всех государств, к тем, кто по-прежнему является правителем, предъявит им доказательства, что ты – Дракон Возрожденный. Им известны пророчества; они знают, для чего ты рожден. Как только они убедятся в том, кто ты и что ты, они примут тебя, ибо должны. Ближится Последняя битва, и ты – их единственная надежда, другой у рода людского нет.

Ранд громко рассмеялся. Но смех его был горек. Сунув трубку в рот, он сел скрестив ноги на стол и принялся рассматривать женщин.

– Итак, вы с Суан Санчей по-прежнему думаете, что знаете все, что нужно знать. – По воле Света, они почти ничего о нем не знают и никогда не узнают. – Вы обе – круглые дуры.

– Выкажи хоть каплю уважения! – прорычала Эгвейн, но Ранд отмахнулся от ее слов и продолжал:

– Благородные лорды Тира тоже знали пророчества и поняли, кто я такой, увидев в моей руке Меч-Которого-Нельзя-Коснуться. Половина из них ожидала получить от меня власть или славу, если не то и другое разом, а другая мечтала о том, чтобы поскорее ткнуть нож мне в спину и забыть, как страшный сон, что Дракон Возрожденный когда-либо был в Тире. Вот как государства поприветствуют Возрожденного Дракона. Если только я их в бараний рог не согну, как тайренцев. Знаешь, почему я оставил Калландор в Тире? Чтобы он напоминал им обо мне. Каждый день они помнят о нем – торчащем в полу Сердца Твердыни. И не посмеют забыть, что я вернусь за ним. Вот что удерживает их в подчинении.

Это была одна из причин, по которой Ранд оставил там Меч-Который-не-Меч. О другой он и думать не хотел.

– Будь осторожен, – чуть погодя произнесла Морейн. Только это, и голосом морозного спокойствия. Ранд же услышал в этих словах строгое предостережение. Как-то он уже слышал подобный ее тон. Тогда Морейн так же бесстрастно заявила, что скорее увидит его мертвым, чем позволит Тени завладеть им. Безжалостная женщина.

Она долго смотрела на юношу в упор, темные омуты ее глаз грозили затянуть его в свои глубины. Потом Морейн присела в безукоризненном реверансе:

– С вашего позволения, милорд Дракон, я отдам необходимые распоряжения. Мастеру Кадиру надо знать, где ему завтра предстоит работа.

Никто не сумел бы заметить в ее поступке или услышать в ее словах даже слабый намек на насмешку, но Ранд чувствовал издевку. Морейн готова испробовать все, что угодно, лишь бы вывести его из равновесия, сделать куда послушнее – любым способом. Для этой цели все было хорошо: вина, стыд, сомнение, неуверенность. Ранд смотрел вслед Морейн, пока ее не скрыл занавес переступивающихся бусин.

– Незачем так хмуриться, Ранд ал’Тор. – Голос Эгвейн был тих, глаза гневно полыхали, а свою шаль девушка держала так, точно намеревалась задушить Ранда. – И впрямь лорд Дракон! Кем бы ты ни был, все равно ты – грубый, невоспитанный оболтус! Тебе еще мало досталось. От тебя не убудет, если станешь повежливее.

– Так то была *ты!* – вырвалось у Ранда; к его удивлению, девушка чуть качнула головой, но спохватилась. Значит, все-таки Морейн. Раз Айз Седай настолько рассердилась, значит ее терпение лопнуло. Несомненно, это он вывел ее из себя. Наверное, нужно бы извиниться. «Наверняка, если буду повежливей, я от этого не умру». Но, честно говоря, он не понимал, с какой стати ему рассыпаться в любезностях перед Айз Седай, которая постоянно старается держать его на короткой сворке.

Но в то время как Ранд раздумывал о вежливости, Эгвейн ничуть об этом не заботилась. Если бы тлеющие угли могли сделаться темно-коричневыми, то они точь-в-точь походили бы на глаза девушки.

– Ты болван, Ранд ал’Тор, а твоя пустая башка набита шерстью! Зря я не сказала Илэйн, что ты ее не стоишь! Ты даже для куницы недостойная пара! Не задирай носа! Спустишься на землю! Я-то хорошо помню, как ты обливался потом, пытаешься откреститься от проделки, в которую тебя втравил Мэт. Помню, как тебя Найнив порола, пока ты не взвыл в голос, а потом весь день сидеть без подушки не мог. Не так много лет минуло с той поры. Нужно было сказать Илэйн, чтоб выбросила тебя из головы. Если б она знала хоть половину о том, во что ты нынче превратился!..

Ранд пялился на Эгвейн, пока она изливала на него свою гневную тираду. Сколько раз девушка входила через занавес из бус, но никогда еще не была так разъярена. Потом до Ранда дошло. Еле уловимое покачивание головы, которым она невольно выдала, что именно Морейн стегнула его по спине Силой. Эгвейн изо всех сил старалась делать лишь то, что нужно, и делать как надо и как положено. Обучаясь у Хранительниц Мудрости, Эгвейн одевалась по-айильски; насколько он знал девушку, она вполне могла усвоить и айильские обычаи. Это очень на нее похоже. Но в то же время Эгвейн старалась во всем походить на настоящую Айз Седай, хотя была лишь одной из принятых. Обычно Айз Седай крепко держали свой характер в узде, они никогда не выдавали того, что желали сохранить в тайне. Никогда – ни словом, ни жестом.

«Илиена никогда не срывала на мне свое зло, когда сердилась на себя. Нагоняй она мне устраивала только потому, что...» Ранд похолодел. Он в жизни не встречал женщины по имени Илиена. Но он сумел, пусть смутно, вызвать в памяти образ, откликнувшийся на это имя. Прелестное лицо, молочно-белая кожа, золотистые волосы, того же оттенка, что у Илэйн. Должно

быть, это сумасшествие. Воспоминание о выдуманной женщине. Пожалуй, однажды он поймает себя на том, что беседует с несуществующими людьми.

Страстная речь Эгвейн оборвалась, сменившись озабоченным взглядом.

– С тобой все в порядке, Ранд? – Гнева в голосе девушки как не бывало. – Что-то не так? Сейчас я за Морейн сбегаю...

– Нет! – воскликнул он и тут же смягчил тон. – Ей не под силу Исцелить... – Даже Айз Седай не могут Исцелить безумие; ни одна из них не способна исцелить Ранда, избавить его от страданий. – Как дела у Илэйн? У нее все хорошо?

– С Илэйн все хорошо. – Несмотря на все сказанное Эгвейн, в ее голосе слышалось сочувствие. На большее Ранд и не надеялся. Сам он знал лишь, что Илэйн покинула Тир, остальное касается только Айз Седай, планы Илэйн – не его дело. Так ему не раз заявляла Эгвейн, а Морейн вторила ей. Три Хранительницы Мудрости, которые умели ходить по снам и у которых обучалась Эгвейн, были еще менее словоохотливы – у них свои причины не ладить с Рандом. – Пожалуй, мне тоже лучше уйти, – продолжила Эгвейн, поправляя на плечах шаль, – ты устал. – Слегка нахмурилась, она спросила: – Ранд, что ты такое сказал? Ну «зароют в Кэн Брэт»?

Он уже намеревался спросить, о чем, Света ради, говорит девушка, но вспомнил, как сам произнес эту фразу.

– Что-то такое я когда-то слышал, – соврал он. О значении этих слов Ранд имел столь же смутное представление, как и о том, откуда они взялись.

– Отдыхай, Ранд, – сказала девушка – по голосу будто лет на двадцать старше, а не двумя годами моложе его. – Обещай мне, что обязательно отдохнешь. Тебе нужен отдых.

Ранд кивнул. Эгвейн посмотрела ему в глаза, словно выискивая правду, потом направилась к выходу.

Серебряный кубок с вином поднялся с ковра в воздух и подплыл к Ранду. Он торопливо схватил кубок за миг до того, как девушка оглянулась через плечо:

– Наверное, не стоило бы мне говорить. Илэйн не просила меня передавать тебе этого, но... Она сказала, что любит тебя. Может, ты уже знаешь, а если нет, то поразмысли об этом.

С этими словами девушка вышла; бусы со стуком сомкнулись за ней.

Спрыгнув со стола, Ранд отшвырнул кубок в сторону, вино расплескалось по плиткам пола. Вzbешенный, Ранд повернулся к Джасину Натаэлю.

Глава 3

Бледные тени

Потянувшись к саидин, Ранд направил Силу – сплел потоки Воздуха и сдернул Натаэля с подушек. Позолоченная арфа опрокинулась на выложенный темно-красными плитками пол, а сам Натаэль застыл в фуге над полом, распяленный у стены, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Я же предупреждал тебя! Не смей направлять, когда кто-то рядом! Никогда!

Натаэль склонил голову набок в свойственной ему странной манере, будто искоса поглядывая на Ранда и стараясь незаметно понаблюдать за ним.

– Если б увидела, она решила бы, что это ты. – В голосе менестреля не слышалось ни вины, ни неуверенности – но и вызова тоже; похоже, он считал, что предлагает вполне приемлемое объяснение. – Кроме того, с виду у тебя в горле пересохло. А придворному барду должно заботиться о своем повелителе.

Это была одна из причуд Натаэля: раз Ранд – лорд Дракон, то сам он должен быть не простым менестрелем, а непременно придворным бардом.

Испытывая отвращение к себе и сердясь на Натаэля, Ранд распутал плетение и отпустил менестреля. Обращаться с ним так грубо – все равно что затеять драку с десятилетним мальчишкой. Ранд не мог видеть щита, который ограничивал Натаэлю доступ к саидин, поскольку то было работой женщины, но знал: преграда никуда не делась. Все, на что способен сейчас Натаэль, – переместить кубок со стола. К счастью, щит сокрыт и от женских глаз. Натаэль называл подобный прием «инвертированием», хотя и не мог объяснить сути явления.

– А если бы она увидела мое лицо и что-то заподозрила? Я так удивился, будто этот кубок сам по себе ко мне подлетел! – Ранд сунул трубку в рот и яростно запыхтел ею.

– Она все равно ничего бы не заподозрила. – Расположившись на подушках, менестрель поднял арфу и взял несколько нот, прозвучавших отдаленной мелодией. – Как кто-то что-то

заподозрит? Я и сам не могу поверить в случившееся. – Если в голосе его и проскользнула горечь, Ранд этого не заметил.

Сам Ранд тоже до конца не верил в произошедшее, хотя изо всех сил старался убедить себя в реальности этого. У человека, сидевшего перед ним и звавшегося Джасином Натаэлем, было и другое имя. Асмодиан.

Рассеянно перебиравший струны арфы, Асмодиан вовсе не походил на устрашающего всех и вся Отрекшегося. Он был даже по-своему красив – Ранд считал, что тот нравится женщинам. Часто казалось странным, что зло не наложило на него заметных глазу отметин. Он был одним из Отрекшихся, но вовсе не пытался убить Ранда, и Ранд скрыл от Морейн и всех прочих, кто такой Натаэль. Ему нужен был учитель.

Пытаясь самостоятельно научиться владеть Силой, Ранд имеет всего один шанс из четырех остаться в живых – в случае, если для мужчин справедливо то, что относится к женщинам, которых Айз Седай называют дичками. А если нет? К тому же необходимо еще принимать в расчет безумие. Учить Ранда должен мужчина; Морейн, и не она одна, не уставала твердить ему: даже птица, мол, не научит рыбу летать, с тем же успехом рыба может учить птицу плавать. И учить Ранда должен кто-то опытный, тот, кому уже известно все, что следует знать Ранду. Выбор у него небогат – Айз Седай укрощают мужчин, способных направлять, едва обнаружив их. А ведь с каждым годом таких мужчин находят все меньше. Мужчина, случайно обнаруживший в себе способность направлять Силу, знает не больше Ранда. Умеющий направлять Лжедракон – ежели Ранд разыщет такого, которого еще не успели изловить и укротить, – вряд ли откажется от собственной мечты о славе ради кого-то другого, провозгласившего себя Возрожденным Драконом. Вот Ранду ничего и не осталось, как переманить к себе одного из Отрекшихся.

Асмодиан с отсутствующим видом брал случайные аккорды, а Ранд уселся напротив него на подушки. Не следует забывать, что этот человек несколько не изменился внутренне с того давнего-давнего дня, когда отдал свою душу Тени. То, что делает ныне, он делает по принуждению, он вовсе не пришел к Свету.

– Ты никогда не думал пойти на попятную, Натаэль? – Ранд избегал настоящего имени менестреля; промолви юноша даже шепотом «Асмодиан» – и Морейн тут же решит, что он перекинулся к Тени. Морейн, а может, и другие. Тогда, вполне вероятно, ни сам Ранд, ни Асмодиан не доживут до следующего дня.

Пальцы застыли на струнах, лицо менестреля было непроницаемо.

– На попятную? Демандред, Равин, любой из них, едва увидев, убьют меня. И это мне еще повезет. Наверное, любой из них так поступит – кроме Ланфир. Сам понимаешь, проверять мне ничуть не хочется. Семираг... Она и валун заставит взмолиться о пощаде и благодарить за смерть. А что до Великого повелителя...

– Темного! – резко оборвал Ранд, еле разжав губы у чубука. Великим повелителем приспешники Тьмы называли Темного. Приспешники Тьмы и Отрекшиеся.

Молча соглашаясь, Асмодиан коротко кивнул:

– Когда Темный вырвется на свободу... – Если раньше на лице его не отражалось никаких чувств, то сейчас уныние и бесцветность были в каждой черточке. – Скажу лишь, что сам отыщу Семираг и отдамся в ее руки, пока за предательство меня не настигло наказание... Темного.

– Вот и учи меня.

Арфа заиграла скорбную мелодию – она, горько сожалея, оплакивала безвозвратную потерю.

– «Марш смерти», – произнес Асмодиан, не прерывая игры, – финальная часть «Цикла великих страстей», сочиненного лет за триста до Войны Силы неким...

Ранд перебил его:

– Ты не очень-то хорошо обучаешь меня.

– В этих обстоятельствах лучшего и ожидать нельзя. Теперь ты можешь обратиться к саидин всякий раз, когда пожелаешь, и умеешь отличать один поток от другого. Ты способен защитить себя щитом, и Сила делает то, что тебе нужно. – Он перестал играть и нахмурился, не глядя на Ранда. – Как по-твоему, Ланфир и правда хотела, чтобы я научил тебя всему? Если бы она хотела этого, то придумала бы способ остаться рядом и связать нас вместе. Она хочет, чтобы ты остался в живых, Льюс Тэрин, но на этот раз намерена быть сильнее тебя.

– Не зови меня так! – рявкнул Ранд.

Асмодиан будто и не слышал:

– Если вы вместе планировали... поймать меня в ловушку... – Ранд почувствовал, как в Асмодиане поднялась какая-то волна – словно Отрекшийся проверял созданный вокруг него щит. Способная направлять женщина увидела бы сияние, возникающее, когда другая женщина обнимает саидар, и, несомненно, ощутила бы, как та направляет, но Ранд ничего не видел и мало что ощущал вокруг Асмодиана. – Если вы разработали план вместе, значит ты позволил ей крупно себя надуть. Тогда она тебя перехитрила. Я уже говорил тебе: я не лучший учитель, особенно если мы не соединены связью. Вы задумали это вместе? – Теперь он смотрел на Ранда, искоса, но внимательно. – Много ли ты вспомнил? О том, что был Льюсом Тэрином, я имею в виду. Ланфир сказала, ты вообще ничего не помнишь, но она способна солгать и самому Ве... Темному.

– На этот раз она сказала правду. – Расположившись на подушках, Ранд направил Силу, и один из не тронутых клановыми вождями серебряных кубков подплыл к нему. Даже столь краткое прикосновение к саидин было пьянящим – и мерзостным. И трудно было отпустить Источник. Ранду не хотелось говорить о Льюсе Тэрине; он устал от людей, считающих, что он и есть Льюс Тэрин. Чашечка трубки сильно разогрелась от яростного пыхтения, поэтому Ранд жестикулировал ею, держа за чубук. – Если взаимное соединение поможет тебе обучать меня, почему мы этого не сделали?

Асмодиан глянул на Ранда так, будто тот спросил, почему они не едят камни, и качнул головой:

– Все время забываю, сколь многого ты не знаешь. Вдвоем мы с тобой не сможем создать такую связь. Без женщины, которая соединит нас. Думаю, ты мог бы попросить Морейн или эту девушку, Эгвейн. Одна из них, наверное, сумеет придумать способ. Если только ты не хочешь оставить их в неведении, кто я такой.

– Не лги мне, Натаэль, – прорычал Ранд. Задолго до встречи с Натаэлем он узнал, что направление Силы мужчиной и женщиной так же отлично одно от другого, как разнятся сами мужчины и женщины; Ранд не собирался принимать на веру слова собеседника. – Я слышал, как Эгвейн и другие говорили, что Айс Седай соединяют свои силы. Если могут они, то почему не можем мы с тобой?

– Потому что не можем. – В голосе Асмодиана прорвалось раздражение. – Хочешь знать почему – поинтересуйся у алхимиков или книжечеев. Почему собаки не летают? Вероятно, так в громадной системе Узора уравнивается то, что мужчины по природе своей сильнее. Мы не в состоянии соединяться взаимными узлами без помощи женщин, а они без нас могут. Для создания круга больше чем из тринадцати человек им все-таки потребна помощь мужчин, но это слабое утешение.

Ранд был уверен, что наконец-то поймал Отрекшегося на лжи. Морейн рассказывала, что в Эпоху легенд мужчины и женщины были сильны в равной мере, и солгать она не могла. Так Ранд и заявил, добавив:

– Пять Сил, Пять стихий – равны.

– Земля, Огонь, Воздух, Вода и Дух. – Для каждой Силы у Натаэля нашелся свой аккорд. – Верно, они равны, и столь же верно, что любое действие, на которое способен мужчина с помо-

щью одной из стихий, под силу и женщине. По крайней мере, отчасти. Но это не имеет ничего общего с тем, что мужчины сильнее. Если Морейн что-то считает правдой, то и говорит как об истине, так оно или нет. Вот одно из тысячи слабых мест в этих дурацких Клятвах. – Он сыграл что-то и впрямь звучавшее глупо. – Кое у кого из женщин руки посильнее, чем у некоторых мужчин, но в общем все наоборот. Так же и в случае с Силой и, пожалуй, в сходных пропорциях.

Ранд медленно кивнул. Сказанное Асмодианом имело некоторый смысл и звучало разумно. Илэйн с Эгвейн считались чуть ли не сильнейшими женщинами из обучавшихся в Башне за тысячу, а то и более лет, а он однажды проверил на них свой дар, и позже Илэйн призналась, что почувствовала себя котенком, которого схватил мастиф.

Асмодиан тем временем продолжал:

– Если две женщины связали себя взаимными узами, это не значит, что их сила удвоилась; подобное соединение не просто сложение сил. Но если они достаточно сильны, то и с мужчиной могут поспорить. А коли составится круг из тринадцати женщин, берегись. Объединившись, тринадцать даже еле способных направлять Силу женщин одолеют подавляющее большинство мужчин. Тринадцать самых слабых женщин из Башни возьмут верх над тобой и над любым мужчиной – и даже не запыхаются. В Арад Домане я как-то услышал присловье, которое мне хорошо запомнилось: «Чем больше вокруг женщин, тем тише ступает мудрец». Не худо бы и тебе эту поговорку не забывать.

Ранд поежился, вспомнив о том времени, когда он оказался среди Айз Седай, числом намного превосходивших тринадцать. Конечно, большинство из них не знало, кто он такой. А если б знали... «Если Морейн и Эгвейн связаны...» Ранду не хотелось верить, что Эгвейн так далеко ушла от их прежней дружбы на своем пути к Башне. «Что бы Эгвейн ни делала, она поступает искренне, без задних мыслей, и она всем сердцем желает стать Айз Седай. Как и Илэйн».

Ранд отпил полкубка вина, но вино не смыло тягостных мыслей.

– Что еще ты можешь рассказать об Отрекшихся? – Этот вопрос он задавал, наверно, раз сто, но каждый раз надеялся узнать чуточку больше. Лучше такой вопрос, чем пустые размышления, не соединились ли Эгвейн и Морейн, чтобы...

– Я рассказал тебе все, что знал, – тяжело вздохнул Асмодиан. – Нас никогда нельзя было назвать близкими друзьями. Ты думаешь, я что-то утаиваю? Если ты хочешь знать, где они, то мне неизвестно, где остальные. Знаю только про Саммаэля, а тебе и без моего рассказа известно, что он выбрал своим королевством Иллиан. Какое-то время в Арад Домане находилась Грендаль, но, полагаю, ее там уже нет – слишком высоко она ценит свой комфорт. Подозреваю, что и Могидин пребывает – или пребывала – где-то на западе, но никому еще не удавалось отыскать Паучиху, если она того не желает. Равин приручил какую-то королеву и забавляется с ней, но твоя догадка о том, какой страной она для него правит, ничуть не хуже моих предположений. Больше ничего, что поможет тебе определить их местопребывание, я не знаю.

Все это Ранд уже слышал. Вообще, ему чудилось, что он слышал все сказанное Асмодианом об Отрекшихся раз пятьдесят. Порой – слишком часто казалось, что Ранд уже знает то, о чем ему рассказывает Асмодиан. Кое-что из услышанного ему хотелось бы не знать – например, что забавляет Семираг, а кое-что вовсе было бессмысленным. Демандред переметнулся к Тени из зависти к Льюсу Тэрину Теламону? Ранд и вообразить не мог такой зависти, что толкнула бы его что-то сделать, тем более подобный шаг. Асмодиан утверждал, что его соблазнила мысль о бессмертии – и о нескончаемых эпохах музыки. Асмодиан заявил, что прежде был известным композитором. Что за чушь! Однако в этой громаде обрушившегося на Ранда знания, от которого подчас кровь стыла в жилах, могла скрываться та крупница, благодаря которой он сумеет уцелеть в Тармон Гай’дон. Что бы он ни говорил Морейн, Ранд знал: он должен

встать на пути Отрекшихся и случиться это может гораздо раньше, чем ему хочется. Наполнив кубок, Ранд поставил его на пол. Вино не смогло стереть факты.

Раздался перестук бусин, и Ранд оглянулся – вошли облаченные в белые одежды молчаливые гай'шайн. Они начали собирать блюда и кубки, поданные для Ранда и вождей; еще один гай'шайн, мужчина, поставил на стол большой серебряный поднос с закрытыми тарелками, серебряной чашей и двумя большими глиняными кувшинами в зеленую полоску. В одном из них наверняка вино, в другом вода. Женщина-гай'шайн внесла зажженную лампу и пристроила ее возле подноса. Небо в окнах окрасилось желто-красными цветами заката; в кратком промежутке между раскаленной печью и морозным ледником воздух и в самом деле был свеж и приятен.

Когда гай'шайн удалились, Ранд встал, но уходить не спешил.

– Как ты считаешь, Натаэль, каковы мои шансы в Последней битве?

Асмодиан, потянувшийся за своими красно-синими шерстяными одеялами, лежавшими за подушками, замер и поднял глаза на Ранда, в своей странной манере склонив голову набок:

– В тот день, когда мы встретились тут, ты... нашел на площади какую-то вещицу.

– Забудь об этом, – хрипло отозвался Ранд. Он нашел не одну вещицу, а две. – Все равно я ее уничтожил. – Ему показалось, будто плечи Асмодиана слегка поникли.

– Тогда... Темный... уничтожит тебя. Что до меня, то в тот час, когда я узнаю о его освобождении, я вскрыю себе вены. Если у меня будет такая возможность. Быстрая смерть намного лучше того, что тогда ожидает меня повсюду. – Он откинул в сторону одеяла и уселся, мрачно уставившись в никуда. – Наверняка смерть лучше безумия. Теперь оно грозит мне в той же мере, что и тебе. Ты порвал оберегавшие меня от безумия узы. – В голосе его не было горечи, одна безнадежность.

– А если бы существовал иной способ защититься от порчи? – спросил Ранд. – Если можно было бы как-то избавиться от нее? Ты все равно убил бы себя?

Лающий смех Асмодиана был едок, как кислота:

– Забери меня Тень, видно, ты возомнил себя чуть ли не проклятым Создателем! Мы мертвы. Мы оба мертвецы! Неужели гордыня застила тебе глаза и ты ничего не понимаешь? Или ты просто непроходимо туп? Ты, потерявший надежды пастух?!

Ранд держал себя в руках.

– Тогда почему бы не покончить со всем разом? – срывающимся голосом спросил он. «Я не настолько слеп и вижу, что вы с Ланфир затеяли. Я не такой уж тупица, коли одурачил ее и поймал в ловушку тебя». – Раз нет никакой надежды, ни единого шанса, даже малюсенького... почему ты еще жив?

По-прежнему не глядя на юношу, Асмодиан потер нос.

– Как-то я видел висящего на утесе человека, – медленно произнес он. – Тот висел на обрыве, и скала крошилась под его пальцами... Ухватиться он мог лишь за пучок травы – несколько длинных стебельков, корни которых едва цеплялись за камень. Это был единственный шанс вскарабкаться обратно на утес. Вот за него он и схватился. – Асмодиан вдруг коротко и невесело рассмеялся. – Он же должен был знать, что они легко выдернутся.

– Ты спас его? – спросил Ранд, но Асмодиан не ответил.

Ранд двинулся к выходу, за его спиной вновь раздалась такты «Марша смерти».

Длинные низки бус сомкнулись за ним, и пять Дев, поджидавших в широком пустом коридоре, выложенном бледно-голубыми плитками, легко, одним плавным движением поднялись с корточек. Они все, кроме одной, были высоки для женщин – но не для айилок. Чтобы сравняться ростом с Рандом, их старшей, Аделин, не хватало чуть больше ладони. Единственным исключением была Энайла; девушка с огненной гривой рыжих волос и не выше Эгвейн болезненно переживала из-за своего роста. Как и у вождей кланов, глаза у девушек были голубые, серые или зеленые; волосы – светло-русые, желтые, точно солома, или рыжие – коротко

подстрижены, лишь на затылке оставлен длинный хвост. На поясе висели полные колчаны, уравновешенные ножами с длинным клинком; а за спиной, в налучах, Девы носили роговые луки. У каждой было три-четыре коротких, но с внушительными наконечниками копья и круглый щит из бычьей кожи. У айильских женщин, не желавших проводить жизнь у очага и в заботах о детях, было свое воинское объединение – Фар Дарайз Май, Девы Копья.

Ранд приветствовал Дев легким поклоном, от которого те заулыбались, – у айильцев не было такого обычая, по крайней мере, его этому не учили.

– Я вижу тебя, Аделин, – сказал Ранд. – Где Джойнде? По-моему, раньше она была с вами. Она не заболела?

– Я вижу тебя, Ранд ал’Тор, – отозвалась Аделин. Ее светло-рыжие волосы казались еще светлее, обрамляя дочерна загорелое лицо с тонким белым шрамом на щеке. – В каком-то смысле она заболела. Проговорила сама с собой целый день и не прошло еще и часа, как отправилась к Гарану из Джирад Гошиен, намереваясь положить к его ногам свадебный венок. – (Кое-кто из Дев покачал головой: замужество означало отказ от копья.) – Завтра его последний день в качестве ее гай’шайн. Джойнде – из Черной Скалы, из Шаарад, – со значением добавила Аделин. Это и впрямь значило многое. Браки с мужчинами или женщинами, захваченными в гай’шайн, – обычное дело, но очень редко браки заключались между айильцами, чьи кланы находились в кровной вражде, пусть и позабытой на время.

– Эта зараза распространяется! – возбужденно заговорила Энайла. Обычно голос ее был горяч – таким же жаром веяло от ее волос. – С тех пор как мы пришли в Руидин, каждый день одна-две Девы сплетают свадебные венки.

Ранд кивнул, надеясь, что они сочтут кивок знаком понимания. А ведь в этом его вина. Он и гадать боялся, сколько из Дев рискнули бы остаться с ним, расскажи он им правду. Хотя, по всей вероятности, останутся все – их удержит честь, а страха они испытывают не больше, чем клановые вожди. По крайней мере, до сих пор все сводилось лишь к свадьбам, – пожалуй, даже Девы сочтут замужество лучшим избавлением, чем то, что испытали некоторые. Может, так еще и случится.

– Еще немного – и я готов идти, – сказал Ранд девушкам.

– Мы будем ждать с терпением, – отозвалась Аделин.

Говорить о терпении было трудно, – казалось, стоящие на месте Девы в любой миг готовы взорваться стремительным движением.

То, что Ранд хотел сделать, в самом деле заняло у него лишь несколько секунд. Он оплел комнату – точно коробочку обмотал – потоками Духа и Огня и закрепил их, чтобы плетение держалось само собой. Войти и выйти мог любой – кроме мужчины, способного направлять. Для него самого – как и для Асмодиана – перешагнуть порог означало шагнуть в сплошную стену пламени. Это плетение потоков – и то, что Асмодиан, будучи огражден барьером, слишком слаб, чтобы направлять сквозь подобную преграду, – Ранд обнаружил случайно. Судя по всему, к менестрелю никто не лез с вопросами, но если кого заинтересует, то Джасин Натаэль просто выбрал местечко для ночлега подальше от айильцев, насколько можно отыскать такое в Руидине. К подобному выбору с пониманием отнесутся возчики и охранники Кадира. А Ранд, таким образом, точно знал, где ночью находится Асмодиан. Девы ему никаких вопросов не задали.

Ранд повернулся и двинулся к выходу. Девы последовали за ним, окружив его кольцом, настороженные, словно в ожидании нападения. Асмодиан продолжал наигрывать погребальную песню.

Раскинув руки в стороны, Мэт Коутон вышагивал по широкому белому парапету, обегавшему вокруг сухого фонтана, и пел песню мужчинам, которые наблюдали за ним в меркнувшем свете дня.

Так выпьем же вина, пусть не пустеют кубки.
И милых, веселя, мы расцелуем в губки,
И кости мы метнем, а потом скорей
На танец, с Джаком-из-Теней.

После дневной жары воздух приятно охлаждал, и Мэт подумал, не застегнуть ли куртку из превосходного зеленого шелка, с золотым шитьем. Но от выпивки, которую айильцы называли *оосквай*, в голове точно гигантские мухи гудели, и мысль эта тут же улетучилась. В пыльном бассейне белели на постаменте три каменные статуи – обнаженные женщины футов двадцати высотой. Одна рука каждой вздымалась вверх, другая держала, наклоняя, огромный каменный кувшин на плече – из него должна была литься вода. Но у одной из статуй не доставало головы и поднятой руки, а кувшин другой превратился в груды черепков.

Пока луна не сбежит, ночь напролет протанцуем,
На колени себе усадив, девиц всех перецелуем,
Ну а потом со мной скорей
На танец с Джаком-из-Теней.

– Ничего себе песенка!.. – крикнул один из возчиков с заметным лугардским акцентом. Люди Кадира держались тесной кучкой, особняком от айильцев. Все они были крепкими мужчинами, с жесткими лицами, но каждый из них был уверен: за неосторожный взгляд любой айилец разом глотку перережет. Не так уж они и ошибались. – Помню, как бабка моя как-то говаривала о Джеке-из-Теней, – продолжал большеухий лугардец. – Негоже так о смерти петь!

Тут Мэт, словно сквозь туман, понял, какую песню поет, и скривился. С той поры как пал Алдешар, никто не слышал «Танца с Джаком-из-Теней». В голове у него звучала эта песня, которую с вызовом грянули Золотые Львы, бросившись в свою последнюю, безнадежную атаку на окружившее их войско Артура Ястребиное Крыло. Ладно хоть на древнем наречии он болтать не принялся. Мэт и наполовину не был таким развязным ухарем, каким казался со стороны, но чашек оосквай он и правда опустошил многовато. Вкусом и цветом пойло напоминало бурюю водицу, но в голову вдарило, точно мул лягнул. «Коли не поостерегусь, того и гляди Морейн меня упакует да и отправит в Башню. По крайней мере, так я окажусь подальше и от Пустыни, и от Ранда». Видать, он и вправду перебрал, напился даже больше, чем ему казалось, раз полагает это честной сделкой. Мэт затыкнул «Лудильщика на кухне»:

У Лудильщика на кухне дел невпроворот.
Наверху хозяйка в платье голубом.
По ступенькам – вниз слетает, в розовых мечтаньях,
И зовет она: «Ох, Лудильщик милый, почини-ка
для меня ты вот ту кастрюльку!»

Кое-кто из людей Кадира подхватил песенку, а Мэт танцующим шагом вернулся обратно. Айильцы молчали – у них мужчины не пели, не считая боевой песни в сражении или погребальной над павшим. Девы же если и пели, то только в своем кругу, исключительно для себя.

У парапета сидели на корточках два айильца – сколько бы оосквай они ни влили в себя, на них это никак не сказалось, разве что глаза малость остекленели. С какой радостью Мэт вернулся бы в те края, где светлые глаза большая редкость; в родной деревне он видел вокруг только карие да черные глаза. Ранд был единственным исключением.

Слева, перед свободным от зрителей пространством, на широких плитах мостовой лежали куски дерева – источенные червем ручки и ножки кресел. Возле парапета валялся пустой кувшин из красной глины, рядом стояли его братец, где еще оставался оосквай, и серебряная чаша. Суть игры состояла в том, чтобы выпить, а потом постараться попасть ножом в подброшенную в воздух мишень. Играть с Мэтом в кости не сел бы никто из людей Кадира, а среди айильцев таких были считанные единицы – слишком уж часто он выигрывал, а в карты жители Пустыни не играли. Метание ножей считалось чем-то совершенно отличным от всего прочего, особенно если добавить к этой забаве оосквай. В кости Мэт выигрывал чаще, чем в этой игре, но в фонтане у ног юноши лежало с полдюжины чаш с золотой насечкой и два золотых блюда – вдобавок к браслетам и ожерельям с рубинами, лунными камнями или сапфирами, не говоря уже о пригоршне монет. Подле выигрышей дожидались хозяина шляпа с низкой плоской тульей и необычное копье с черным древком. Кое-какие из выигранных вещей были даже сделаны руками айильцев. Жители Пустыни явно предпочитали расплачиваться частью своей боевой добычи, а не звонкой монетой.

Корман, один из сидевших у парапета айильцев, поднял взор на оборвавшего песню Мэта. Белый шрам наискось пересекал нос воина.

– С ножами, Мэтрим Коутон, ты, пожалуй, так же ловок, как с игральными костями. Может, остановимся на этом? Темнеет.

– Тут полно света. – Мэт покосился на небо: долину Руидина покрыли бледные тени, но на фоне пока еще светлого неба вполне можно было различить цель. – При таком свете даже моя бабуля не промахнется. А я попаду с закрытыми глазами.

Дженрик, второй из сидевших на корточках, обвел внимательным взглядом ряды зрителей:

– Тут где-то женщины затесались? – Смахивающий сложением на медведя, он считал себя остряком. – Раз мужчина заводит такие речи, значит поблизости женщины, перед которыми он желает покрасоваться.

Девы, которых в толпе было немало, громко рассмеялись вместе со всеми, а может, и громче.

– Так ты думаешь, я не смогу? – пробормотал Мэт, сдергивая темную косынку, что носил на шее, прикрывая рубец от петли. – Корман, подбрось деревяшку и просто крикни «давай». – Юноша быстро завязал сложенной косынкой глаза и вытащил из рукава один из ножей. В наступившей тишине он слышал лишь дыхание зрителей. «Это ты-то не пьян? Да ты назюзюкался как сапожник!» И тем не менее Мэт вдруг ощутил свою удачу, почувствовал порыв, который обычно испытывал в игре, зная, какой гранью вверх замрут кубики, когда они еще катились. В голове у него чуток прояснилось. – Кидай же, – спокойно произнес он.

– Давай! – крикнул Корман, и рука Мэта хлестко дернулась назад, потом резко вперед.

В напряженной тишине громко и отчетливо раздались два стука: ударила в дерево сталь, а затем упала на мостовую мишень.

Никто не проронил ни слова. Мэт вновь опустил косынку на шею. На мостовой валялся обломок подлокотника, размером не больше ладони. В самой его середине торчал глубоко вонзившийся клинок Мэта. Похоже, Корман хотел повысить свои шансы на выигрыш. Что ж, ведь Мэт не уточнил, какой должна быть мишень. До него вдруг дошло, что он совсем забыл назначить ставку.

Наконец один из людей Кадира хрипло воскликнул:

– Просто-таки удача самого Темного!

– Удача – лошадь не хуже прочих, оседлай да скачи, – сказал Мэт самому себе. Не важно, откуда взялось это присловье. Да и откуда взялась его удача, он тоже не ведал – лишь пытался как мог оседлать ее и скакать на ней.

Сколь бы тихо Мэт ни произнес эти слова, Дженрик поднял на него нахмуренный взор:

– Что ты такое сказал, Мэтрим Коутон?

Мэт открыл было рот, затем захлопнул его, так и не повторив фразу, как собирался. Слова ясно звучали в памяти. *Сене совайа каба’донде аин довайниа*. Опять древнее наречие.

– Да так, ничего, – пробормотал Мэт. – Просто сам с собой разговариваю. – (Зрители начали расходиться.) – Думаю, продолжать не стоит – уже темнеет.

Корман наступил на деревяшку, выдернул нож Мэта и принес его хозяину.

– Может, в другой раз, Мэтрим Коутон. Как-нибудь в другой день. – Обычно так айильцы говорили «никогда», если не хотели сказать об этом впрямую.

Мэт кивнул и вложил кинжал в ножны, пришитые к изнанке рукава. Так же случилось, когда он выкинул шесть шестерок двадцать три раза подряд. Ему не за что винить айильцев. Да и разобраться как следует нужно не только со своим везением, есть и другое. Глядя на Кормана и Дженрика, уходящих вместе с остальными, Мэт с легкой завистью отметил, что ни тот ни другой ничуть не пошатывались.

Запустив пальцы в волосы, Мэт тяжело уселся на парапет. Воспоминания, некогда беспорядочно набившиеся в голову, будто изюминки в кексе, теперь перемешались с его собственными. Одна часть его «я» знала, что родился он в Двуречье двадцать лет назад, но он также хорошо помнил, как возглавлял при Майганде фланговую атаку, опрокинувшую троллоков, и как танцевал при дворе Тармандевина, и сотню, тысячу иных событий. В большинстве своем – битвы. Он помнил, как умирал, причем куда большее число раз, чем ему хотелось помнить. И не было швов между обрывками разных жизней – если не сосредоточиться, Мэт не мог сразу отделить свои личные воспоминания от новоприобретенных.

Протянув руку назад, Мэт нахлобучил свою широкополую шляпу и положил поперек коленей необычное копьё. Вместо обыкновенного наконечника это копьё завершало что-то вроде мечевидного клинка фута в два длиной, клейменного двумя вёронами. Лан говорил, будто клинок этот изготовили с помощью Единой Силы еще во времена Войны Силы, Войны Тени; Страж утверждал, что его совсем не нужно точить и что он никогда не сломается. Сам Мэт думал, что не поверил бы такому, да вот пришлось. Пусть и минуло три тысячи лет, а клинок все такой же, однако Мэт мало доверял Силе. Вдоль черного древка, инкрустированная каким-то металлом темнее дерева, шла вязь надписи, обрамленная на концах опять-таки вёронами. Надпись была на древнем языке, но Мэт, разумеется, теперь мог ее прочитать.

Таков исконный договор, и он провозглашает:

Мысль – это времени стрела, и память не истает.

Цена уплачена. Свое просивший получает.

Один из концов широкой улицы, где-то в полумиле от фонтана, упирался в площадь, которую во многих городах называли бы главной. Айильские торговцы отправились на ночлег, но их павильоны по-прежнему стояли там. Эти палатки были сшиты из серо-коричневой шерсти, обычной для айильских палаток. В Руидин со всех концов Пустыни явились сотни торговцев – на самую большую ярмарку, которую когда-либо видели Айил, и с каждым днем айильцев прибывало все больше. Торговцы из разных кланов и стали одними из первых, кто по настоящему начал обживать этот город.

В другую сторону – на огромную площадь в центре города – Мэту вовсе не хотелось смотреть. Отсюда можно было различить горбы Кадировых фургонов, ожидающих завтрашней погрузки. Сегодня днем на один взгромоздили нечто вроде скособоченной дверной рамы из краснокамня. Морейн особенно тщательно проследила, чтобы ее крепко-накрепко привязали – и именно так, как она требовала.

Мэт не знал, что ей известно об этом предмете, – и спрашивать не собирался. Лучше бы Айз Седай совсем забыла о существовании Мэта, хотя на это мало надежды. Но сколько бы ей ни было известно, Мэт чувствовал уверенность, что сам знает больше. Он шагнул туда – глупец, взыскующий ответов. А что получил взамен? Чужие воспоминания, набившиеся ему в голову.

И еще смерть. Мэт затянул потуже косынку на шее. И еще две вещи. Серебряный медальон в виде лисьей головы, который он носил под рубахой, и оружие, лежащее у него на коленях. Малое возмещение. Мэт, легко касаясь, провел пальцем по надписи. «Память не истаёт». А у них, у того народца по ту сторону этой двери, чувство юмора под стать айильскому.

– У тебя так каждый раз получается?

Мэт вскинул голову, оглянулся: рядом с ним уселась Дева. Высокая даже для айилки, пожалуй, выше Мэта. Волосы точно золотая канитель, а глаза цвета чистого утреннего неба. Девушка была старше Мэта, лет, наверное, на десять, но разница в годах никогда ему не мешала. К тому же она Фар Дарайз Май.

– Я – Мелиндра, – продолжила она, – из септа Джумай. У тебя всегда так получается?

Она спрашивает про метание ножа, сообразил Мэт. Она назвала свой септ, но не клан. Айильцы так никогда не поступают. Если только... Должно быть, она из Дев клана Шайдо, которые присоединились к Ранду. Мэт, по правде сказать, не очень-то понимал во всех этих обществах, но что до Шайдо... Он слишком хорошо помнил, как те горели желанием проткнуть его копьями. Куладин ненавидел и Ранда, и всех, кто его окружал, кто явился с ним; а то, что ненавидел Куладин, становилось объектом ненависти и всех Шайдо. Но с другой стороны, Мелиндра пришла сюда, в Руидин. Она ведь Дева. Мелиндра тонко улыбнулась; в глазах сверкал манящий огонек.

– По большей части получается, – правдиво ответил Мэт. Даже если он и не чувствовал удачи, везло ему часто. А уж когда подваливала удача, дело было в шляпе. Мелиндра хихикнула, улыбка ее стала шире, словно девушка считала, что он хвастается. Похоже, женщины сами для себя решают, врешь ты или нет, причем решают, невзирая на очевидные факты. А с другой стороны, если ты им нравишься, на твое вранье им наплевать. А то вообще поверят в самую чудовищную твою ложь.

Девы, к какому бы клану ни принадлежали, могут быть опасны, да и любая женщина таит опасность – эту истину он узнал на собственном опыте. Но Мелиндра определенно смотрела на него не просто так.

Порывшись в горке своих выигрышей, Мэт выудил оттуда ожерелье из золотых спиралей, в центре каждой сверкал темно-синий сапфир, самый крупный был с фалангу его большого пальца. Он мог вспомнить то время – и это его собственные воспоминания, – когда при виде самого мелкого из этих камней его прошибла бы испарина.

– Они очень подходят к твоим глазам, – заметил Мэт, положив в руки девушки тяжелую низку. Он ни разу не видел, чтобы Девы носили какие-нибудь побрякушки, но по опыту знал, что женщинам нравятся всякие украшения. Как ни странно, в меньшей степени им нравились и цветы. Этого Мэт не понимал, но, впрочем, готов был признать, что в женщинах разбирается плохо. Точно так же для Мэта непостижимы и его удача, и случившееся с ним по ту сторону перекошенной дверной рамы.

– Очень тонкая работа, – произнесла Мелиндра, разглядывая на весу ожерелье. – Я принимаю твое предложение. – Ожерелье исчезло в ее поясной суме, девушка наклонилась и сдвинула Мэту шляпу на затылок. – У тебя симпатичные глаза. Похожи на темный полированный кошачий глаз. – Она забралась на парапет с ногами, сидя обняла руками колени, продолжая внимательно рассматривать Мэта. – Сестры по копьё рассказывали мне о тебе.

Мэт надвинул шляпу обратно на брови и настороженно покосился на Мелиндру из-под полей. Что ей понарасказывали? И какое такое «предложение»? Это всего-навсего ожерелье. Манящий огонек в глазах девушки потух; она глядела на него будто кошка на мышь. Вот это и пугало в общении с Девами Копья. Порой и не скажешь, хотят они с тобой потанцевать, собрались тебя поцеловать либо вознамерились убить.

Улица быстро пустела, тени сгущались, но Мэт узнал Ранда. Тот наискосок переходил улицу, во рту его дымилась трубка. Кто станет разгуливать в сопровождении чуть ли не десятка

Фар Дарайз Май, как не Ранд? «Вечно они вокруг него, – подумал Мэт. – Охраняют, будто стая волчиц, готовы все сделать, что он прикажет». Кое-кто и позавидовал бы эскорту Ранда. Кто угодно, только не Мэт. Порой такое общество несколько обременительно. А вот стайка девушек вроде Изендре...

– Извини, я на минутку, – торопливо бросил Мэт Мелиндре.

Прислонив копьё к низенькой стенке фонтана, Мэт чуть ли не бегом сорвался с места. В голове гудело, хоть и не так громко, как раньше, и он не запинался. О своих выигрышах Мэт не беспокоился. У айильцев были крайне строгие, раз и навсегда установленные правила, что можно и что нельзя: захватить в набеге – это одно, а украсть – совсем другое. Люди Кадира живо научились держать руки поглубже в карманах после того, как одного из них поймали с поличным. Задав за кражу отменную порку – исполосовав от плеч до пят, вора прогнали прочь, велел убираться из Пустыни. Ему разрешили взять лишь один бурдюк с водой. Но с одним бурдюком и до Драконовой Стены не добраться, а с бедняги вдобавок всю одежду сняли. Теперь Кадировы людишки не подберут и медяка, валяющегося посреди улицы.

– Ранд? – (Окруженный эскортом Дев мужчина продолжал идти.) – Ранд?

До Ранда не было и десяти шагов, но он не замедлил шага. Две-три Девы оглянулись, но не Ранд. Мэт вдруг ощутил холодок, никак не связанный с надвигавшейся ночью. Он облизнул губы и теперь не громко окликнул, а просто произнес:

– Льюс Тэрин.

И тут Ранд повернулся – а Мэт сразу пожалел об этом. Лучше бы тот не оборачивался.

Некоторое время они смотрели друг на друга в наступивших сумерках. Мэт помешкал и решил ближе не подходить. Себя он убеждал: потому что там Девы. Причем одна из них Аделин – она-то, в компании с прочими, и учила его игре «поцелуй Дев». Этакую забаву Мэт вряд ли когда забудет, да и играть в нее, даже если зазывать будут, ни за что не станет. А у Энайлы взгляд точно бурав, вгрызающийся ему в череп. Ну кто бы подумал, что эта женщина вспыхнет, как попавшее в огонь масло? Было бы от чего! Мэт всего-то и сказал ей, что она самый прелестный маленький цветочек, который он в жизни видывал!

И теперь еще Ранд. Они вместе выросли. Мэт и Ранд, да еще Перрин, бывший в Эмондовом Луге учеником кузнеца. Втроем они охотились, вместе рыбачили, бродили по Песчаным холмам, к самым отрогам Гор тумана забирались, ночевали под звездами. Ранд был его другом. Только теперь он оказался таким другом, который, не желая того, может и башку тебе разбить. Ведь Перрин из-за Ранда чуть не погиб.

Мэт заставил себя приблизиться фута на два. Ранд и без того выше его почти на голову, а в напоздавшем вечернем сумраке казался еще выше. И холодней обычного.

– Я тут подумал, Ранд... – Как Мэт ни старался, голос прозвучал хрипло. Он надеялся, что на этот раз Ранд отзовется на свое настоящее имя. – Я давно уже дома не был.

– Мы оба давно из дома ушли, – тихо произнес Ранд. – Очень давно. – Вдруг он рассмеялся, негромко, но так похоже на прежнего Ранда. – Соскучился по коровам своего отца?

Мэт почесал ухо, слегка ухмыльнулся:

– Ну, честно говоря, не очень. – «Как же, очень надо коровниками любоваться, подольше бы не видеть этакой картины». – Но я тут подумал: может, мне отправиться с фургонами Кадира, раз они скоро уйдут?

Ранд молчал. Когда он наконец заговорил, легкий налет веселья исчез из его голоса:

– До самого Тар Валона?

Теперь уже заколебался Мэт. «Он бы не отпустил меня в лапы Морейн. Или?..»

– Может быть, – как ни в чем не бывало откликнулся Мэт. – Не знаю. Туда хочет отправить меня Морейн. Может, удастся вернуться в Двуречье. Посмотреть, все ли в порядке дома.

«Посмотреть, жив ли Перрин. Узнать, как там мои сестренки, ма и па».

– Нам следует делать то, что мы должны, Мэт. Зачастую это не то, чего нам хочется. Нужно делать что должны.

Все это походило на оправдание – для слуха Мэта. Ранд будто просил его понять. Только Мэт уже не раз поступал так, как должен. «Не могу я винить его за Перрина, да и не мне его винить. Проклятье, никто ведь не заставлял меня идти за Рандом, будто какая гончая!» Только и это не было верно. Его заставили. Но не Ранд.

– Ты разве не... не станешь меня останавливать?

– Мэт, я не стану ничего говорить тебе. Ни «оставайся», ни «иди», – устало сказал Ранд. – Узор плетет Колесо, а не я, а Колесо плетет так, как угодно Колесу. – О-о, как все это похоже на проклятых Айз Седай! Уже повернувшись и собираясь уйти, Ранд добавил: – Не верь Кадиру, Мэт. В каком-то смысле он очень опасный человек. Таких ты едва ли встречал в жизни. Не доверяй ему ни на гран, а то он тебе глотку перережет, о чем будем горевать не только мы с тобой. – Он двинулся по улице дальше, в сгущающиеся сумерки; вокруг него, точно охотящиеся волчицы, мягко ступали Девы.

Мэт смотрел ему вслед. Купцу поверить? «Я не доверился бы Кадиру, хоть засунь его в мешок и накрепко свяжи». Итак, не Ранд сплетает Узор? Да уж кто, как не он! Еще до того, как хоть кому из трех друзей стало известно, что пророчества связаны как-то и с ними, они узнали, что Ранд – *та'верен*. Один из тех редких людей, которые, вместо того чтобы хочешь не хочешь быть вплетенными в Узор, сами вынуждают Узор формироваться вокруг себя. Мэт знал, что такое быть та'вереном: он и сам – та'верен, хотя и не столь сильный, как Ранд. Иногда одним своим присутствием в каком-нибудь городке Ранд мог воздействовать на жизнь его обитателей, изменять весь ход жизни людей. Перрин тоже был та'вереном – или мог им оказаться. Отыскавшая ребят Морейн считала крайне значимым тот факт, что этим троим юношам, выросшим в одной деревне, уготована судьба та'веренов. И кем бы они ни были, она намеревалась всех троих использовать в своих целях.

Судя по всему, замыслы у нее были грандиозные: все та'верены, о которых знал Мэт, были мужчинами вроде Артура Ястребиное Крыло или женщинами, похожими на Мабриам эн Шириид, которая, если верить преданиям, после Разлома основала Союз Десяти государств. Но ни в одном сказании не говорилось, что случается с та'вереном, который оказывается близок к другому, такому сильному, как Ранд. Наверное, так крутит в водовороте листов.

К Мэту подошла Мелиндра и протянула ему черное копьё и тяжело звякнувший мешок из грубой ткани:

– Я сложила сюда твой выигрыш. – Она и в самом деле была выше Мэта на добрых пару дюймов. Мелиндра поглядела вслед Ранду. – Я слышала, ты Ранду ал'Тору почти брат.

– Можно и так сказать, – отрезал Мэт.

– Да и не важно, – сказала она, подытоживая. Потом Мелиндра устремила свой взор на юношу, упершись кулаками в бедра. – Мэт Коутон, ты заинтересовал меня, причем до того, как преподнес мне дар расположения. Конечно, и речи быть не может о том, что ради тебя я откажусь от копья, но я несколько дней к тебе присматривалась. У тебя улыбка как у мальчишки, задумавшего очередную проказу. Мне это нравится. И эти глаза. – В тускнеющем свете она медленно и широко улыбнулась. С теплотой. – Мне нравятся твои глаза.

Мэт поправил шляпу, хотя та и так сидела безукоризненно. В мгновение ока превратиться из загонщика в догоняемую добычу. С айильскими женщинами так и случается. Особенно с Девами.

– Тебе слова «Дочь Девяти Лун» о чем-нибудь говорят? – Порой он задавал такой вопрос женщинам. Неверный ответ – и этой же ночью он сматывается из Руидина, пусть даже придется выбираться из Пустыни пешком.

– Ни о чем не говорят, – сказала Мелиндра. – Но кое-что мне нравится делать при лунном свете.

Обняв Мэта за плечи, она сняла с его головы шляпу и принялась что-то шептать ему в ухо. И почти сразу же он ухмыльнулся – еще шире, чем Мелиндра.

Глава 4

Сумерки

Сопровождаемый эскортом Фар Дарайз Май, Ранд подошел к руидинскому крову Дев. Белые ступени, шириной во все здание и каждая высотой не менее чем три фута, взбегали к массивным, футов в шестьдесят высотой, колоннам, которые сейчас, в сумраке, казались черными, но днем сияли яркой голубизной. Колонны были необычными, со спиральными каннелюрами. Перед высоким зданием была выложена из глазурованных плит узорчатая мозаика – вились белые и голубые спирали, казавшиеся глазу бесконечными. Прямо над колоннами находилось огромное многоцветное окно-витраж – черноволосая женщина пятнадцати футов высотой, в причудливом голубом одеянии, правая рука поднята то ли в благословении, то ли в повелении остановиться. Лицо ее было одновременно и безмятежным, и суровым. Кем бы она ни была, к айильцам она точно не принадлежала – о чем говорили очень светлая кожа и темные глаза. Скорей всего, Айз Седай. Ранд выбил трубку о каблук, сунул ее в карман куртки и начал подниматься по ступеням.

За исключением гай'шайн, мужчинам не позволялось ступать под кров Дев – ни одному, ни в одном из холдов-крепостей в Пустыне. За подобную попытку и вождь, и кровный родич Девы мог заплатить жизнью, да, по правде говоря, ни одному айильцу такая мысль и в голову бы не пришла. Точно так же дело обстояло и с другими айильскими воинскими союзами: входить под их кров разрешалось лишь их членам и гай'шайн.

У высоких бронзовых дверей стояли в карауле две Девы. Скосив глаза на проходившего мимо колонн Ранда, они быстро обменялись какими-то знаками на языке жестов Дев и коротко улыбнулись друг дружке. Ранд пожалел, что не понимает, о чем они переговариваются. Со временем бронза тускнеет даже в сухом воздухе Пустыни, но гай'шайн отполировали двери, и теперь они сияли как новые. Створки стояли распахнутые настезь, и пара часовых не шелохнулась, чтобы преградить юноше дорогу. Ранд вошел, Аделин с сестрами по копыю не отставали ни на шаг.

Внутри, в широких белых коридорах, в огромных комнатах, находилось множество Дев. Они сидели на цветных подушках, беседовали, точили и протирали оружие, играли в «кошкину колыбельку», или в камни, или в «тысячу цветков» – айильскую игру, в которой, помимо прочего, нужно выкладывать узоры из плоских камешков, а на камешках вырезано чуть ли не с сотню различных символов. Разумеется, повсюду, занятые разной домашней работой, бесшумно сновали гай'шайн. Они попадались везде: вытирали, подметали, разносили еду и питье, что-то прилаживали, подправляли, подливали масло в разнообразные светильники, от простых глиняных, покрытых глазурью плошек до золоченых ламп – вероятно, взятой невесты где боевой добычи. Были тут и высокие напольные шандалы, отыскавшиеся в городе. Мозаичные

полы и стены в большинстве комнат покрывали разноцветные ковры и гобелены всевозможных рисунков и стилей – ни одного похожего. Кроме того, сами стены и потолки представляли собой изысканные мозаичные панно: леса, реки, небеса – такого никогда не видывали в Пустыне.

Заметив Ранда, Девы, и юные, и в годах, улыбались, кое-кто фамильярно кивал, а то и похлопывал юношу по плечу. Ранда окликали, интересовались самочувствием, спрашивали, поел ли он, не желает ли, чтобы гай'шайн принесли ему вина или воды. Он отделялся краткими фразами, хотя и улыбался в ответ. С ним все хорошо, он здоров, не голоден и пить не хочет, спасибо. Ранд продолжал идти, не сбавляя шага. Замедли он шаг для ответа, неизбежно придется остановиться, а сегодня в его планы не входило задерживаться.

Можно сказать, что Фар Дарайз Май его в какой-то мере усыновили. Некоторые и в самом деле обращались с ним как с сыном, другие принимали его как брата. И возраст Девы не играл роли: женщины с сединой в волосах могли за чашкой чая разговаривать с ним точно с братом, а Девы, в лучшем случае старше его на год, заботливо удостоверились, что он одет надлежащим образом для жаркой погоды. Уклониться от такого материнского внимания не удавалось, они просто делали то, что считали нужным, и Ранд никак не мог придумать, как от них отвязаться. Не использовать же Силу, да и чуть ли не против всех!

У Ранда появлялась пару раз мысль взять для своей охраны воинов из другого сообщества. Например, из *Шае'ен М'таал*, Каменных Псов, или из *Аэтан Дор*, Красных Щитов. Руарк, пока не стал вождем, принадлежал к Красным Щитам. Только какую причину придумать? Правду-то сказать никак нельзя. При мысли, как и что он станет объяснять Руарку и остальным вождям, Ранд почувствовал себя не в своей тарелке. У айильцев ведь такое чувство юмора, причем весьма необычное, что, скорей всего, даже вечно хмурый старик Ган со смеху надорвется. Не говоря уж о том, что любая причина оскорбит всех Дев, заденет честь каждой. По крайней мере, по-матерински, за крайне редким исключением, они с ним обращались только здесь, под кровом, где, кроме них, никто этого не видел. А гай'шайн хорошо знали, что следует держать язык за зубами обо всем, что тут происходит. «Девы, – сказал однажды Ранд, – поддерживают мою честь». Эти слова помнили все, а Девы так гордились, будто он каждую одарил королевским тронном. Но получилось так, что честь его они поддерживают по-своему, как желают сами.

Аделин и остальные четыре Девы отправились к своим подругам, но Ранд, поднимавшийся все выше по плавно изгибающимся пролетам широкой белой лестницы, не оставался в одиночестве. Практически на каждом шагу он отвечал на те же вопросы. Нет, он не голоден. Да, знает, что еще не вполне привык к жаре. Нет, много на солнце он не бывает. Ранд переносил все это стойчески, но облегченно вздохнул, добравшись до второго, если считать вверх от огромного окна, этажа. Здесь, в широких коридорах и на лестнице, ведущей дальше вверх, не было ни Дев, ни гай'шайн. Голые стены и пустые апартаменты лишь подчеркивали безлюдье, но после суеты нижних этажей одиночество было благословенным даром.

Спальной Ранду служила комната в центре здания, окон здесь не было. Размеры ее, одной из немногих, не подавляли своим громадьем, хотя расстояние от пола до высокого потолка превосходило и длину, и ширину. Каково назначение этого зала, Ранд понятия не имел. Единственным украшением помещения являлась мозаика в виде виноградных лоз, обвившихся вокруг небольшого камина. Это вполне могла оказаться комната для прислуги, как решил бы Ранд, не будь дверь обшита бронзой, пусть и без всякой резьбы, таких в комнатах слуг не бывает. Войдя, Ранд прикрыл за собой дверь. Гай'шайн начистили металл до тусклого блеска. Вместо стульев на голубом мозаичном полу были разбросаны подушки с кистями, рядом, поверх сложенных стопкой пестрых ковров, лежал толстый соломенный тюфяк. Рядом с этой «постелью» на полу стояли простой глазурованный голубой кувшин с водой и темно-зеленая чашка. Вот и вся обстановка, не считая двух уже зажженных трехрогих светильников и стопки книг фута в

три высотой в углу. Устало вздохнув, Ранд, не сняв ни сапог, ни куртки, растянулся на тюфяке – как ни поворачивайся, спать на таком ложе ничуть не мягче, чем на голом полу.

В комнату уже помаленьку вползала ночная прохлада, но Ранд и не думал разжигать сложенные в камине сухие коровьи лепешки – лучше уж терпеть холод, чем такой аромат. Асмодиан пытался показать способ сохранить в комнате тепло. Способ был прост, но у Ранда не хватало умения проделать этот трюк. Один раз он попробовал – и проснулся посреди ночи, хватая ртом воздух, а края ковров уже тлели от жара, накалившего пол. Больше Ранд экспериментировать не пытался.

Ранд выбрал это здание для жительства потому, что оно уцелело и находилось неподалеку от центральной площади; высокие потолки создавали ощущение прохлады даже в самые жаркие часы дня, а толстые стены не пропускали ночью сильные холода. Разумеется, тогда тут не было крова Дев. Однажды утром Ранд проснулся и обнаружил, что во всех комнатах первых двух этажей поселились Девы, а возле его дверей выставлен караул. Через некоторое время он наконец понял, что Девы намерены разместить в этом здании кров своего сообщества в Руидине, при этом они полагали, что он тут и останется. На самом-то деле они готовы были перенести кров туда, куда отправится Ранд. Потому-то он и встречался с клановыми вождями в другом месте. Самое большее, что удалось Ранду, – это уговорить Дев не подниматься на тот этаж, где он спит. Они согласились оставаться внизу, но его просьба изрядно их повеселила. «Даже Кар’а’карн не король», – с кривой усмешкой напомнил он себе. Ранду уже дважды приходилось переезжать выше – Дев становилось больше. Из праздного любопытства он попытался прикинуть, сколько еще воительниц должно прибыть сюда, чтобы ему пришлось отправиться ночевать на крышу.

Лучше думать об этом, чем терзаться воспоминаниями о том, как он допустил, чтобы Морейн в печенках у него засела. До чего достала! Вывела из себя и выведала его планы, которые он хотел скрыть от нее, пока не выступят айильцы. А ей в точности известно, как манипулировать его чувствами, как заставить его рассердиться и сказать больше, чем он хочет. «Я никогда раньше так не злился. Почему мне так тяжело держать себя в узде?» Ладно, остановить его она все равно не в силах. По крайней мере, он так считал. Впредь нужно не забываться и быть с ней предельно осторожным. Изредка возросшие способности делали Ранда беспечным по отношению к ней, но, хоть он и стал намного сильнее, знает-то она куда больше его, пусть даже и обучающегося у Асмодиана.

То, что Асмодиан знает планы Ранда, не столь важно. Хуже, что его замыслы стали известны Айз Седай. «Для Морейн я по-прежнему всего лишь пастух, которого она использует для целей Башни, но для Асмодиана я только хрупкая веточка, за которую можно ухватиться в хлынувшем половодье». Странное дело: он готов доверять Отрекшемуся больше, чем Морейн. Впрочем, ни ему, ни ей нельзя слишком доверять. Асмодиан... Если узы, связывавшие его с Темным, оберегали от порчи на саидин, значит есть и другой способ защититься от нее. Или можно очистить саидин от этой скверны.

Вся беда в том, что, до того как переметнуться на сторону Тени, Отрекшиеся были среди наиболее могущественных Айз Седай Эпохи легенд, а тогда обычными считались деяния, на которые Белая Башня никогда и в мечтах не замахивалась. И если Асмодиан не знает такого способа, скорей всего, его и не существует. «Должен существовать. Что-то должно быть! Не сидеть же мне и не ждать, когда сойду с ума и умру!»

А вот это уже совершеннейшая глупость. Пророчество предрекает ему местом встречи Шайол Гул. Когда это произойдет, неизвестно; а после ему уже незачем будет волноваться о своем сумасшествии. Ранд вздрогнул и подумал, не развернуть ли одеяла.

Послышался тихий шорох шагов – кто-то в мягкой обуви двигался по коридору. Ранда как пружиной подбросило. Он сел. «Я же говорил им! Если они не могут!..» Женщину, которая толчком открыла дверь, неся в руках толстые шерстяные одеяла, Ранд вовсе не ожидал увидеть.

Переступив порог, Авиенда остановилась и смерила Ранда холодным взглядом голубовато-зеленых глаз. Очень привлекательная женщина одних с ним лет, она была Девой, но не так давно отказалась от копья, чтобы стать Хранительницей Мудрости. Ее темные, с рыжиной волосы еще не успели отрасти и не доходили даже до плеч и вряд ли нуждались в сложенной коричневой косынке, повязанной так, чтобы пряди не падали на лицо. Со своей коричневой шалью девушка, казалось, обращалась чуть-чуть неловко, а длинные серые юбки вроде бы немножко стесняли ее нетерпеливые движения.

Увидев на шее девушки серебряное ожерелье – изящная низка из тонко и изысканно сработанных дисков, причем все они разные, Ранд почувствовал укол ревности. «Кто, интересно, подарил ей это ожерелье?» Сама бы она вряд ли его выбрала; похоже, драгоценности она не жаловала. Авиенда носила еще одно украшение – широкий костяной браслет с изящными, во всех деталях вырезанными розами. Браслет Авиенде подарил Ранд, и он не был уверен, что девушка простила его за такой дар. Так или иначе, глупо ревновать.

– Я не видел тебя десять дней, – сказал он. – Мне уж казалось, Хранительницы тебя к моей руке привяжут, как только обнаружат, что я отгородил от них свои сны.

Асмодиана позабавило, когда он узнал, чему первым делом хочет обучиться Ранд, а затем он расстроился, обнаружив, как долго тому пришлось учиться такой простой вещи.

– Мне нужно заниматься, Ранд ал’Тор. – Она станет одной из немногих Хранительниц Мудрости, способных направлять Силу; ее учили в том числе и этому. – Я не из твоих мокроземок, чтобы все время болтаться рядом, дабы ты мог глядеть на меня, когда тебе захочется. – Хоть она знала и Эгвейн, и – раз уж речь об этом – Илэйн, у Авиенды сложилось весьма своеобразное мнение о тех, кого она называла мокроземками, да и обо всех жителях мокрых земель вообще. Вот втемяшилось ей это в голову – не выбьешь. – Они не в восторге от твоего поступка. – Авиенда имела в виду Бэйр, Эмис и Мелэйн – трех Хранительниц Мудрости, трех ходящих по снам, которые обучали ее и которые пытались следить за ним. Авиенда с сожалением качнула головой. – А особенно им не понравилось, что это от меня ты узнал о том, что они входят в твои сны.

Ранд уставился на девушку:

– Ты им так сказала? Но ведь ничего ты мне не говорила! Я сам до всего дошел. Да и в конце концов все равно бы сам догадался, даже и без твоего намека. Авиенда, они *сами* рассказали мне, что могут в снах с людьми разговаривать. Мне оставалось сделать всего шаг.

– Ты хочешь еще больше уронить мою честь? – Голос девушки был пока ровен, но от горящих глаз занялся бы огонь в камине. – Я не позволю ни тебе, ни другому мужчине бесчестить себя! На след тебя навела я, и пусть позор падет на мою голову. Лучше б ты тут замерз! – И она швырнула одеяла на голову Ранда.

Он стянул их с себя и уложил рядом на тюфяк, соображая, что сказать. Опять этот джи’и’тох. А сама Авиенда такая злючка-колючка, точно терновник. Считалось, что ей поручено обучать его айильским обычаям, но Ранд знал: ее истинная задача – шпионить за ним для Хранительниц Мудрости. Какой бы ущерб для чести ни был связан с подсматриванием за самими айильцами, Хранительниц это, по-видимому, не касалось. К тому же, похоже, просьбу шпионить за ним сами айильцы тоже не сочли бы предосудительной. Хранительницы знали, что Ранду все известно, но отчего-то их это нисколько не тревожило, как, впрочем, и его, – лишь бы все оставалось как есть. С одной стороны, шпион из Авиенды аховый. Почти никогда она не пыталась что-то выведать, и ее нрав вызывал у него то приступы гнева, то угрызения совести – почти так же на него воздействовала Морейн. С другой стороны, иногда, когда девушка забывала выпускать свои колючки, с ней было приятно провести время, поговорить. Кроме того, известно, кого Эмис с прочими к нему подослали, кто за ним шпионит. Если не Авиенда, будет кто-то другой, и придется теряться в догадках, кто теперь при нем соглядатай. Вдобавок Авиенда никогда не относилась к нему настороженно.

Мэт, Эгвейн и даже Морейн порой смотрели на Ранда так, что в глазах читалось: видят они Дракона Возрожденного. А иногда проглядывал страх перед способным направлять Силу мужчиной. Для вождей кланов и Хранительниц Мудрости Ранд был Тем-Кто-Приходит-с-Рассветом, человеком, которому предречено переломить Айил, как переламывают сухой пруттик; если они и не боялись его, то временами относились к нему как к алой гадюке, рядом с которой им приходится жить. Кого бы ни видела в Ранде Авиенда, это ее несколько не останавливало; если считала нужным, она не упускала случая подколоть, а то и обрушиться на него с упреками. И так почти всегда.

По сравнению со всем остальным отношение Авиенды – утешение слабое, тем не менее какую-то поддержку Ранд чувствовал. Он, можно сказать, даже скучал по Авиенде. С полдюжины раз Ранд посылал ей цветы; собирая их с каких-то колючих растений, он оцарапался в кровь, пока не сообразил, что можно воспользоваться Силой. Эти букетики относили сами Девы, не посылая с ними гай’шайн. Разумеется, получила она цветы или нет, Авиенда его не уведомляла.

– Спасибо, – наконец произнес Ранд, проведя ладонью по одеялам. Разговор о них представлялся вполне безобидным. – Наверное, они бы тебе самой в здешние ночи не помешали.

– Принести одеяла меня попросила Энайла. Она узнала, что я собираюсь заглянуть к тебе. – Губы девушки дрогнули в намеке на довольную улыбку. – Не одна и не две сестры по копьё обеспокоились, не холодно ли тебе. Я прослежу, чтобы сегодня ты развел огонь, прошлой ночью ты не разжег камин.

Ранд почувствовал, как краска заиграла на щеках. «Она знает. Что ж, все равно она узнала бы. Проклятые Девы могут не делиться с ней всеми новостями, но и утаивать от нее что-нибудь не станут».

– Зачем ты хотела меня видеть? – спросил Ранд.

К его изумлению, девушка сложила руки на груди и дважды пересекла узкую комнату от стены к стене, потом остановилась и повернулась, сердито глядя на юношу.

– Это вовсе не дар расположения, – заявила она обвиняющим тоном, тряхнув перед Рандом браслетом. – Ты сам признал. – (Да, верно, хотя ему казалось, что она вонзит нож ему под ребра, рискни он не согласиться.) – Это просто глупый подарок от мужчины, который не знает или которому дела нет до того, как мои... как это воспримут сестры по копьё. Ладно, теперь это все равно ничего не значит. – Авиенда вынула что-то из поясного кошель и бросила на тюфяк рядом с Рандом. – Я отдала тебе долг.

Ранд подобрал брошенный предмет и повертел его в руках. Пряжка для поясного ремня, выполненная в виде дракона, тонкой работы, из хорошей стали, с золотыми накладками.

– Спасибо. Какая красивая! Авиенда, ты мне ничего не была должна. Что за долг?

– Если не хочешь принять ее за мой долг, – твердо заявила она, – выбрось. Я найду что-нибудь другое и верну тебе долг. Все равно это безделица, пустяк.

– Вряд ли это безделица! Наверняка ее на заказ делали.

– Не думай, будто это что-то значит, Ранд ал’Тор. Когда я... отказалась от копья, то мои копьё, мой нож... – рука девушки невольно коснулась поясного ремня, где обычно висел нож с длинным клинком, – даже наконечники стрел у меня отобрали и отдали кузнецу, чтобы он сделал из них простые вещи. Их я должна была раздать. Большую часть я подарила подругам, но Хранительницы обязали меня назвать имена троих мужчин и трех женщин, которых я больше всего ненавижу. Каждому из них мне было велено вручить подарок, сделанный из моего оружия. Подарить из собственных рук. Бэйр заявила, что это учит смирению. – Девушка стояла, гордо выпрямив спину, сверкая глазами, зло бросая каждое слово, – смирением тут и в помине не пахло. – Поэтому не думай, будто эта пряжка что-то значит.

– Ничего не значит, – подытожил Ранд, печально кивая. Нельзя сказать, чтобы ему хотелось получить от нее особый подарок, имеющий какое-то значение, но было бы приятно

думать, что Авиенда, быть может, увидела в нем друга. Совершенная глупость – ревновать ее. «Интересно, кто же подарил ей ожерелье?» – Авиенда, выходит, я – один из тех, кого ты так сильно ненавидишь?

– Да, Ранд ал’Тор. – Голос ее вдруг стал хриплым. На несколько секунд она отвернулась – глаза закрыты, веки подрагивают. – Я ненавижу тебя всей душой. Ненавижу. И всегда буду ненавидеть.

Почему она его ненавидит, Ранд не стал спрашивать. Однажды он поинтересовался у Авиенды, почему она его невлюбила, – тогда она ему чуть нос не откусила. Правда, на вопрос так и не ответила. Но сейчас речь шла о чем-то большем, чем неприязнь, о которой она подчас словно забывала.

– Если ты в самом деле меня ненавидишь, – через силу проговорил Ранд, – я попрошу Хранительниц Мудрости прислать обучать меня кого-нибудь другого.

– Нет!

– Но если ты...

– Нет! – Пожалуй, на этот раз ее отказ был куда более упрямым и энергичным. Авиенда уперла кулаки в бедра и принялась выговаривать ему, словно намеревалась вбить в голову Ранду каждое свое слово: – Даже если Хранительницы разрешат мне прекратить занятия с тобой, у меня есть *тох* – обязательство и долг перед моей почти сестрой Илэйн. Ради нее я должна присматривать за тобой. Ты принадлежишь ей, Ранд ал’Тор. Ей, и только ей! Запомни это.

Ранд почувствовал полное отчаяние. Хорошо хоть Авиенда не принялась опять описывать, какова Илэйн без одежды, – к некоторым из айильских обычаев он, пожалуй, никогда не привыкнет. Иногда Ранд гадал, действительно ли Илэйн договорилась с Авиендой, чтобы та присматривала за ним. Поверить в это было невозможно, но ведь опять-таки иные женщины, даже не айилки, ведут себя зачастую крайне странно. Где уж тут понять айильскую женщину! Много чаще Ранд тщетно пытался понять, от кого же, от чьих посягательств должна защищать его Авиенда. Кроме Дев и Хранительниц Мудрости, половина айильских женщин смотрела на него точно на воплощение пророчества, а значит, как на существо из потустороннего мира. Вторая же половина косилась, словно на мерзкую змею-крававку, невесть как очутившуюся в гуще ребятишек. Хранительницы, когда стремятся заставить его поступить, как хочется им, ничем не лучше Морейн, а о Девах и думать не хотелось. Все эти мысли, отчаяние, бессильная злость смешались – и Ранд уже кипел от ярости.

– Теперь послушай-ка меня. Ну, я целовался с Илэйн, и не раз, и, по-моему, ей это нравилось не меньше, чем мне. Но я никому не давал слова, ничего не обещал. Я даже не уверен, что такое мое обещание ей теперь вообще нужно. – Ранд в один день получил от нее два письма; в одном Илэйн называла его возлюбленным светом своей души, а дальше писала такое, от чего у него уши загорелись. В другом же величала негодем с жестоким ледяным сердцем, заявляла, что более не желает его видеть, а потом костерила вдоль и поперек почище Авиенды. М-да, женщины – явно странный народ. – Да у меня и времени-то на женщин нет, и думать-то о них некогда. У меня сейчас одно в голове – как объединить Айил и даже, если сумею, Шайдо. Я...

Ранд осекся, застонал – сопровождаемая перестуком драгоценностей, в комнату покачивающейся походкой вошла женщина; она несла серебряный поднос с графином из дутого стекла и двумя серебряными чашами. Кого Ранд хотел видеть здесь меньше всего, так это ее.

Красная косынка из прозрачного шелка, повязанная вокруг головы, не скрывала красивого матово-томного лица Изендре. Ни у кого из айильцев не могло быть таких длинных темных волос и темных глаз. Сочные яркие губы манили всяческими соблазнами – пока Изендре не заметила Авиенду. Тогда ее обольстительная, влекущая улыбка превратилась в болезненную гримаску. Кроме косынки, на ней было с дюжину, если не больше, ожерелий из золота и резной кости, в некоторых посверкивали жемчужины и самоцветы. Не меньше браслетов отягощало

запастья, а еще больше их охватывало лодыжки. Это был весь ее наряд – более ничего. Ранд заставил себя смотреть только на лицо Изендре, но щеки его жарко горели.

Авиенда походила на грозовую тучу, готовую разразиться молниями, а Изендре выглядела так, словно только-только узнала, что сейчас ее живьем бросят в кипяток. Ранду захотелось очутиться где угодно, хоть в Бездне Рока, лишь бы не здесь. Тем не менее он поднялся – ему казалось, что, глядя на женщин сверху вниз, он добавит себе властности и уверенности.

– Авиенда... – начал он, но та не обратила на него никакого внимания.

– Тебя кто-то прислал? – холодно спросила Авиенда.

Изендре открыла рот – по лицу было видно, что она намерена солгать, – потом тяжело сглотнула и прошептала:

– Нет.

– Тебя, *сорда*, предупреждали. – Сордой называлась разновидность пустынной крысы, айильцы считали ее хитрой, пронырливой и совершенно ни на что не годной; даже кошки, убив крысу, редко ее съедали, настолько мерзко на вкус было мясо. – Аделин считала, что в последний раз ты все усвоила.

Изендре содрогнулась и пошатнулась, словно вот-вот упадет в обморок.

Ранд наконец собрался с мыслями:

– Авиенда, прислали ее или нет, какая разница? У меня в горле пересохло, а если она оказалась настолько любезна, что принесла мне вина, то ее стоило бы поблагодарить. – Авиенда холодно взглянула на две чаши и многозначительно приподняла брови. Ранд глубоко вдохнул. – Незачем наказывать ее лишь за то, что она принесла мне выпить. – Сам Ранд предусмотрительно старался на поднос не смотреть. – Должно быть, половина Дев под кровом только и спрашивали, не хочу ли я...

– Девы поймали ее с поличным, Ранд ал'Тор, когда она пыталась воровать у Дев. – Голос Авиенды был еще холоднее, чем когда она говорила с Изендре. – И без того ты чересчур часто вмешиваешься в дела Фар Дарайз Май. Куда чаще, чем следовало бы. Справедливому воздаянию не смеет препятствовать даже Кар'а'карн. Тебя это не касается.

Ранд поморщился, но махнул на все рукой. Что бы ни решили Девы, свое Изендре неминуемо получит. И не только за этот проступок. В Пустыню Изендре пришла с Хаднаном Кадиром, но Кадир и глазом не моргнул, когда Девы поймали ее с похищенными украшениями, которые та и носила сейчас. Ранду удалось лишь уговорить айильцев не отправлять Изендре в Шару связанной, точно коза; он же не дал им прогнать ее голой, с одним бурдюком воды, в сторону Драконовой Стены. Ранд не мог остаться в стороне, видя, как Изендре взмолилась о пощаде, едва поняла, какую участь ей готовят Девы. Когда-то Ранд убил женщину. Та пыталась убить его, но воспоминание об этом случае до сих пор жгло ему душу. Он сомневался, что когда-нибудь вновь поднимет руку на женщину, даже если на другой чаше весов будет его жизнь. Что за глупость, ведь женщины-Отрекшиеся, скорей всего, алчут его крови, если не замыслили чего-то худшего. Но тем не менее дело обстояло именно так. А коли он зарекся убивать женщин, разве можно стоять и смотреть, как погибает женщина? Пусть даже она заслужила смерть?

И вот еще в чем загвоздка. В любой стране Изендре ждет виселица или плаха, откройся то, что знает о ней Ранд. О ней, о Кадире и, весьма вероятно, о большинстве, если не обо всех людях купца. Они были приспешниками Темного. И разоблачить их Ранд не мог. Не мог, даже если бы они узнали, что ему все известно.

Если хоть одного из них разоблачить как приспешника Темного... Тогда Изендре останется только радоваться своему положению – даже быть служанкой и оставаться нагой куда лучше, чем оказаться брошенной на солнцепеке, связанной по рукам и ногам. Но никто из них не станет молчать, попав в руки Морейн. К приспешникам Темного у Айз Седай не больше сострадания, чем к кому-то другому; она тотчас развяжет им языки. А вместе с купеческим

караваном в Пустыню пришел и Асмодиан, в глазах Кадира со товарищи – всего лишь еще один приспешник Темного, пусть и наделенный определенной властью. Не приходится сомневаться: они полагают, что он пошел на службу Возрожденному Дракону по приказу кого-то обладающего еще большей властью. Поэтому, чтобы уберечь своего наставника, чтобы Морейн не попыталась убить и его, и самого Ранда – что весьма вероятно, – нужно хранить этот секрет от всех.

К счастью, никто не задавался вопросом, отчего айильцы неусыпно следят за купцом и его людьми. Морейн полагает, будто это проявление обычной для айильцев подозрительности к чужакам, явившимся в Пустыню, стократно увеличившейся потому, что те оказались в Руидине. Ей самой пришлось использовать весь свой дар убеждения, чтобы айильцы пустили Кадира с его фургонами в город. Все верно – и Кадиру, и его людям несколько не доверяли; Руарк и прочие вожди кланов, скорей всего, приставили бы к ним стражу и без просьбы Ранда. А сам Кадир прямо-таки светился от счастья, радуясь, что не получил копья между ребер.

Ранд представления не имел, как будет выпутываться из непростой ситуации. Если, конечно, эту задачку вообще можно решить. Все тут настолько переплелось – или голову сломаешь, или шею свернешь. В менестрелевых сказаниях в такой глухой тупик попадали лишь злодеи.

Удостоверившись, что Ранд больше не будет вмешиваться, Авиенда вновь повернулась к Изендре:

– Можешь оставить вино.

Изендре со странной гримасой на лице изящно согнула колени и опустила поднос рядом с тюфяком. До Ранда не сразу дошло, что ее гримаска была попыткой улыбнуться ему незаметно для айилки.

– А теперь давай бегом отсюда! И первой же Деве, какую встретишь, – продолжала Авиенда, – скажешь, что ты сделала. Бегом, сорда!

Причитая и заламывая руки, Изендре бросилась вон, на бегу звеня украшениями. Едва она выскочила из комнаты, Авиенда обернулась к Ранду:

– Ты принадлежишь Илэйн! И не смей прельщать других! Тем более эту... женщину!

– Ее? – обалдел Ранд. – По-твоему, я?... Поверь, Авиенда, окажись она даже последней женщиной на земле, я удрал бы от нее на край света! Лишь бы от нее подальше!

– Эва как ты заговорил! – фыркнула девушка. – Ее уже семь раз секли – семь! – за то, что пыталась втихомолку залезть к тебе в постель. Без чьей-то потачки она бы так не упорствовала! Отвечать она будет перед Фар Дарайз Май, и не Кар'а'карну лезть в это дело. А тебе случившееся сегодня станет очередным уроком наших обычаев. И запомни: ты принадлежишь моей почти сестре!

Не дав Ранду и словечка вымолвить, она твердым шагом вышла из комнаты. Лицо у Авиенды было такое, что юноша подумал: Изендре может не дожить до утра, коли Авиенда нагонит ее в коридоре.

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Ранд потянулся и отодвинул поднос с вином в угол комнаты. У него не было ни малейшего желания пить то, что ему принесла Изендре.

«Семь раз пыталась пробраться ко мне?» Должно быть, Изендре узнала, что он заступился за нее. Каковы были ее дальнейшие рассуждения, сомневаться не приходится: коли Ранд поступил так за улыбку и томный взгляд, то что же он сделает за большее? Юноша вздрогнул, правда не только от этой мысли, но и от вползшего в комнату холода. Да он скорее пригреет в своей постели скорпиона! Если Девам не удастся убедить Изендре поумерить свои желания, видимо, придется сказать ей, что ему все о ней известно. Только так можно положить конец ее проискам.

Задув светильники, Ранд в темноте заполз на тюфяк, не раздевшись и не сняв сапог, потом пошарил вокруг и натянул на себя все одеяла. Юноша заподозрил, что, не разведя огня

в камине, еще до рассвета не раз мысленно поблагодарит Авиенду. Почти бессознательно – это уже вошло в привычку – Ранд выставил стражей из Духа, оберегавших его сны от постороннего вторжения. Затем ему в голову пришла мысль, которая его позабавила. А ведь он мог сначала улечься в постель, а потом погасить светильники – с помощью Силы. О том, что многие простые вещи можно делать с помощью Силы, он раньше как-то не задумывался.

Некоторое время Ранд лежал под одеялами, согревая постель теплом своего тела. Как в одном и том же месте может быть так жарко днем и так холодно ночью? Подобное было выше его понимания. Сунув руку под куртку, он ощупал незаживающий рубец на боку. Со временем эта рана, которую Морейн так и не сумела Исцелить до конца, доконает его. Ранд был уверен – в ней его смерть. Кровь его на скалах Шайол Гул. Так гласят пророчества.

«Нет, не сейчас. Не буду думать об этом нынешней ночью. У меня еще есть немного времени. Но если печати можно скрести ножом, будут ли они держать так же крепко, как раньше?.. Нет. Не сегодня».

Под одеялами стало теплее, и Ранд поерзал, устраиваясь поудобнее, – безуспешно. «Надо бы помыться», – сонно подумал он. А Эгвейн сейчас, наверное, в той палатке-парильне. То и дело, когда сам Ранд залезал в такую палатку, вместе с ним туда пытались войти несколько Дев – они чуть по земле от хохота не катались, когда он настойчиво не пускал их внутрь. Кто бы знал, как неудобно раздеваться и одеваться в клубах жаркого пара!

Наконец пришел сон, а вместе с ним – надежно защищенные сновидения, куда нет доступа ни Хранительницам, ни кому другому. Но от своих мыслей разве спрячешься?.. Три женщины постоянно вторгались в его сны. И вовсе не Изендре – не считая того короткого кошмара, едва не разбудившего его. Ранду снились то Илэйн, то Мин, то Авиенда. Снились и порознь, и вместе. Одна Илэйн смотрела на него как на мужчину, но все трое видели в нем человека – того, кто он есть. Не считая того кошмара, все его сновидения были приятными.

Глава 5

У Хранительниц Мудрости

Хоть Эгвейн и стояла в самом центре шатра, вплотную к маленькому очагу, она дрожала от холода, наливая воду из объемистого чайника в большой, с голубыми полосками тазик. Полог палатки она опустила, но холод просачивался сквозь настеленные в несколько слоев многоцветные ковры, а тепло от очага будто уносилось прочь через дымовое отверстие в крыше, оставляя после себя лишь запах горящего кизяка. Зубы девушки так и норовили сорваться на дробь.

Поднимающийся над водой пар начал понемногу рассеиваться, поэтому Эгвейн обняла саидар – на миг – и направила Огонь, подогревая воду. Наверное, Эмис или Бэйр могут мыться и холодной водой, хотя они обычно парились. «Ну, я не такая выносливая, как они. Я же не в Пустыне росла. И не собираюсь замерзнуть насмерть, моясь холодной водой, если мне того не хочется». Но чувство вины не покидало девушку, пока она намыливала мочалку пахнущим лавандой мылом, которое купила у Хаднана Кадира. Хранительницы Мудрости никогда не требовали от нее чего-то такого, но у нее возникло чувство, будто она их обманывает.

Отпустив Истинный Источник, девушка с сожалением вздохнула. Даже ежась от холода, она тихонько посмеялась над своей глупостью. Удовольствие от наполняющей ее Силы, восхитительный поток жизни и восприимчивости ко всему окружающему – вот в чем таилась опасность. Чем больше зачерпываешь саидар, тем больше хочется, и, если не приучить себя к самодисциплине, есть угроза зачерпнуть больше, чем сумеешь удержать, тогда или погибнешь, или сама себя усмиришь. А тут уж не до смеха.

«Это один из твоих крупных недостатков, – строго выговаривала себе Эгвейн. – Ты всегда хочешь сделать больше, чем тебе полагается. Лучше бы тебе помыться холодной водой, глядишь, и научишься самодисциплине». Только столь многому нужно и хочется научиться, что целой жизни не хватит. Ее наставницы всегда отличались осторожностью, и Хранительницы Мудрости, и Айз Седай в Башне; а ведь было так сложно удержаться, когда девушка

знала, что во многих отношениях уже превзошла их. «Они ведь не понимают, сколь на многое я способна».

Порыв обжигающе-морозного воздуха ударил Эгвейн, дым от очага закружился по палатке; женский голос произнес:

– Если вы позволите...

Эгвейн вздрогнула, пронзительно взвизгнула и только потом сумела выкрикнуть:

– Закрой! – Она крепко обхватила себя руками, чтобы не прыгать от холода. – Входи или выйди, но только закрой!

Столько усилий, чтобы согреть палатку, и теперь Эгвейн с головы до пят в гусиной коже!

Облаченная в белое женщина на коленях вползла в палатку и опустила полог. Взор у нее был потуплен, руки смиренно сложены – точно так же она вела бы себя, если бы Эгвейн не крикнула на нее, а ударила.

– Если вы сообразовите, – негромко произнесла женщина в белом, – Хранительница Эмис послала меня, чтобы я отвела вас в палатку-парильню.

Жалея, что не может с ногами залезть в огонь, Эгвейн тихонько застонала. «Испепели Свет Бэйр и ее упрямство!» Если бы не эта беловолосая старая Хранительница, они расположились бы в городских домах, а не жили в палатках на окраине города. «И у меня бы была комната с подобающим камином. И дверь!» Она готова была биться об заклад, что Ранду не придется мириться с тем, что к нему когда угодно входят все кому не лень. «Ранд, этот проклятый Дракон ал'Тор, щелкнет пальцами, и Девы носятся вокруг, точно прислужницы. Спорю, они отыскали для него настоящую кровать и спит он не на тюфяке, брошенном на голую землю». Эгвейн была уверена, что Ранд каждый вечер принимает горячую ванну. «Наверняка Девы ведрами таскают ему в апартаменты горячую воду. Готова спорить, они даже сыскали для него добрую медную ванну».

Эмис и даже Мелэйн поддались было на предложения Эгвейн, но Бэйр притопнула ногой, и они тут же с ней согласились, точно гай'шайн. Эгвейн предположила следующее: раз Ранд принес столь много перемен, Бэйр вознамерилась поддержать те старые обычаи, какие сумеет. Но девушке хотелось, чтобы Хранительница выбрала что-то иное и выказывала свою неготовность не в отношении прежних порядков.

Отказаться от приглашения и мысли не возникало. Эгвейн обещала Хранительницам Мудрости забыть, что она Айз Седай, – обещание легковывполнимое, поскольку она и не была Айз Седай, – и делать в точности то, что ей скажут. С этим обстояло хуже: Эгвейн давно покинула Башню и опять привыкла быть хозяйкой самой себе. Но Эмис прямо заявила ей: хождение по снам опасно, даже когда знаешь, что ты намерена делать, а коли ничего не понимаешь, то и подавно. Если Эгвейн не будет подчиняться в реальном мире, они не могут положиться на ее готовность подчиниться во сне и поэтому не возьмут на себя ответственность за нее. Потому-то Эгвейн и работала по хозяйству вместе с Авиендой; с подобающим лицом и со всем смирением, на какое была способна, принимала наказания; скажи Эмис, или Мелэйн, или Бэйр «лягушка» – и она бы запрыгала. Если, конечно, можно так выразиться, поскольку никто из Хранительниц лягушку в глаза не видел. «Нельзя сказать, чтобы они требовали от меня чего-то большего, чем принести им чая». Нет, сегодня чай им подаст Авиенда.

Эгвейн подумала, не надеть ли чулки, потом просто сунула ноги в туфли. Крепкие туфли, подходящие для Пустыни; пожалуй, она немножко сожалела о мягких шелковых туфельках, какие носила в Тире.

– Как тебя зовут? – спросила Эгвейн, стараясь быть приветливой.

– Ковинде, – последовал покорный ответ.

Эгвейн вздохнула. Она все пыталась вести себя с гай'шайн дружелюбно, но взаимностью они не отвечали. Привыкнуть к слугам у Эгвейн не было возможности, хотя, разумеется, гай'шайн и не были слугами в точном смысле этого слова.

– Ты была Девой?

Догадку Эгвейн подтвердили яростно и быстро вспыхнувшие темно-голубые глаза, но Ковинде быстро опустила взор:

– Я – гай'шайн. Что было, то было до, а что будет, то будет после, а теперь есть только сейчас.

– Из какого ты септа и клана? – Обычно спрашивать не требовалось, даже у гай'шайн.

– Я служу Хранительнице Мудрости Мелэйн из септа Джирад, из Гошиен Айил.

Эгвейн нахмурилась и посмотрела на Ковинде, прервав размышления, какой из двух плащей выбрать – коричневый из плотной шерсти или стеганный из голубого шелка, который она купила у Кадира. Купец, чтобы освободить место под груз Морейн, распродал все товары из своих фургонов, причем за хорошую цену. Нахмурилась девушка неспроста – это был не общепринятый ответ. Эгвейн слышала, что у некоторых гай'шайн последствия того откровения выражались в необычной форме: когда истекали положенные год и один день, они попросту отказывались снимать свое белое одеяние.

– Когда кончается твой срок? – спросила девушка.

Ковинде сгорбилась, почти сжавшись в комочек:

– Я – гай'шайн.

– Но когда ты будешь вольна вернуться в свой септ, в свой холд?

– Я – гай'шайн, – прохрипела женщина, уткнувшись носом в ковры. – Если этот ответ вам неприятен, накажите меня, но ответить иначе я не могу.

– Не глупи, – резко сказала Эгвейн, – и выпрямись! Ты ведь не жаба.

Одетая в белое женщина не мешкая подчинилась и села на пятки, покорно ожидая новых приказаний. Будто и не было мимолетной вспышки гордости и бойцовского духа.

Эгвейн глубоко вздохнула. Эта женщина нашла свой способ приспособиться к откровению. Пусть выход и глупый, но никакие речи Эгвейн не изменят решения Ковинде. Так или иначе, сейчас Эгвейн надо идти в палатку-парильню, а вовсе не беседовать тут с Ковинде.

Девушка помедлила, вспомнив о холодном сквозняке. От ледяного порыва плавающие в мелкой чаше два больших белых цветка наполовину закрыли свои лепестки. Так цвело растение, называемое *сегаде*, – толстый, мясистый, лишенный листьев стебель, кожистый на ощупь, ошетилившийся колючками. Сегодня утром Эгвейн наткнулась на Авиенду, которая смотрела на эти цветки, лежащие у нее на ладонях. Айилка вздрогнула, заметив глядевшую на нее девушку, и сунула цветки в руки Эгвейн, сказав, что сорвала их для нее. Эгвейн решила, что в Авиенде еще осталось многое от Девы и она не хотела признаваться, что ей нравятся цветы. Правда, если подумать, ей встречались Девы, которые вплетали цветы в волосы или прикалывали их к одежде.

«Ты просто ищешь отговорки, лишь бы подольше в тепле посидеть, Эгвейн ал'Вир. Хватит время тянуть, у тебя что, шерсть в голове вместо мозгов? Нельзя быть такой же дурой, как Ковинде».

– Веди, – сказала Эгвейн и еле успела накинуть на голое тело шерстяной плащ – гай'шайн уже откинула клапан палатки, открывая дорогу – ей и пронизывающей до костей ночи.

Над головой во тьме колюче сверкали россыпи звезд, ярко светила луна в третьей четверти. Лагерь Хранительниц Мудрости – две дюжины низеньких холмиков – отделяло от мощной улицы Руидина не более сотни шагов по потрескавшейся глине и каменистым осыпям. Лунные тени превратили город в причудливые утесы и скальные уступы. Пологи всех палаток были опущены, в воздухе смешались запахи горящих очагов и готовящейся пищи.

Другие Хранительницы приходили сюда почти ежедневно, но ночи проводили со своими септами. Теперь же некоторые и ночевали в Руидине. Но не Бэйр. Подходить ближе к городу Бэйр не желала; не будь здесь Ранда, она, несомненно, настояла бы, чтобы лагерь разбили в горах.

Эгвейн крепко придерживала плащ обеими руками и шагала как могла быстро. Под полы плаща, слегка распахивающиеся при каждом шаге, вползали ледяные щупальца. Чтобы поспевать впереди, Ковинде пришлось подобрать свои белые одежды до колен. Эгвейн вовсе не требовалось, чтобы гай'шайн показывала ей дорогу, но Ковинде послали привести ее, и она будет опозорена, а может, и оскорблена, если ей не позволят выполнить поручение. Эгвейн стиснула зубы, не давая им пуститься в пляс, и желала лишь одного – чтобы идущая впереди женщина побежала.

Парильня ничем с виду не выделялась – тоже приземистая и широкая, опущенные и плотно прикрытые клапаны; но у этой палатки дымоходное отверстие было закрыто. Костер неподалеку прогорел до багрово тлеющих углей, рассыпанных по нескольким камням величинной с человеческую голову. Тусклого света еле хватало, чтобы различить у входа в палатку темные маленькие бугорки, но девушка знала, что это аккуратно сложенная одежда женщин.

Глубоко вдохнув стылый воздух, Эгвейн поспешно скинула туфли, сбросила плащ и чуть ли не нырнула в палатку. Студеный порыв у нее за спиной мгновенно отсекло упавшим клапаном, а потом, охватывая все тело и выжимая из него капельки пота, на девушку опустился влажный жар. Эгвейн, еще не успевшая перевести дух и вздрагивающая, тут же словно покрывалась второй, глянцеви́то блестящей кожей.

В палатке сидели три Хранительницы, обучавшие Эгвейн хождению по снам; вид у них был беспечный, они потели. Их длинные, до пояса, волосы влажно блестели. Бэйр беседовала с Мелэйн, зеленоглазая, золотисто-рыжая красота которой разительно контрастировала с морщинистым лицом и длинными седыми прядями старшей женщины. У Эмис тоже были белые волосы – или такого светлого желтого цвета, что казались белыми, – но старой она не выглядела. Она и Мелэйн могли направлять Силу, чего не скажешь о каждой Хранительнице, и во внешности Эмис было нечто присущее облику Айз Седай, будто лишенных признаков возраста. Морейн, казавшаяся рядом с Хранительницами хрупкой и маленькой, тоже выглядела безмятежной. Капли пота катились по ее бледному обнаженному телу, темные локоны слиплись, но она сидела с царственным видом и словно отказывалась замечать отсутствие одежды. При помощи тонких изогнутых пластинок из бронзы, называемых *стайра*, Хранительницы соскребали с себя пот и дневную грязь.

В центре палатки возле большого черного котла, наполненного раскаленными, закопченными камнями, сидела на корточках мокрая от пота Авиенда. Она осторожно перекладывала щипцами последний камень из маленького котла в больший. Закончив с этим, молодая айилка плеснула на камни водой из бутылки – выдолбленной тыквы, – добавив пару. Если она не управится как следует и пару будет недостаточно, то ей грозит самое малое строгий выговор. Когда в следующий раз встреча Хранительниц состоится в палатке-парильне, заботиться о камнях и паре вновь придет очередь Эгвейн.

Девушка осторожно села скрестив ноги рядом с Бэйр. Здесь не было настеленных ковров, лишь каменистая земля, неприятно горячая, влажная, вся в бугорках. Вдруг Эгвейн с потрясением заметила, что Авиенду высекли, причем совсем недавно. Айилка уселась рядом, скрывая свои чувства, с каменным лицом, но Эгвейн невольно вздрогнула.

Такого оборота Эгвейн не ожидала. Хранительницы требовали соблюдения дисциплины – спрашивали они с учениц строже, чем в Башне, а это кое-что да значило, – но Авиенда училась направлять Силу с мрачной решимостью и настойчивостью. К хождению по снам она не имела дара, но наверняка прилагала столько же усилий и прилежания в обучении всему, что требуется уметь Хранительнице, как и тогда, когда, будучи Девой, постигала секреты владения оружием. Конечно, когда Авиенда призналась, что по ее вине Ранду стало известно, что Хранительницы следят за его снами, они заставили ее три дня выкапывать ямы в рост человека, а потом их закапывать, но то был один из редких случаев, когда Авиенда поступила неверно. Эмис и две другие Хранительницы так часто ставили ее в пример Эгвейн как образчик крот-

кого послушания и надлежащей стойкости, что иногда Эгвейн просто взвыть в голос хотелось, хоть Авиенда и была ей подругой.

– Что-то ты долго шла, – с раздражением заметила Бэйр, пока Эгвейн робко пыталась устроиться поудобнее. Голос ее был неприятно тонок и резок, но пронзал, точно закаленное железо. Бэйр продолжала скрести руки стайра.

– Прошу прощения, – промолвила Эгвейн. Вот так, вполне смиренно.

Бэйр хмыкнула:

– За Драконовой Стеной ты – Айз Седай, но здесь – всего-навсего ученица, а ученицы не бездельничают. Когда я зову или за чем-то посылаю Авиенду, она бежит бегом, даже если мне понадобится всего лишь шпилька. Не худо бы тебе ей подражать.

Вспыхнув, Эгвейн попыталась придать голосу побольше покорности:

– Я постараюсь, Бэйр.

Впервые Хранительница в присутствии обеих учениц сравнивала их рвение и отношение к поручениям. Эгвейн исподтишка покосилась на Авиенду и удивилась задумчивому виду подруги. Иногда девушке хотелось, чтобы ее почти сестра не всегда являлась для нее столь выдающимся примером.

– Девушка либо научится, Бэйр, либо нет, – недовольно произнесла Мелэйн. – Наставлениями займешься потом, если она не станет пошустрей. – Старше Авиенды лет на десять-двенадцать, не больше, она обычно говорила таким тоном, будто ей под юбку репей забился. А может, сейчас Мелэйн ненароком села на острый камешек. Если и села, то с места не сдвинется; скорей станет дожидаться, когда сам камень в сторону отодвинется. – Повторяю тебе, Морейн Седай: Айил следуют за Тем-Кто-Приходит-с-Рассветом, а не за Белой Башней.

Очевидно, Эгвейн не возбранялось знать, о чем беседовали Хранительницы и Морейн, поскольку те продолжали разговор.

– Может статься, – ровным голосом заметила Эмис, – когда-нибудь Айил вновь станут служить Айз Седай, но это время, Морейн Седай, еще не пришло. – Она на миг остановила руку со стайра и спокойно взглянула на Айз Седай.

Эгвейн понимала: это время наступит, раз Морейн известно, что кое-кто из Хранительниц Мудрости способен направлять Силу. Айз Седай отправятся в Пустыню искать девушек, которых можно обучить, и почти наверняка постараются забрать с собой в Башню и любую Хранительницу, проявившую хоть искру этого дара. Когда-то девушку тревожили мысли о том, как Айз Седай подчиняют Хранительниц своему влиянию, нагоняют на них страху, отрывают их от всего, что для них дорого. Ведь Айз Седай никогда не позволяли женщине, обладающей способностью направлять, долго избегать Башни. Теперь Эгвейн больше не волновалась за Хранительниц Мудрости, хотя тех, похоже, одолевали подобные тревоги. Судя по тому, как Эмис и Мелэйн каждодневно вели себя с Морейн, силой воли они под стать любой Айз Седай. А Бэйр могла бы и Суан Санчей заставить плясать под свою дудку, даром что Бэйр не способна направлять.

Кстати, самой волевой среди Хранительниц Мудрости слыла отнюдь не Бэйр. Подобная честь принадлежала женщине еще старше, звали ее Сорилея, она была из септа Джарра, из Чарин Айил. Хранительница Мудрости из холда Шенде способна направить куда меньше Силы, чем большинство послушниц, но вполне могла послать с поручением любую другую Хранительницу, точно та была гай'шайн. И те не смели ей перечить. Нет никакого резона горевать о том, как станут третировать бедных айилок.

– Вполне понятно, что вы хотите уберечь свои страны, – вступила в беседу Бэйр, – но Ранд ал'Тор намерен повести нас вовсе не для кары. Ни с кем, кто покорится Тому-Кто-Приходит-с-Рассветом, кто подчинится Айил, не случится ничего дурного.

Вот, значит, в чем дело. Ну конечно.

– Меня заботит не только спасение человеческих жизней и судьбы стран. – Морейн царственным жестом одним пальцем смахнула со лба пот, но голос ее был почти таким же напряженным, как и у Мелэйн. – Если вы допустите это, разразится катастрофа. После стольких лет подготовки планы близки к осуществлению, а он вот-вот сам все разрушит.

– Планы Белой Башни, – заметила Эмис так спокойно, будто соглашалась. – К нам эти планы не имеют никакого отношения. И мы, и другие Хранительницы должны думать о том, что нужно Айил. Мы позаботимся, чтобы Айил делали то, что в интересах Айил.

У Эгвейн мелькнула мысль, что сказали бы на эти слова клановые вожди. Конечно, они частенько сетовали, что Хранительницы встречаются не в свое дело, и такие речи, наверное, не станут для них неожиданностью. Вожди казались людьми умными, волевыми, но Эгвейн считала, что против объединенного напора Хранительниц у них столько же шансов, как в ее родных краях у Совета деревни против Круга женщин.

Хотя в этот раз права была Морейн.

– Если Ранд... – начала было Эгвейн, но Бэйр заставила ее умолкнуть:

– Девочка, позже мы выслушаем, что ты хочешь сказать. Для нас важно твое знание Ранда ал’Тора, но, пока тебе не разрешат говорить, ты будешь молчать и слушать. И сотри с лица это угрюмое выражение, иначе я напою тебя отваром из голубой колючки.

Эгвейн поморщилась. Уважение Хранительниц к Айз Седай, пусть как к равным себе, не распространялось на ученицу, даже на ту, которая, по их мнению, *была* Айз Седай. Так или иначе, Эгвейн держала язык за зубами. С Бэйр станет послать ее за мешочком с травами и велеть самой заварить этот до невероятности горький настой. Иного назначения, кроме как излечивать угрюмость или еще что-нибудь, что Хранительницы сочтут подлежащим исправлению, у голубой колючки не было. Настой действовал безотказно одним лишь своим вкусом. Авиенда успокаивающе погладила подругу по руке.

– Ты полагаешь, для самих Айил такой поворот не обернется катастрофой? – Должно быть, непросто говорить холодным, как ручей зимой, тоном, когда сидишь в жарком влажном пару и с головы до пят блестяшь от пота, но для Морейн подобная задача, видимо, не составляла труда. – Тогда повсюду разразится Айильская война. Как и раньше, вы начнете убивать, жечь и грабить деревни и городки, пока против вас не обратится все население.

– Пятая часть – положенная доля, Айз Седай, – заметила Мелэйн, отбрасывая за спину свои длинные волосы, а потом принялась водить своим стайра по гладкому плечу. Даже отяжелев и повлажнев от пара, ее волосы блестели, точно шелк. – Большого мы не взяли даже у древоубийц. – Ее взгляд был выразителен и многозначителен: Хранительницы знали, что Морейн родом из Кайриэна. – Ваши короли и королевы взывают столько же в виде налогов.

– А когда все страны и государства ополчатся против вас? – упорствовала Морейн. – В Айильскую войну они, объединившись, поворотили вас вспять. Так может случиться, и наверняка случится вновь, только с обеих сторон неизбежны многие и многие смерти.

– Смерти, Айз Седай, никто из нас не боится, – заявила Эмис с ласковой улыбкой, будто объясняя ребенку прописную истину. – Жизнь есть сон, от которого всем нам суждено очнуться, прежде чем мы вновь погрузимся в грезы. Кроме того, Драконову Стену пересекли под предводительством Джандуина лишь четыре клана. Здесь уже шесть, а ты сама говоришь, что Ранд ал’Тор намерен собрать все кланы.

– Пророчество Руидина гласит, что он расколлет нас. – В зеленых глазах Мелэйн вспыхнул огонек – либо из-за настойчивости Морейн, либо потому, что она отнюдь не была такой бестрепетной, как казалось. – Какая разница, исполнится предсказанное здесь или по ту сторону Драконовой Стены?

– Вы лишите его поддержки всех народов к западу от Драконовой Стены, – сказала Морейн. Вид у нее был, как всегда, невозмутимый, но, судя по голосу, она готова была грызть камни. – А ему нужна такая поддержка!

– Его поддерживает народ Айил, – заявила Бэйр тем же хрупким, но неуступчивым голосом. Свои слова она подкрепила энергичными взмахами тонкого металлического клинка. – Клань никогда не были государством, но теперь он сплотил нас воедино.

– Переубедить его мы не станем и помогать в этом тебе, Морейн Седай, тоже не будем, – не менее твердо добавила Эмис.

– Теперь, Айз Седай, если тебе угодно, можешь оставить нас, – сказала Бэйр. – Что ты хотела, мы обсудили. Больше на эту тему мы сегодня говорить не будем. – Сказано было вежливо, но отказ прозвучал решительно и недвусмысленно.

– Я оставляю вас, – ответила Морейн, вся – воплощение спокойствия. Говорила она так, словно это было ее предложение, ее решение. Она уже привыкла к тому, что Хранительницы ясно дают понять: они Башне нисколько не подчинены. – У меня еще есть дела.

Вот это наверняка во многом правда. И весьма вероятно, дела эти касаются Ранда. Спрашивать Эгвейн не стала; если Морейн понадобится, она сама скажет Эгвейн все, что сочтет нужным, а если нет... Тогда Айз Седай все равно вывернется, так и не солгав, но вряд ли скажет что-нибудь существенное, а то и прямо заявит, что Эгвейн это не касается. Морейн знала, что имя «Эгвейн Седай из Зеленой Айя», мягко говоря, не соответствует истине. На людях подобный обман она терпела, но в остальном не упускала случая поставить Эгвейн на место – когда ей требовалось.

Когда Морейн, впусив порыв холодного воздуха, удалилась, Эмис сказала:

– Авиенда, налей чая.

Молодая айилка вздрогнула, дважды открыла рот и наконец вымолвила:

– Его еще заварить надо.

И тотчас на четвереньках поспешила из палатки. От второго холодного порыва пару явно поуменьшилось.

Хранительницы переглянулись, удивленные не меньше самой Авиенды. Да и Эгвейн изумилась: Авиенда умело справлялась с большей частью обременительной домашней работы, пусть и не всегда с изяществом. Должно быть, что-то ее очень тревожит, коли она забыла о такой мелочи, как чай. Чай Хранительницы хотели всегда.

– Подбавь пара, девочка, – велела Мелэйн.

Эгвейн сообразила: это относится к ней, ведь Авиенда-то ушла. Торопливо плеснув воду, она направила Силу, нагревая и камни, и котел, пока не услышала треск и не ощутила жар, исходящий от котла, точно от топки. Айильцы, может, и привыкли в чем мать родила сигать на мороз чуть ли не из печки, но ей это в новинку. Заполняя палатку, за клубились плотные жаркие облака. Эмис одобрительно кивнула; они с Мелэйн, верно, заметили окружившее девушку сияние саидар, хотя сама Эгвейн его не видела. Мелэйн же продолжала скрести себя стайра.

Отпустив Истинный Источник, Эгвейн уселась на место и, наклонившись к Бэйр, прошептала:

– Авиенда сделала что-то не так?

Она не знала, как отнеслась бы к ее вопросу Авиенда, но не хотела ничем смущать подругу.

Бэйр не испытывала подобных сомнений или угрызений совести.

– Ты про порку? – осведомилась она обычным голосом. – Она пришла ко мне и заявила, что сегодня дважды соврала. Правда, кому и о чем, так и не сказала. Разумеется, это ее дело – до тех пор, пока она не лжет Хранительницам Мудрости. Но она твердила, что ее честь требует, чтобы тох ее был оплачен.

– Она *просила*... – несказанно изумилась Эгвейн, не в силах договорить.

Бэйр кивнула, словно такая просьба – нечто совершенно обыденное.

– Я немножко добавила ей от себя – за то, что она меня побеспокоила. Если тут замешан *джи*, она не должна была обращаться ко мне. Весьма вероятно, что ее так называемая ложь

– нечто такое, о чем беспокоятся лишь Фар Дарайз Май. Девы, особенно бывшие, порой так суетливы! Совсем как мужчины.

Эмис кинула на Бэйр взгляд, заметный даже в густом пару. Как и Авиенда, Эмис, прежде чем стать Хранительницей, принадлежала к Фар Дарайз Май.

Как казалось Эгвейн, она еще не встречала айильца, который не относился бы нервно к джи'и'тох. Но такое! Похоже, все айильцы с приветом.

Сама Бэйр, похоже, совершенно выбросила из головы случившееся с Авиендой.

– В Трехкратной земле потерянных ныне много больше обычного. Столько я и не припомню, – заявила она всем в палатке. Потерянными айильцы называли Лудильщиков, Туата'ан.

– Они бегут от бед, которые гонят их за Драконову Стену. – В голосе Мелэйн ясно слышалось презрение.

– Я слышала, – медленно произнесла Эмис, – что кое-кто из убежавших после откровения прибил к потерянным. Они попросили принять их.

Повисло долгое молчание. Теперь все они знали, что у них с Туата'ан одни предки, что их пути разошлись еще до того, как Айил пересекли Хребет Мира и явились в Пустыню, но это знание только углубило неприязнь.

– Он несет перемены, – хрипло прошептала скрытая клубами пара Мелэйн.

– Мне казалось, вы примирились с переменами, которые он несет, – сказала Эгвейн с искренним сочувствием в голосе. Должно быть, тяжело осознавать, что вся твоя жизнь перевернулась в один миг. Девушка готова была услышать распоряжение прекратить болтать, но ей не велели попридержаться язык.

– Примирились. – Бэйр будто пробовала слово на вкус. – Вернее сказать, мы вытерпим перемены, насколько сможем.

– Он преобразует все. – Голос Эмис звучал озабоченно. – Руидин... Потерянные... Откровение... Предано огласке то, что нельзя было разглашать...

Хранительницам – да, пожалуй, и всем айильцам – по-прежнему трудно было говорить на эту тему.

– Девы теснятся вокруг него, будто обязаны ему больше, чем своим кланам, – добавила Бэйр. – Впервые мужчину впустили под кров Дев!

Эмис собралась что-то сказать, но промолчала. Что бы ей ни было известно о делах Фар Дарайз Май, бывшая Дева не поделилась все же своими знаниями с теми, кто никогда не принадлежал к Девам Копья.

– Вожди больше не прислушиваются к нашим словам, как раньше, – проворчала Мелэйн. – О, они спрашивают у нас советов, как всегда, они не круглые дураки. Но Бэйл больше не говорит мне, что он сказал Ранду ал'Тору или что Ранд ал'Тор сказал ему. Говорит, я должна спросить у Ранда ал'Тора, а тот велит спрашивать у Бэйла. С Кар'а'карном я ничего не могу поделаться, но Бэйл... Он всегда был упрямым, просто до бешенства доводил, теперь же перешел все грани... Иногда мне хочется палкой вбить его дурь обратно в башку.

Эмис с Бэйр хихикнули, словно над удачной шуткой. Или им просто хотелось рассмеяться, чтобы хоть на время забыть о переменах.

– С таким мужчиной остается только три выхода, – со смешком произнесла Бэйр. – Держаться от него подальше, убить его или выйти за него замуж.

Мелэйн словно одеревенела, загорелое лицо покраснело. Эгвейн вдруг показалось, что золотоволосая Хранительница даст волю горячим, зло жалищим словам. И тут порыв кусачего холода возвестил о возвращении Авиенды – она принесла чеканный серебряный поднос, на котором красовались желтый глазурованный чайник, изящные чашечки из золотистого фарфора Морского народа и каменный кувшинчик с медом.

Разливая чай, девушка дрожала – выйдя из палатки, она не позаботилась что-нибудь на себя накинуть. Потом она торопливо раздала чашечки и обнесла Хранительниц медом. Разумеется, себе и Эгвейн Авиенда налила чая, лишь дождавшись позволения Эмис.

– Поддай пару, – распорядилась Мелэйн. Ее гнев будто охладило морозным воздухом.

Так и не пригубив, Авиенда поставила чашечку и поспешно схватилась за долбленную тыкву, явно стараясь загладить свое упущение с чаем.

– Эгвейн, – сказала Эмис, прихлебывая чай, – как Ранд ал’Тор отнесется к тому, что Авиенда попросится спать в его опочивальне?

Авиенда так и застыла с долбленной тыквой в руках.

– В его?.. – Эгвейн чуть дара речи не лишилась. – Вы не можете требовать от нее такого! Не можете!

– Вот глупая девчонка, – проворчала Бэйр. – Мы же не требуем от нее разделить с ним одеяла. Но не решит ли он, что именно этого она просит? Да и позволит ли? Вообще-то, мужчины – странные существа, а Ранд ал’Тор вырос не среди нас, поэтому он еще непонятней.

– Наверняка ему ничего такого и в голову не придет, – затараторила Эгвейн. Потом заговорила медленно: – По-моему, он об этом и не подумает. Но ведь это неприлично. Просто неприлично!

– Я прошу, чтобы вы не требовали от меня этого, – с покорностью произнесла Авиенда, так смиренно, что Эгвейн не поверила своим ушам. Нервным движением Авиенда брызнула водой – с шипением взлетели густеющие облака пара. – За последние дни я научилась многому, отдав учебе все то время, которое не обязана была проводить с ним. С тех пор как вы позволили Эгвейн и Морейн Седай помогать мне направлять, я обучаюсь даже быстрее. Не то чтобы они наставляли меня лучше вас, нет, – поспешно добавила девушка, – но я хочу научиться еще очень многому.

– Ты будешь учиться по-прежнему, – заявила Мелэйн. – Тебе незачем проводить с ним каждый час. Если будешь стараться как следует, в занятиях отказа не будет. Тогда вряд ли ты что упустишь. Но пока ты спишь, обучение стоит на месте.

– Я не могу, – промямлила Авиенда, опустив голову к тыкве с водой. Потом громче и решительней добавила: – И не буду. – Она вскинула голову, глаза полыхали голубовато-зеленым огнем. – Меня не будет там, когда он снова позовет к своим одеялам эту вертихвостку Изендре!

Эгвейн вытаращила глаза на подругу.

– Изендре! – Эгвейн видела – и крайне неодобрительно отнеслась к увиденному, – какому позорному наказанию подвергли ту Девы. Заставить ходить голой! Но услышать такое!.. – Не хочешь же ты сказать, будто он...

– Молчать! – точно кнутом, ожгла девушек своим окриком Бэйр. Тяжелый взор ее голубых глаз раздробил бы и камень. – Заткнитесь! Вы обе молоды, но даже Девам впору знать, что мужчины совершают глупости, особенно когда они не привязаны к женщине, способной направить их на верный путь.

– Я рада, – сухо заметила Эмис. – Вижу, ты больше не сдерживаешь своих чувств, Авиенда. Когда дело доходит до этого, Девы оказываются ничуть не умнее мужчин. Я сама хорошо все помню, и прошлое до сих пор смущает меня. Если выплескивать свои эмоции, это на время омрачает разум, лишает возможности судить здраво, но если постоянно зажимать их, не давать чувствам выхода, всегда будешь видеть все как в тумане. Надо просто не давать воли гневу и ярости излишне часто и знать, когда их лучше сдерживать.

Мелэйн подалась вперед, опершись на руки, – казалось, капельки пота, стекавшие с лица, вот-вот чуть ли не в горячий котел начнут падать.

– Тебе известна твоя судьба, Авиенда. Ты станешь Хранительницей Мудрости великой силы и огромной власти. В тебе уже сейчас немалая сила. Благодаря ей ты прошла первую проверку, она поможет тебе пройти и через это.

– Моя честь... – хрипло вымолвила Авиенда и сглотнула, не в силах продолжить. Девушка сгорбилась, съежилась, судорожно прижимая к себе долбленную тыкву, будто в ней хранилась честь, которую она хотела уберечь и защитить.

– Узору неведом джи'и'тох, – сказала Бэйр; если в ее голосе и было сочувствие, то очень слабое. – Узору понятно только то, что должно быть, и то, что будет. Мужчины и Девы борются с судьбой, даже когда ясно: Узор сплетается, невзирая на их борьбу, но ты больше не Фар Дарайз Май. Ты должна научиться овладевать судьбой. Только поддавшись Узору, ты обретешь возможность управлять собственной жизнью. Если бороться, сопротивляться, Узор все равно тебя заставит, вынудит, и ты найдешь несчастья и страдания, вместо того чтобы обрести блаженство и радость.

Эгвейн подобные речи очень и очень напоминали то, чему ее учили в отношении Единой Силы. Чтобы контролировать поток саидар, вначале нужно уступить ему. Начнешь сопротивляться – и Сила обрушится на тебя, а то и сокрушит своим буйным напором; уступи и направляй легонько, деликатно, и она сделает так, как ты хочешь. Но это не объясняло, почему Хранительницы добиваются от Авиенды исполнения своего требования. Поэтому Эгвейн так ничего и не спросила, лишь повторила:

– Это неприлично.

Не ответив ей, Эмис спросила:

– Ранд ал'Тор откажет ей? Принуждать его мы не можем.

Бэйр и Мелэйн смотрели на Эгвейн так же пристально, как и Эмис.

Они не собирались ничего объяснять. Проще камень разговорить, чем вытянуть что-нибудь из Хранительницы вопреки ее воле. Авиенда, пребывавшая в угрюмой покорности, рассматривала пальцы своих ног. Она знала: так или иначе Хранительницы Мудрости своего непременно добьются.

– Я не знаю, – медленно ответила Эгвейн. – Так хорошо, как раньше, я его уже не знаю. – Она сожалела об этом, но так много чего произошло – и с ним, и с ней. Даже не считая того, что девушка поняла: Ранда она любит не больше, чем брата. Обучение, как в Башне, так и здесь, многое изменило – как и Ранда изменило осознание того, кем он стал. – Если найдете вескую причину, может, он и не станет возражать. По-моему, Авиенда ему нравится.

Молодая айилка, не поднимая головы, испустила тяжелый вздох.

– Веская причина, – хмыкнула Бэйр. – Когда я была девочкой, любой мужчина от радости бы горным козлом скакал, если бы молодая женщина выказывала к нему такой интерес. Он бы сам отправился собирать цветы для ее свадебного венка. – (Авиенда вздрогнула и обвела Хранительниц Мудрости взглядом, в котором вспыхнуло что-то от ее прежнего характера.) – Хорошо, подыщем причину, которую сочтет веской даже тот, кто вырос в мокрых землях.

– Несколько ночей назад ты договорилась о встрече в *Тел'аран'риоде*, – сказала Эмис. – На сей раз с Найнив.

– А вот эта многому научится, – вставила Бэйр, – если упрямиться перестанет.

– А до того ночи у тебя свободны, – произнесла Мелэйн. – Если, конечно, ты не проникаешь в *Тел'аран'риод* без нас.

Эгвейн подозревала, к чему они клонят.

– Конечно нет! – уверила она Хранительниц. Тогда ведь она только попробовала. Вот еще чуточку – и они бы точно узнали.

– Тебе удавалось отыскать сны Найнив или Илэйн? – спросила Эмис – небрежно, как о пустяке.

– Нет, Эмис.

Отыскать сон другого человека – задача много сложнее, чем просто вступить в Тел’аран’риод, Мир снов, особенно если этот человек вдалеке от тебя. Чем ближе он находится и чем лучше ты его знаешь, тем легче добиться цели. Хранительницы Мудрости по-прежнему требовали, чтобы Эгвейн не вступала в Тел’аран’риод без сопровождения хотя бы одной из них, но чей-то чужой сон мог оказаться по-своему не менее опасен. В Тел’аран’риоде Эгвейн в значительной степени контролировала и себя, и окружающее – если только не вмешивалась Хранительница. Хотя раз от разу Эгвейн действовала в Тел’аран’риоде все лучше и лучше, ее умение не шло ни в какое сравнение с многолетним опытом Хранительниц. Но, оказавшись в чужом сне, сам становишься его частью; требуются все силы и умение, чтобы не подчиниться чужой воле, не стать в этих видениях таким, каким тебя хочет увидеть во сне этот человек. Да и тогда кое-что порой не срабатывало. Даже Хранительницы крайне осторожно наблюдали за снами Ранда, никогда не уходя в них полностью. И тем не менее Хранительницы настаивали, чтобы Эгвейн продолжала учиться. Раз они решили обучать ее хождению по снам, от намерения обучить всему, что знают сами, не отступятся.

Нельзя сказать, чтобы Эгвейн испытывала нежелание, скорее – какую-то робость. Несколько уроков, когда Хранительницы Мудрости позволили ей действовать самостоятельно, стали для нее потрясением и несколько отрезвили. Над своими снами Хранительницы властвовали вполне, поэтому все, что случалось там, происходило согласно их воле и желанию. Как они заявили – дабы продемонстрировать Эгвейн возможные опасности. Но один раз ей разрешили войти в сон Руарка – и Эгвейн была ошеломлена, узнав, что для вождя она лишь чуть старше ребенка, совсем как его младшие дочери. На миг Эгвейн ослабила контроль – и миг этот оказался роковым. Она тотчас же стала сущим ребенком. При каждом взгляде на Руарка Эгвейн не могла не вспомнить, как ей дали куклу, чтобы она получше ее рассмотрела. И как она радовалась и самому подарку, и одобрительным взорам Руарка. От счастливой беззаботной игры с куклой Эгвейн оторвала лишь явившаяся Эмис. Плохо уже то, что об этом случае известно Эмис, но Эгвейн подозревала, что кое-какие воспоминания о том сне сохранились и у Руарка.

– Ты должна стараться, – сказала Эмис. – Пытайся, ведь у тебя достаточно сил, чтобы дотянуться до них, хоть они и далеко. И не случится ничего плохого, если ты узнаешь, какой им представляешься.

В последнем сама Эгвейн вовсе не была уверена. С Илэйн все ясно, она подруга, но Найнив... Чуть ли не всю сознательную жизнь Найнив была для Эгвейн Мудрой Эмондова Луга. Девушка подозревала, что для нее сны Найнив окажутся похуже Руарковых.

– Сегодня я буду спать в стороне от палаток, – продолжала Эмис. – Недалеко. Если постараться, легко отыщешь меня. Если я не увижу тебя во сне, утром мы об этом поговорим.

Эгвейн подавила готовый вырваться стон. К снам Руарка ее сопровождала Эмис; сама Хранительница задержалась в них только на мгновение, которого едва хватило, чтобы обнаружилось: Руарк по-прежнему видит ее ничуть не изменившейся – молодой женщиной, на которой женился. Кроме того, раньше, когда Эгвейн пыталась проникнуть в сон Хранительницы, та всегда оставалась в палатке вместе с ней.

– Хорошо, – заключила Бэйр, потирая руки, – мы услышали все, что следовало. Если желаете, можете оставаться, но я вроде уже чистая. Отправлюсь-ка я к своим одеялам. Я не так молода, как вы.

Молода или нет, она любую из них, возмись они бегать наперегонки, загонит до полусмерти, а потом еще и сама обратно принесет.

Едва Бэйр встала, как заговорила Мелэйн, и – что очень не похоже на нее – заговорила нерешительно:

– Мне нужно... Мне нужно попросить тебя о помощи, Бэйр. И тебя, Эмис. – Старшая женщина вновь села, обе беловолосые Хранительницы выжидающе смотрели на Мелэйн. – Я...

я бы хотела, чтобы вы от моего имени поговорили с Дориндой. – Последние слова вылетели у нее на одном дыхании.

Эмис широко улыбнулась, а Бэйр громко захихикала. Авиенда, по-видимому тоже поняв, в чем дело, поразилась, Эгвейн же терялась в догадках.

Потом Бэйр громко расхохоталась:

– Ты всегда заявляла, что муж тебе ни к чему и никого не желала в мужья. Я же схоронила троих и не прочь обзавестись еще одним. Холодными ночами они просто незаменимы.

– Женщина может переменить свое мнение. – Голос Мелэйн, хоть и достаточно твердый, никак не соответствовал густому румянцу, выступившему на ее щеках. – Я не могу держаться подальше от Бэйла и убить его не могу. Если Доринда согласится принять меня сестрой-женой, я сплету свой свадебный венок и положу его к ногам Бэйла.

– А если он не поднимет венок и наступит на него? – с нескрываемым интересом допытывалась Бэйр.

От смеха Эмис повалилась на спину, хохоча и хлопая ладонями по бедрам.

Насколько Эгвейн знала айильские обычаи, такой исход был весьма маловероятен. Коли Доринда решит, что Мелэйн подходит ей в качестве сестры-жены, Бэйлу в этом деле мало что останется сказать. Вообще-то, Эгвейн больше не шокировало, что у мужчины может быть две жены. Ну, не совсем так. «Разные страны – разные обычаи», – твердо напоминала себе девушка. Ей не хватало духу заставить себя спросить, но из того, что она знала, выходило, что у некоторых айильских женщин двое мужей. Нет, все-таки айильцы – очень странный народ.

– Я прошу вас об этом как своих первых сестер. И мне кажется, я нравлюсь Доринде.

Едва Мелэйн произнесла эти слова, шумное веселье двух других Хранительниц слегка улеглось. Они продолжали смеяться, но теперь обнимали подругу, говорили, что рады исполнить просьбу и что ей будет хорошо с Бэйлом. Эмис и Бэйр вели себя так, словно Доринда уже дала согласие. Три Хранительницы и ушли вместе под ручку, хихикая, будто девчонки. Правда, не забыв напомнить Эгвейн и Авиенде прибраться в палатке.

– Эгвейн, а женщины твоей страны могут принять сестру-жену? – спросила Авиенда, палкой откидывая клапан с дымоходного отверстия.

Эгвейн захотелось, чтобы дымоход Авиенда оставила напоследок – тепло сразу начало улетучиваться.

– Не знаю, – сказала она, быстро собирая чашечки и кувшинчик с медом; стайра тоже отправились на поднос. – По-моему, нет. Может, если они близкие подруги... – поспешно добавила она; незачем показывать, что ей не очень по нутру айильские обычаи.

Авиенда хмыкнула и принялась откидывать боковые клапаны.

Эгвейн выскочила из палатки – зубы у нее стучали, вторя дребезжанию чашечек и бронзовых стайра на подносе. Хранительницы Мудрости неторопливо одевались, словно стояла приятная теплая ночь и они находились в спальнях в каком-нибудь холде. Облаченная в белое фигура, бледная в свете луны, забрала у Эгвейн поднос, и девушка принялась высматривать свои плащ и туфли. На земле среди оставшейся одежды она их что-то не видела.

– Я распорядилась, чтобы твои вещи отнесли к тебе в палатку, – промолвила Бэйр, завязывая шнурки своей блузы. – Они тебе пока не нужны.

У Эгвейн все внутри в пятки ухнуло. Она принялась подпрыгивать, хлопая себя руками в тщетной попытке согреться – ладно хоть Хранительницы не велели ей стоять смирно. Вдруг до нее дошло, что снежно-белая фигура, уносившая поднос, слишком высока даже для айильской женщины. Заскрежетав зубами, она покосилась на Хранительниц, которым будто и дела не было, замерзнет она до смерти, прыгая на месте, или нет. Может, айилкам и все равно, что мужчина видит их голышом, по крайней мере, если он гай'шайн, но Эгвейн-то не все равно!

Из палатки вышла Авиенда и, увидев подпрыгивающую Эгвейн, стояла, не делая никаких попыток отыскать свою одежду. Холод будто не действовал на нее, как и на Хранительниц.

– Итак, – заметила Бэйр, поправляя на плечах шаль, – ты, Авиенда, не только упряма, как мужчина. Ты даже не в состоянии удержать в памяти простейшего задания, какое исполняла десятки раз. Ты, Эгвейн, упряма не меньше и по-прежнему считаешь, будто можешь копать в своей палатке, когда тебя зовут. Надеемся, пятьдесят кругов бега вокруг лагеря поумерят ваше упрямство, прояснят ваши головы и напомнят, как нужно откликаться на зов и как положено выполнять порученную работу. Вперед.

Без единого слова, не медля ни секунды, Авиенда сорвалась с места и вприпрыжку побежала к краю лагеря, ловко уворачиваясь от еле видимых в сумраке палаточных растяжек. Эгвейн замешкалась лишь на мгновение и устремилась следом за подругой. Айилка бежала не очень широким шагом, и девушка нагнала ее. Ночной воздух кусал Эгвейн морозом, не менее холодна была потрескавшаяся глина под ногами, а камешки так и норовили угодить между пальцами и вдобавок больно царапались. Авиенда же бежала легко, без усилий.

Когда девушки добрались до последней палатки и повернули на юг, Авиенда сказала:

– Знаешь, почему я занимаюсь так усердно? – Ни холод, ни бег не сказывались на ее ровном голосе.

Эгвейн так дрожала, что едва могла говорить:

– Нет. А почему?

– Потому что Бэйр и остальные все время показывают на тебя и твердят, как легко учишься ты, что тебе ничего не приходится объяснять дважды. Говорят, что я должна равняться на тебя. – Она покосилась на Эгвейн, и та поймала себя на том, что хихикает вместе с подругой. – Это лишь отчасти. Другая причина – что я учусь делать... – Авиенда покачала головой, даже в лунном свете на лице ее явственно читалось изумление. – И сама Сила. Раньше никогда так себя не чувствовала. Такой живой! Я чувствую тончайший запах, ощущаю легчайший ток воздуха!

– Опасно делать это очень часто или подолгу, – заметила Эгвейн. Бег немного согрел ее, хотя то и дело на нее нападала дрожь. – Я тебе уже говорила об этом, да и Хранительницы, уверена, повторяли не раз.

Авиенда только хмыкнула:

– По-твоему, я могла бы себе ногу копьём поранить?

Некоторое время девушки бежали молча.

– А Ранд вправду?... – наконец спросила Эгвейн. Ей трудно было говорить, но не холод тому причина – она опять начала потеть. – Я про... Изендре... – Заставить себя выразиться яснее она не сумела.

Наконец Авиенда медленно произнесла:

– По-моему, он ничего такого не сделал. – Голос у нее был сердитый. – Но если она его не интересуется, отчего ей все порки нипочем? Она ведь неженка-мокроземка, из тех, что ждут, когда мужчины сами к ним придут. Я видела, как он на нее глазел, хоть и пытался это делать незаметно. Ему нравилось смотреть на нее.

Эгвейн не знала, не считает ли подруга и ее неженкой-мокроземкой. Наверное, нет, иначе они бы не сдружились. Но Авиенда никогда не беспокоилась о том, не обижают ли кого-то ее слова, и, наверное, этому не научится. Пожалуй, она удивится, узнав, что Эгвейн может обидеться.

– Девы ее так вырядили, – неохотно признала Эгвейн, – что на нее любой мужчина пялиться станет.

Вспомнив вдруг, что бежит без одежды на виду у всех, девушка запнулась и чуть не упала, тревожно оглянувшись. Насколько она могла судить, вокруг было безлюдно. Даже Хранительницы Мудрости вернулись в свои палатки. К теплу, под свои одеяла. Эгвейн взмокла от пота, но соленые капельки будто замерзали, едва появившись на коже.

– Он принадлежит Илэйн! – с жаром заявила Авиенда.

– Признаю, ваших обычаев досконально я не знаю, но наши не таковы, как у вас. С Илэйн он не помолвлен. – «С чего это я его защищаю? Его бы выпороть не мешало!» Но честность заставила девушку продолжить: – Даже у вас, айильцев, мужчина вправе сказать «нет», когда его спрашивают.

– Вы с Илэйн – почти сестры, как и мы с тобой, – возразила Авиенда, замедлив, а потом вновь ускорив бег. – Разве не ты попросила присматривать за ним ради нее? Разве ты не хочешь, чтобы он был с ней?

– Конечно хочу. Если он того желает. – Это было не совсем правдой, Эгвейн покривила душой. Она хотела, чтобы Илэйн была счастлива, насколько возможно; пусть любит Возрожденного Дракона. Эгвейн готова сделать все, чтобы Илэйн получила желаемое, разве что не станет связывать Ранда по рукам и ногам. Хотя, если понадобится... Возможно, и свяжет. Но согласиться с этим – другое дело. Айильские женщины готовы на многое, очень многое – заставить себя поступать, как они, Эгвейн вряд ли когда сможет. – Иначе было бы неправильно.

– Ранд принадлежит ей, – твердо заключила Авиенда.

Эгвейн вздохнула. Авиенда просто не желает понимать обычаев, отличных от ее собственных. Айилка до сих пор не отошла от потрясения, которое испытала, узнав, почему Илэйн не просит Ранда жениться на ней. У нее в голове не укладывалось, что с такой просьбой может обратиться мужчина.

– Уверена, завтра Хранительницы прислушаются к доводам здравого смысла. Не заставят же они тебя спать у мужчины в спальне, – сказала Эгвейн.

Авиенда посмотрела на подругу с нескрываемым удивлением. На мгновение ловкость изменила ей, и она ударилась пальцем босой ноги о кочку. Эта оплошность вызвала поток ругательств, к которым с интересом прислушались бы даже Кадировы возчики, а Бэйр потянулась бы за голубой колючкой, но бега девушка не прервала. Наконец последнее проклятие смолкло, и Авиенда сказала:

– Не понимаю, почему это тебя так огорчает? В набегах мне не раз доводилось спать рядом с мужчиной. В холодную ночь я не единожды и одеяла с ними делила, но тебя волнует, что я буду спать в десяти футах от Ранда. Это как-то связано с вашими обычаями? Я заметила, ты не моешься в парильне, если там мужчины. Ты не доверяешь Ранду ал'Тору? Или ты не доверяешь мне? – Под конец голос ее упал до огорченного шепота.

– Конечно я тебе доверяю! – с жаром возразила Эгвейн. – И ему. Просто это... – Она умолкла, не зная, что и как сказать дальше. Айильские представления о приличиях оказывались иногда куда строже тех, на которых воспитывали ее, но порой айильцы спокойно делали такое, от чего дома Круг женщин растерялся бы в недоумении: то ли всем в обморок хлопнуться, то ли хворостину покрепче схватить. – Авиенда, если тут как-то замешана твоя честь... – Эгвейн затронула чрезвычайно деликатную тему, чреватую обидой. – Наверняка, если ты объяснишь Хранительницам, они не заставят тебя поступать против твоей чести.

– Здесь нечего объяснять, – категорическим тоном заявила айилка.

– Знаю, я мало понимаю в джи'и'тох... – начала Эгвейн, и Авиенда рассмеялась:

– Айз Седай, ты утверждаешь, будто ничего не понимаешь. Однако все твои поступки доказывают, что ты живешь согласно ему. – Эгвейн сожалела, что в ее отношениях с Авиендой сохранялась толика лжи, – она насилу сумела уговорить айилку звать ее просто по имени, и все равно прежнее обращение нет-нет да и срывалось у Авиенды с языка. Но чтобы тайна оставалась тайной, раскрывать ее нельзя ни перед кем. – Ты – Айз Седай и в Силе настолько могущественна, что запросто одолеешь и Мелэйн, и Эмис, вместе взятых, – продолжала Авиенда. – Но ты сказала, что будешь повиноваться, а потому скребешь котлы, когда они велят, и бежишь, когда они приказывают. Может, ты и не знаешь джи'и'тох, но ты следуешь ему.

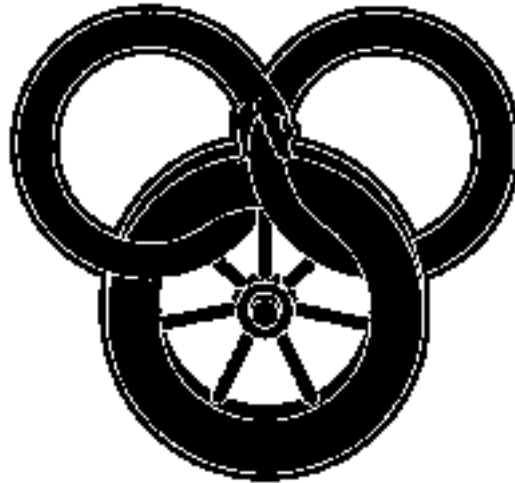
Разумеется, они говорят о совершенно разных вещах. Скрипя зубами, Эгвейн делала, что ей приказывали, потому что это единственный способ научиться хождению по снам. А

научиться она хотела, она страстно желала научиться всему, и даже большему – больше того, что могла вообразить. Но сама мысль, будто она способна жить согласно этому дурацкому джи'и'тох, просто-напросто глупа. Она делает то, что нужно, причем только когда это нужно ей.

Девушки приблизились к месту, откуда начали бег. Завершив круг, Эгвейн сказала:

– Это первый, – и умчалась во тьму.

Ее никто не видел, и никто, кроме Авиенды, не узнал бы, отправься она сразу в палатку. Авиенда, конечно, никому ничего не скажет, но Эгвейн и в голову не пришло остановиться раньше, чем пробежав пятьдесят кругов.

Глава 6

Переходы

Проснувшись в кромешной тьме, Ранд лежал под одеялами, пытаясь сообразить, что его разбудило. Ведь что-то его разбудило? Сон его тут ни при чем: он учил Авиенду плавать в пруду знакомого с детства двуреченского Мокрого леса. Что-то другое. Затем это нечто возникло вновь – точно слабое дуновение, зловонный миазм пробрался под дверь. Вообще-то, это вовсе и не запах. Полная несхожесть, инаковость – таким было это нечто по ощущению. Тухлятина, будто какая-то мертвечина с неделю лежала в стоячей воде. Оно вновь ослабло, но на этот раз не исчезло.

Отбросив в сторону одеяла, Ранд встал, обернувшись в саидин. Внутри пустоты, наполненной Силой, он чувствовал, как вздрагивает его тело, но холод, казалось, был где-то далеко-далеко. Ранд осторожно потянул на себя дверь, шагнул за порог. Сквозь арочные окна в концах коридора лились водопады лунного сияния. После черной как деготь темноты в спальне здесь было светло почти как днем. Ни малейшего движения, но он чувствовал, как... что-то... приближается. Что-то злое. По ощущениям оно напоминало порчу, что пятнала бушевавшую в нем Силу.

Рука нашарила в кармане куртки маленькую резную фигурку – толстячок с лежащим на коленях мечом. Это был ангриал; с ним юноша мог направлять столько Силы, сколько не сумел бы удержать под контролем без помощи со стороны. Ранд надеялся, что фигурка ему не пригодится. Кто бы ни затеял нападение, они не ведали, с кем теперь имеют дело. В противном случае они не позволили бы ему проснуться.

Мгновение юноша стоял в нерешительности. Что бы ни послали против него, Ранд готов принять бой, но враг пока не здесь, он внизу. Где, судя по тишине, по-прежнему спят Девы. Может, повезет, Ранд их и не разбудит, если только не затеет стычку там, где они спят. Тогда айилки, несомненно, проснутся, а стоять в стороне и смотреть они не станут – это ведь Девы! Лан говорил: «если можешь, выбирай место для боя сам и заставь врага прийти к тебе».

Ранд улыбнулся и затопал сапогами к ближайшей лестнице, что, изгибаясь, уходила вверх, потом, нарочито шумя, поднялся на последний этаж. Наверху был один громадный зал со слегка закругленным куполом и несколькими колоннами со спиральными каннелюрами. Сквозь лишенные стекол окна лился лунный свет, не оставляя тени даже уголка. На запыленном пылью и песком полу еще слабо виднелись следы сапог Ранда, оставленные им в прошлый приход сюда. Других отпечатков не было. Замечательно.

Широким шагом выйдя в центр зала, Ранд встал расставив ноги на выложенном мозаичной древнем символе Айз Седай, десяти футов в поперечнике. Подходящее место. «Под этим знаком он будет побеждать». Так гласило о нем пророчество Руидина. Он стоял на разделенном надвое волнистой линией круге – одна нога на черной перевернутой слезинке, которая ныне называлась Драконьим клыком и считалась символом всякого зла, другая – на белой капле, ныне именуемой Пламенем Тар Валона. Некоторые утверждали, что она символизирует собой Свет. Подходящая поза, чтобы встретить врага – стоя между Светом и мраком.

Ощущение мерзости усилилось, запах горелой серы наполнил воздух. Неожиданно началось какое-то движение. Точно крадучись, какие-то твари лунными тенями расползлись по залу. Тени медленно превратились в трех черных псов – темнее ночи и ростом с пони. Собаки, сверкая серебристыми глазами, настороженно обступали Ранда. Преисполненный Силой, он слышал, как бьются их сердца – точно глухой стук барабанов. Но дыхания собак Ранд не слышал; возможно, они и вовсе не дышали.

Он направил Силу, и в руках его возник меч. Слегка изогнутый клинок с клеймом в виде цапли казался выкованным из пламени. Ранд ожидал мурддраала или чего похуже, чем Безглазый, но для собак, даже для собак, порожденных Тенью, меча достаточно. Кто бы их ни послал, он не знал Ранда. Лан говорил, что юноша в своем владении мечом уже вплотную приблизился к уровню мастера клинка. Страж скуп на похвалу, поэтому Ранд подумывал, что, вполне вероятно, он уже перешагнул эту ступень.

Рыча – будто перемальвали в пыль сухие кости, – собаки с трех сторон кинулись на Ранда – быстрее, чем несущиеся галопом лошади.

Ранд не шелохнулся, пока псы не оказались совсем рядом; потом он плавно – слившись воедино с мечом – двинулся, словно в танце меняя одно за другим положение оружия. В мгновение ока стойка с мечом под названием «Вихрь на горе» превратился в «Дуновение ветра над стеной», а тот стал «Раскрывающимся веером». Огромные черные головы отлетели от черных тел. Капая слюной с по-прежнему оскаленных и блестящих, словно сталь, зубов, они запрыгали на полу. Ранд даже не переступил границ черно-белой мозаики, когда темные тела рухнули судорожно подергивающимися кровоточащими грудами.

Рассмеявшись, Ранд убрал меч, хотя и продолжал держаться за саидин, за бурлящую Силу, за ее сладость и порчу. Презрение скользнуло по кокону Пустоты. Собаки. Исчадия Тени, нет сомнений, но всего-навсего... Смех замер.

Мертвые тела псов и их головы медленно таяли, растекаясь лужицами жидкой тени. Черные пятна слегка подрагивали, будто живые. Разбрызганная по полу кровь дрожала. Вдруг мелкие капли вязкими струйками побежали по полу, слились с лужицами покрупнее, а те стекли с черно-белой мозаики; потом они начали разбухать, поднимаясь все выше, и вот перед Рандом опять три громадных черных пса – рычащие, роняющие из пасти слюну и уже подобранные под себя массивные задние лапы, изготовясь к прыжку.

Ранд не понимал, почему почувствовал удивление – смутное, за гранью пустоты. Собаки, да, но ведь исчадия Тени. Кто бы ни натравил их на него, они не были так беспечны, как полагал Ранд. Но они тем не менее не ведали, на что способен Ранд.

Вместо того чтобы вновь взяться за меч, Ранд направил Силу – он помнил, как делал это однажды, давным-давно. Взыв, огромные псы прыгнули, и толстый луч белого света сорвался с ладоней Ранда – точно расплавленная сталь, точно жидкий огонь. Ранд хлестнул лучом по

вытянувшимся в прыжке тварям; на миг они стали странными тенями – все цвета превратились в свою противоположность, а потом тени распались на искрящиеся пылинки, которые разлетелись в стороны, уменьшаясь и тая, превращаясь в ничто.

Ранд с мрачной улыбкой позволил созданному им лучу исчезнуть. Перед глазами у него все еще стояла багряная полоса.

Напротив Ранда, в дальнем конце обширного зала, на плиты пола обрушился кусок колонны. Там, где прошла полоса света – или что это было такое, – куски колонн исчезли, точно аккуратно срезанные чудовищным ножом. Позади колонн, вдоль стены, в половину ее ширины, зияла брешь.

– Тебя ни одна из них не укусила? Не обрызгало кровью?

Ранд резко повернулся на голос Морейн; поглощенный поединком, он не услышал, как она поднялась по лестнице. Айз Седай стояла, обеими руками вцепившись в юбку, и смотрела на него, лицо ее пряталось в лунных тенях. Наверняка она почувствовала этих тварей, как и он, но, чтобы добраться сюда так быстро, ей, вероятно, пришлось бежать.

– Девы пропустили тебя? Или ты стала Фар Дарайз Май, Морейн?

– Они даровали мне некоторые привилегии Хранительницы Мудрости, – торопливо объяснила она, в ее обычно мелодичном голосе прорезались нотки нетерпения. – Я сказала караульным, что мне необходимо срочно переговорить с тобой. А теперь отвечай мне! Гончие Тьмы тебя не укусили? На тебя их кровь не попала? Их слюна тебя не коснулась?

– Нет, – ответил он. Значит, гончие Тьмы. Ту малость, которую знал о них, Ранд почерпнул из древних сказаний – вроде тех, какими в южных краях пугали детей. Кое-кто из взрослых тоже верил этим преданиям. – А почему их укус тебя так волнует? Ты не можешь Исцелить его? Неужели это означает, что Темный освободился? – Заключенный в пустоту, Ранд даже свой страх воспринимал отстраненно.

В слышанных им сказаниях говорилось, что гончие Тьмы бегают ночами вместе с Дикой охотой, во главе которой сам Темный. Гончие не оставляют следов даже на свежевспаханной земле, только на камне, и они не остановятся, пока ты не встанешь против них и не победишь в схватке. Есть шанс уйти от них, если преградой между ними и тобой окажется текущая вода. Особенно опасны для встречи с гончими перекрестки дорог, а самое опасное время – сразу после заката и перед самым рассветом. К нынешнему дню Ранд уже навиделся обернувшихся явью древних сказаний и полагал, что еще одно вполне может оказаться правдой жизни.

– Нет, Ранд, вовсе не так. – Казалось, Морейн обрела свое обычное самообладание; голос вновь звенел серебристыми колокольчиками, холодными и спокойными. – Они просто еще один вид порождений Тени, которых нельзя было создавать. Однако укус их означает неминуемую смерть – все равно что кинжал в сердце. И думаю, вряд ли я успею Исцелить такую рану прежде, чем она убьет тебя. Их кровь, даже слюна – ядовиты. Попавшая на кожу капля может медленно убить, причиняя невыносимые муки. Тебе повезло, что их было всего три. Если, конечно, ты до моего появления не убил еще нескольких. Стая гончих обычно гораздо больше, собак десять-двенадцать. По крайней мере, так утверждают уцелевшие в Войне Тени манускрипты.

Стаи покрупнее. В Руидине Ранд был для кого-то из Отрекшихся не единственной целью...

– Мы должны поговорить о том, чем ты убил их, – начала Морейн, но Ранд уже бежал изо всех сил, игнорируя ее окрики, – она хотела знать, куда он направлялся и зачем.

Вниз по лестничным пролетам, по сумрачным коридорам, где сонные Девы, разбуженные топотом, испуганно смотрели ему вслед из освещенных луной комнат. Через главный вход, возле которого рядом с двумя женщинами-караульными стоял встревоженный Лан. На его плечи был накинут меняющий цвета плащ Стража, отчего Лан будто растворился в ночной темноте.

– Где Морейн? – окликнул он метнувшегося мимо него Ранда, но тот, не отвечая, устремился вниз, перепрыгивая по две ступеньки зараз.

Незажившая рана заныла, точно чьи-то беспощадные пальцы впились в бок. В коконе пустоты боль осознавалась смутно. Но Ранд уже добрался до нужного здания. Оно стояло на самом краю Руидина, далеко от центральной площади – как можно дальше от лагеря, где жили Морейн и Хранительницы Мудрости, но все же в пределах города. Верхние этажи обрушились кучами щебня, разлетевшимися по мостовой и растрескавшейся земле. Уцелели только два нижних этажа. Собрав всю свою волю, Ранд старался держаться прямо и не сгибаться от боли в боку. Он вбежал в дом.

Когда-то просторная передняя, окруженная каменным балконом, имела высокий потолок; теперь открытое ночному небу помещение казалось еще выше, бледный каменный пол был усеян битым камнем. Ниже балкона, под покровом лунных теней, три гончие Тьмы, встав на задние лапы, царапали и грызли обитую бронзой дверь. Та сотрясалась под ударами их лап и едва сдерживала чудовищный натиск. В воздухе сильно пахло сгоревшей серой.

Припомнив случившееся чуть раньше, Ранд, направляя Силу, отпрыгнул в сторону; луч коротко ударил жидким белым огнем мимо двери и уничтожил порождения Тени. На этот раз юноша постарался уменьшить луч, стремясь ограничиться уничтожением только гончих Тьмы, но в дальнем конце комнаты в толстой стене возникла темная дыра. Ранд надеялся, что она не сквозная, хотя в лунном свете трудно было сказать определенно. Нужно научиться лучше контролировать это оружие.

Расположенная бронзовая обшивка двери висела ключьями, будто клыки и когти гончих Тьмы и впрямь были стальными; через несколько мелких дырочек пробивался свет лампы. На плитах пола виднелись отпечатки когтей, но их было на удивление мало. Отпустив саидин, Ранд отыскал уголок поцелее, чтобы не порезать руку, и забарабанил кулаком по двери. Боль в боку стала по-настоящему сильной и явственной. Юноша глубоко вздохнул и попытался забыть о ней.

– Мэт? Это я, Ранд! Открывай, Мэт!

Вскоре дверь приоткрылась, в щелочку брызнул теплый свет лампы. Выглянул Мэт, на лице его было написано сомнение. Потом он распахнул дверь, тяжело привалившись к косяку, словно пробежал десяток миль с мешком камней на спине. Он был обнажен, на шее у него висел серебряный медальон – лисья голова. Глаз лиса был выполнен и наполовину зачернен в виде древнего символа Айз Седай. Зная отношение Мэта к Айз Седай, Ранд все удивлялся, почему тот давным-давно не продал эту вещицу. В глубине комнаты с невозмутимым видом заворачивалась в одеяло высокая золотоволосая женщина. Судя по лежащим у ее ног копытам и щиту, это была Дева.

Ранд поспешно отвел взор в сторону и громко прочистил горло.

– Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

– С нами все хорошо. – Мэт окинул переднюю тревожным взглядом. – Теперь хорошо. Ты убил их? Что там было? Впрочем, раз этого больше нет, я и знать не хочу, что это было. Вот ведь проклятье, человеку иногда трудно быть тебе другом!

Не только другом. Еще одним та'вереном и, вероятно, ключом к победе в Тармон Гай'дон. Кто бы ни замыслил нападение на Ранда, он имел причину нанести удар и по Мэту. Но Мэт всегда старался откреститься и от того, что он та'верен, и от своей роли в Последней битве.

– Их больше нет, Мэт. Это гончие Тьмы. Три их было.

– Я же сказал тебе: не хочу знать! – простонал Мэт. – Только гончих Тьмы мне еще не хватало! Можно сказать, около тебя все время что-то новенькое появляется. Да-а, с тобой не соскучишься, разве что вдруг помрешь. Если б я не встал вина хлебнуть, когда дверь открываться начала... – Передернувшись, он умолк и, почесывая алое пятно на правой руке, стал рассматривать разодранную металлическую обшивку. – Знаешь, какие забавные штуки с памя-

тью творятся! Готов поклясться: когда я изо всех сил держал дверь, чтоб не открылась, одна из них прогрызла дыру! Я ее проклятушую башку видел! И зубы! Ее даже копые Мелиндры не обескуражило, все лезла и лезла.

Появление Морейн на сей раз было более впечатляющим: она вбежала, высоко подхватив юбку, тяжело дыша и кипит от гнева. Следом за ней влетел Лан – в руке меч, на каменном лице гроза. А позади них улицу затопила толпа Фар Дарайз Май. Кое на ком из Дев из одежды были лишь короткие штаны, но у всех – копыя наготове, шуфа обмотана вокруг головы, черная вуаль скрывает лицо, глаза сверкают готовностью убивать. У Морейн с Ланом, по крайней мере с виду, будто гора с плеч свалилась, когда они увидели Ранда, спокойно беседующего с Мэтом, хотя Айз Седай, похоже, не прочь была высказать Ранду пару добрых слов. А что думают айилки, мешали определить эти их вуали.

В голос заверещав, Мэт кинулся в комнату и принялся торопливо натягивать штаны. Но как он ни суетился, ни прыгал, вышла заминка: надевая штаны, он еще и руку не переставая чесал. Золотоволосая Мелиндра наблюдала за ним с широкой ухмылкой, которая очень скоро грозила перейти в хохот.

– Что у тебя с рукой? – спросил Ранд.

– Говорю ж тебе, шуточки какие-то память выкидывает, – сказал Мэт, продолжая чесаться и одеваться. – Когда мне померещилось, что та тварюга дверь проела, она вроде как и руку мне обслонявила, а теперь там так чешется, точно огнем горит! Да и с виду на ожог похоже.

Ранд открыл было рот, но Морейн, отстранив его, решительно вошла в комнату. При виде нее Мэт повалился навзничь, лихорадочно натягивая штаны, но она, не обращая внимания на его протесты, опустилась на колени и сжала голову юноши ладонями. Ранд уже проходил через процедуру Исцеления, да и со стороны видел, как это делается, но, против всех его ожиданий, Мэт лишь вздрогнул, а потом за кожаный ремешок приподнял свой медальон. Тот, покачиваясь, свисал с ладони.

– С чего вдруг треклятая штуковина стала холоднее льда? – пробормотал он. – Что это ты сделала, Морейн? Если хочешь что-то сделать, так Исцели от этой чесотки, а то у меня уже вся рука чешется. – Правая рука Мэта покраснела от плеча до запястья и, похоже, начала отекать.

Морейн не сводила глаз с Мэта – такого крайнего изумления на ее лице Ранд никогда не видел.

– Да, я тебя Исцелю, – медленно произнесла она. – А если медальон холодный, сними его.

Мэт хмуро воззрился на Морейн, потом стащил через голову медальон и положил его рядом с собой. Морейн вновь обхватила его голову ладонями, Мэт завопил, будто его головой в сугроб окунули. Ноги у него одеревенели, спина выгнулась дугой; широко, до предела раскрытые глаза невидяще уставились в никуда. Наконец Морейн отняла руки, и Мэт тяжело обмяк, хватая ртом воздух. Краснота и отек исчезли. Заговорить Мэт сумел лишь с третьей попытки:

– Кровь и пепел! Что за гадство! Что, так каждый растреклятый раз должно быть? Проклятье, было-то всего ничего! Лишь чесалось!

– Не мели языком и думай, что при мне говоришь, – остерегла Мэта Морейн, поднимаясь. – Не то я отыщу Найнив и отдам тебя ей, пусть разбирается. – Но говорила она без всякого выражения. Можно было подумать, что она произносила эти слова во сне. Айз Седай старалась не смотреть на заинтриговавший ее медальон, который Мэт повесил обратно на шею. – Тебе нужно отдохнуть, – с отсутствующим видом сказала она. – Если захочешь, оставайся завтра в постели.

Дева в одеяле – Мелиндра? – опустилась на колени возле Мэта и положила руки ему на плечи, глядя на Морейн поверх его головы.

– Я прослежу, чтобы он сделал так, как вы сказали, Айз Седай. – Внезапно ухмыльнувшись, она взъерошила Мэту волосы. – Теперь этот маленький проказник – мой.

Судя по испуганному лицу Мэта, он собирался с силами, явно решив немедленно задать стрекача.

Ранд расслышал у себя за спиной приглушенные веселые смешки. У двери, заглядывая в комнату, столпились Девы, шуфы и вуали были опущены на плечи.

– Поучи его петь, сестра по копы, – сказала Аделин, и остальные Девы покатались со смеху.

Ранд с холодным лицом повернулся к ним:

– Дайте человеку отдохнуть. Кстати, одеться никому из вас не надо?

Они неохотно отступили, по-прежнему заглядывая в комнату. Потом оттуда вышла Морейн, и искромсанная дверь захлопнулась за ней.

– Оставьте нас, пожалуйста, – сказала Девам Айз Седай. Она покосилась на них, чуть раздраженно поджав губы. – Мне нужно поговорить с Рандом ал’Тором наедине.

Кивая, айилки направились к выходу, кое-кто подшучивал, станет ли Мелиндра учить Мэта петь. Хотелось бы знать, что они имеют в виду. И кстати, интересно, известно ли Мэту, что Мелиндра, по всей видимости, из Шайдо?

Ранд остановил Аделин, положив ладонь на ее обнаженную руку; заметившие его жест Девы тоже остановились, поэтому юноша обратился ко всем сразу:

– Если вы не идете, когда я вам говорю, что будет, если мне потребуется использовать вас в бою? – Такого намерения у него не было; если удастся, он постарается избежать этого. Ранд знал: они яростные и беспощадные бойцы, но его с детства учили – мужчина должен сделать все, даже умереть, но не допустить, чтобы погибла женщина. Пусть холодная логика подсказывает, что это глупое убеждение, особенно в отношении таких женщин, но против себя не попрешь. Однако он благоразумно не стал объяснять свои сомнения Девам. – Вы сочтете это шуткой или решите, что пойдете, когда вам захочется?

Они смотрели на него с неверием и ужасом – так внимают тому, кто обнаружил перед всеми глубочайшее невежество, незнание простейших фактов.

– В танце копий, – обращаясь к Ранду, произнесла Аделин, – мы пойдем туда, куда ты укажешь, но сейчас не время танца. Кроме того, ты не велел нам уходить.

– Даже Кар’а’карн – не король, как в мокрых землях, – прибавила седоволосая Дева.

Мускулистая и крепкая, несмотря на свои немалые годы, она щеголяла лишь в короткой сорочке и шуфе. Эта многократно слышанная фраза начала уже надоедать Ранду.

Уходя, Девы продолжали перебрасываться шутками. Наконец Ранд остался наедине с Морейн и Ланом. Страж только сейчас вложил меч в ножны и выглядел, как и всегда, расслабленным. Иными словами, лицо его, в лунном свете казавшееся вырубленным из цельного камня, опять стало неподвижным и спокойным, а в позе сквозила готовность взорваться в неожиданном движении, отчего все айильцы рядом с Ланом казались мирными котятками. Плетеная кожаная лента не давала упасть на лицо его длинным волосам, тронутым на висках седьмой. Взор у Стража был точно у голубоглазого ястреба.

– Мне нужно поговорить с тобой о... – начала Морейн.

– Лучше поговорим завтра, – перебил ее Ранд. Лицо Лана посуровело, если такое вообще возможно. В первую очередь Стражи оберегали своих Айз Седай как от посягательств на них самих, так и от нападков на их авторитет, о себе же Страж думал потом. Ранд не обратил внимания на напрягшегося Лана. Боль в боку рвала тело, но он ухитрился держаться прямо: нельзя показать Морейн свою слабость. – Если ты думаешь, что я помогу отобрать у Мэта ту лисью голову, то ошибаешься. – Каким-то образом медальон воспрепятствовал ей направить Силу. Или же не позволил Исцелению воздействовать на Мэта, пока тот касался серебряной вещицы. – Он дорого за нее заплатил, Морейн, и она принадлежит ему. – Вспомнив, как Айз Седай огрела его по спине Силой, Ранд сухо добавил: – Может, я одолжу у него медальон.

Ранд отвернулся от Айз Седай. Оставался еще один человек, которого нужно проведать, хотя, так или иначе, особой спешки уже нет – к этому моменту гончие Тьмы успели бы закончить то, что им приказано.

– Пожалуйста, Ранд! – сказала Морейн, и Ранд замер на месте – в голосе Морейн прозвучала откровенная мольба, раньше ничего похожего он от нее не слышал.

Подобный тон, похоже, оскорбил Лана.

– Мне казалось, ты стал мужчиной, – хрипло произнес Страж. – Разве так себя ведет мужчина? Ты поступаешь как высокомерный мальчишка.

Лан учил его владеть мечом, и Ранд был уверен, что симпатичен Стражу, но отдай Морейн прямой приказ – и Страж сделает все от него зависящее, чтобы убить Ранда.

– Я не буду с тобой вечно, – не отступалась Морейн. Пальцы, стиснувшие юбку, дрожали от нетерпения. – Я могу погибнуть при следующем нападении. Могу свалиться с лошади и сломать себе шею, могу получить стрелу в сердце от какого-нибудь приспешника Темного – а смерть нельзя Исцелить. Я всю свою жизнь посвятила тому, чтобы отыскать тебя – найти и помочь тебе. Тебе до сих пор неведома собственная сила; ты не понимаешь и половины того, что делаешь. Я... покорно... прошу простить... все обиды, которые тебе нанесла. – Эти слова, которых Ранд никогда не предполагал от нее услышать, из Морейн будто клещами вытягивали, но они были сказаны. А лгать Айз Седай не могут. – Разрешите мне помогать тебе в меру моих сил, пока я еще могу помочь. Пожалуйста.

– Трудно поверить тебе, Морейн. – Ранд не смотрел на Лана, шевельнувшегося в лунном сиянии. Все его внимание было приковано к Морейн. – Ты обращалась со мной как с куклой, заставляя плясать под свою дудку, с того самого дня, как мы встретились. Освободиться от твоего влияния удавалось в тех редких случаях, когда ты была далеко или когда я не слушал тебя. И даже тогда это оказывалось непросто.

Ее смех прозвенел серебристым колокольчиком, но его мелодичное звучание окрасила горечь.

– Это больше походило на борьбу с медведем, чем на дерганье веревочек у марионетки. Хочешь, я пообещаю не пытаться тобой манипулировать? Я даю такую клятву. – Голос ее стал алмазно тверд. – Я даже клянусь подчиняться тебе, как одна из Дев; если потребуешь, повинуваться, как гай`шайн, но ты должен... – Глубоко вздохнув, Морейн повторила намного тише: – Я смиренно прошу тебя позволить мне помогать тебе.

Лан не сводил с Морейн внимательного взора; Ранд подумал, что и у него самого глаза вот-вот на лоб полезут.

– Я принимаю твою помощь, – медленно произнес он. – И тоже прошу меня извинить. За всю мою грубость. – Порой для грубости у него были основания, но сейчас Ранда не покидало чувство, что она по-прежнему им манипулирует; но ведь лгать Морейн не могла.

Напряжение явно отпустило ее. Она шагнула ближе, всмотрелась в юношу:

– Чтобы убить гончих Тьмы, ты воспользовался погибельным огнем. Так это называется. Я по-прежнему ощущаю здесь его действие. – (Ранд тоже чувствовал эти следы – так в комнате остается слабейший запах пирога после того, как его унесли, а еще это чувство походило на воспоминание о чем-то исчезнувшем из поля зрения.) – Применение погибельного огня было запрещено задолго до Разлома Мира. Белая Башня строго запрещает даже обучаться владению им. В Войну Силы сами Отрекшиеся и отродья Тени прибегали к нему лишь в крайних случаях.

– Запрещено? – нахмурился Ранд. – Я ведь сам видел, как ты однажды его использовала. – В тусклом свете луны он мог и обмануться, но ему показалось, что на щеках Морейн вспыхнул румянец. Похоже, на этот раз из равновесия выведена она.

– Иногда не остается иного выхода, как преступить запрет. – Если она и волновалась, на голосе ее смятение не сказалось. – Когда погибельный огонь уничтожает что-то, оно перестает существовать до момента уничтожения. Так сгорает нить – с того места, где ее коснулось

пламя, и дальше. Чем больше мощь этого разящего огня, тем дальше назад во времени перестает существовать уничтоженный предмет. Самый сильный погибельный огонь, который могу создать я, удалит из Узора лишь несколько секунд. Ты же намного сильнее. Очень много.

– Но если что-то перестает существовать *до того*, как это уничтожить... – В замешательстве Ранд запустил пальцы в шевелюру.

– Ну вот, понимаешь, в чем вся загвоздка, какие тут опасности? Мэт помнит, как видел: одна из гончих Тьмы прогрызла дверь, но дыры-то теперь нет. Если бы она так сильно запачкала его слюной, как он помнит, Мэт бы давно умер, я бы и подойти к нему не успела. Но ты уничтожил тварь, она исчезла из времени – и того, что она успела сделать за этот отрезок времени, *более не существует*. Остались только воспоминания – тех, кто это видел или пережил. Теперь реально лишь то, что гончая успела сделать до этого момента. Несколько дыр от зубов в двери и капля слюны на руке Мэта.

– Вот это звучит для меня гораздо приятнее, – заявил Ранд. – Из-за этого-то Мэт и жив.

– Это ужасно, Ранд. – В голосе Морейн появилась настойчивая нотка. – По-твоему, почему даже Отрекшиеся страшатся применять погибельный огонь? Подумай, как повлияет на Узор исчезновение одной его нити? Если из уже готового сплетения убрать нить одного человека на часы его жизни, на дни? Все равно что из полотна выдернуть одну нить! Уцелевшие фрагменты манускриптов времен Войны Силы рассказывают, что погибельным огнем было целиком уничтожено несколько городов, прежде чем обе стороны осознали масштаб опасности. Из Узора разом вырвали сотни тысяч нитей, которые исчезли из уже прошедших дней. Не существовало более результатов действий этих людей, как и того, что сделали другие из-за совершенного ими. Воспоминания остались – но не свершения, не дела и не поступки. Непредсказуемая рябь прошла по всему Узору, грозя уничтожить, распустить само его плетение. Это означало бы гибель всего. Уничтожение мира, времени, самого Создателя.

Ранда прошибла холодная дрожь – и вовсе не из-за прохлады, заползшей под куртку.

– Морейн, я не могу обещать, что не буду его применять. Ты ведь сама говорила, что есть моменты, когда надо поступать вопреки запретам.

– Я и не предполагала, что ты пообещаешь, – холодно заметила она. Волнение ее исчезло, уступив обычной бесстрастности. – Но ты должен быть осторожен. – Она опять стала говорить «должен». – С таким са'ангриалом, как Калландор, ты весь город мог бы уничтожить погибельным огнем. На грядущие годы Узор оказался бы разодран. Кто возьмется утверждать, что плетение, в конце концов успокоившись, сохранит тебя в своем центре, хоть ты и выдающийся та'верен? Да, ты – та'верен, причем очень сильный, и это может оказаться преимуществом для победы даже в Последней битве.

– Может, и так, – бесцветным тоном отозвался Ранд. Чуть ли не в каждом из эпических сказаний главный герой высокопарно заявлял: победа или смерть. Похоже, ему остается уповать на лучший для него исход – победа и... смерть. – Мне надо кое-что проверить, – тихо сказал он. – Увидимся утром.

В кружащихся напластованиях жизни и смерти Ранд, собрав в себе Силу, сотворил в воздухе проем выше своего роста. Отверстие вело в черноту, по сравнению с которой лунное сияние казалось светом дня. Асмодиан называл такой проем переходом.

– Что это? – охнула Морейн.

– Если я делаю что-то один раз, я это запоминаю. Как правило. – Это был не ответ, но пора проверить клятвы Морейн. Лгать Айз Седай не могли, но с них станется и в камне лазейку сискать. – Сегодня оставь Мэта в покое. И не пытайся отобрать у него тот медальон.

– Его нужно отправить в Башню, Ранд, для изучения. Это, несомненно, тер'ангриал, но ни одного такого не находили...

– Что бы это ни было, – твердо заявил Ранд, – медальон – Мэта. При нем пусть и останется.

Несколько мгновений Айз Седай, по-видимому, боролась с собой – выпрямившись и вскинув голову, она в упор смотрела на Ранда. Вряд ли Морейн привыкла подчиняться чьим бы то ни было приказам, не считая, пожалуй, Суан Санчей. И Ранд был готов поспорить, что и той она повиновалась не беспрекословно. Наконец Морейн кивнула и даже изобразила нечто вроде намека на реверанс:

– Как скажешь, Ранд. Он останется у Мэта. Пожалуйста, Ранд, будь осторожен. Самостоятельно учиться использовать что-то вроде погибельного огня равносильно самоубийству, а смерть Исцелить нельзя. – На сей раз без насмешки. – Увидимся утром.

Последовав за Айз Седай, Лан кинул на Ранда ничего не выражающий взгляд – вряд ли Стража обрадовал подобный ход событий.

Ранд шагнул в переход, и проем исчез.

Юноша стоял на диске – шестифутовом подобии древнего символа Айз Седай. Даже его черная половина казалась светлее беспредельного мрака, окружающего Ранда, нависающего над головой, простирающегося под ногами, – если свалиться туда, падение будет вечным. Асμοдиан утверждал, что есть способ и побыстрее, чем использование переходов. Он назывался Перемещением. Однако научить ему Асμοдиан не мог, отчасти потому, что не обладал достаточной силой для создания нужного для этого способа прохода – из-за ограничивающего щита Ланфир. В любом случае Перемещение требовало очень хорошего знания пункта отправления. Ранд считал более логичным четкое представление о том, куда хочешь попасть, но Асμοдиану подобный вопрос напоминал, по-видимому, другой: почему воздух – не вода? Слишком многое Асμοдиан считал само собой разумеющимся. Так или иначе, Скольжение – способ достаточно быстрый.

Как только Ранд коснулся диска сапогами, тот дернулся вперед примерно на фут и замер, а впереди открылся другой проем. Что ж, довольно быстро, особенно на таком коротком расстоянии. Ранд шагнул через проем в коридор, ведущий к комнате Асμοдиана.

Коридор освещала только луна – сквозь окна в концах коридора, лампа у Асμοдиана была погашена. Потопы, что Ранд свил вокруг комнаты, были на месте, по-прежнему крепко завязанные. Никакого движения, только слабый запах сторовшей серы.

Приблизившись к занавеске из бусин, Ранд заглянул в дверной проем. Лунные тени заполняли комнату, одной из них был Асμοдиан, разметавшийся во сне под одеялами. В коконе пустоты Ранд слышал, как бьется сердце Отрекшегося, чувствовал запах пота от беспокойных снов. Он нагнулся, разглядывая бледно-голубые плитки пола и впечатавшиеся в них следы.

Читать следы Ранд научился еще мальчишкой, и узнать эти не составило труда. Здесь побывали три или четыре гончие Тьмы. По-видимому, они, одна за другой, ступая след в след, подходили к дверному проему. И на пороге их остановила сплетенная вокруг комнаты сеть? Или их послали только проверить и сообщить? Неужели у этих псов, этих отродий Тени хватает на такое ума? Но ведь мурддраалы используют в качестве соглядатаев воронов и крыс, да и другие животные-группеды и твари вроде них шпионят для мурддраалов. Айильцы звали их глазами Тени.

Направив тоненькие потоки Земли, Ранд принялся выравнивать поверхность плиток, уничтожая вдавленные следы, и дошел так до пустынной ночной улицы. Он продолжал свое занятие, пока не отошел от высокого здания шагов на сто. Утром, даже если обнаружится кончающийся тут след, никто не заподозрит, что гончие Тьмы сколько-нибудь близко подходили к Асμοдиану. Гончих Тьмы не должен интересовать менестрель Джасин Натаэль.

Сейчас все Девы в городе, наверно, уже на ногах; явно никто из них не спит сейчас под кровом Дев. Сотворив еще один переход прямо на улице – пятно темнее ночи, – Ранд позволил диску перенести его в свою комнату. Он не знал, почему выбор его пал на этот древний символ – ведь, пусть и неосознанно, вид диска выбрал он сам; в иных случаях то были либо ступень

лестницы, либо кусок пола. Ах да, прежде чем возникнуть заново, гончие Тьмы стекли с этой эмблемы. «Под этим знаком он будет побеждать».

Стоя в крошечном мраке своей спальни, Ранд направил Силу и зажег лампы, но саидин не отпустил. Вместо этого он направил Силу опять – осторожно, чтобы не сработали его собственные ловушки. Часть стены исчезла, открыв нишу, которую Ранд вырезал сам.

В маленьком алькове стояли две статуэтки в фут высотой: мужчина и женщина в ниспадающих одеждах и со спокойными лицами, в поднятой руке у каждой фигурки – хрустальная сфера. Ранд обманул Асмодиана, он их не уничтожил.

Существовали ангриалы вроде той фигурки толстячка, что лежала у Ранда в кармане, и са'ангриалы вроде Калландора. По сравнению с ангриалом последние повышали количество Силы, которым можно безопасно владеть, во столько крат, во сколько сам ангриал увеличивал собственные возможности человека направлять. И ангриалы, и са'ангриалы за свою редкость, и не только поэтому, высоко ценились у Айз Седай, хотя они умели распознавать лишь те, которые предназначались для женщин, то есть для использования с саидар. Эти же две фигурки представляли собой нечто иное, и подобные предметы, хотя и не столь редкие, ценились не меньше. Тер'ангриалы создавались не для того, чтобы увеличивать количество применяемой Силы, они должны были использовать ее особым образом. Первоначальное назначение большинства даже тех тер'ангриалов, что имела Белая Башня, оставалось для Айз Седай неизвестным. Некоторые они использовали, не зная при этом, правильное ли применение им нашли, или же назначение их совершенно иное. Но Ранд знал, для чего созданы эти две статуэтки.

Мужская фигурка могла связать его со своей громадной копией – самым могучим из когда-либо созданных са'ангриалов, причем Ранд мог находиться как угодно далеко от той статуи, хоть на другом берегу океана Арит. Этот тер'ангриал был закончен вскоре после того, как узилище Темного повторно замуровали («Откуда я это знаю?»), и фигурку надежно спрятали, прежде чем до нее добрался обезумевший мужчина Айз Седай. Вторая фигурка позволяла делать то же самое женщине – соединяла ее с огромной статуей-копией, которая, как он надеялся, по-прежнему погребена в Кайриэне. С такой мощью... Морейн говорила, что смерть нельзя Исцелить.

И тут – незваные, нежеланные – вернулись воспоминания о предпоследнем разе, когда Ранд осмелился взять в руки Калландор. Образы плавали за пределами пустоты.

Темноволосая девочка, почти ребенок, лежала на спине, уставив в потолок невидящие глаза. Платье на ее груди потемнело от крови – троллок пронзил ее насквозь.

Сила переполняла Ранда. Калландор сиял, и сам он воплощал собой эту Силу. Юноша устремил потоки в детское тельце, пытаясь вдохнуть в него жизнь. Тело затрепетало, приподнялось, неестественно дрогнули окостеневшие руки и ноги.

– Ранд, ты не сможешь сделать этого! – воскликнула Морейн. – Не получится!

«Дышать! Она должна дышать!» Грудь девочки поднялась и опала. «Сердце! Должно биться сердце!» Кровь, уже загустевшая и темная, тоненькой струйкой медленно вытекала из раны на груди. «Живи! Живи, чтоб тебе сгореть!» Мысленно он чуть не взвыл. «Я не хотел опоздать!» Глаза девочки были подернуты пленкой – в них не было признаков жизни. Вся Сила, бушевавшая в Ранде, ничем не могла помочь. Не могла ее оживить. По щекам Ранда текли слезы.

Ранд отогнал прочь это воспоминание; ему, даже заключенному в пустоту, оно причиняло боль. С этой мощью... С таким громадным количеством Силы он сам себе не может доверять. «Ты не Создатель», – сказала Морейн Ранду, стоящему над тем ребенком. Но с этой статуэткой мужчины, всего лишь с половиной ее мощи, он некогда сдвинул с места горы. А ведь с много меньшей Силой, имея в руках лишь Калландор, он тогда чувствовал уверенность, что сумеет повернуть Колесо вспять, оживит девочку. Притягательна не просто и не столько Единая Сила, соблазном было и могущество само по себе, та сила и та власть. Невероятное могу-

щество... Надо было уничтожить обе статуэтки. Но Ранд заново сплел потоки, вновь насторожил западни.

– Что ты делаешь? – раздался женский голос, когда стена опять обрела видимость целой.

Торопливо завязывая потоки – и затягивая узел со своими собственными смертельными ловушками-сюрпризами, – Ранд втянул в себя Силу и повернулся.

Рядом с Ланфир, представшей перед ним в бело-серебристом наряде, Илэйн, Мин и Авиенда показались бы заурядными девчонками. За один взгляд ее темных глаз мужчина отдал бы душу. При взгляде на Ланфир у Ранда скрутило желудок, его затошнило.

– Что тебе надо? – неприветливо спросил он. Ему как-то удалось заблокировать Истинный Источник и для Эгвейн, и для Илэйн вместе, но как – он не помнил. Пока Ланфир касается Источника, ему легче поймать руками ветер, чем удержать ее в своем плену. «Одна вспышка погибельного огня – и...» Он не мог так поступить. Пусть она одна из Отрекшихся – Ранда останавливало воспоминание о катящейся по земле женской голове.

– Они обе у тебя, – наконец промолвила Ланфир. – По-моему, я заметила... Одна – женщина, верно? – Она улыбнулась – в благодарность за такую награду замерло бы сердце любого мужчины. – Ты начал размышлять о моем плане? Имея их, мы с тобой поставим на колени всех прочих Избранных. Мы займем место самого Великого повелителя, бросим вызов Создателю. Мы...

– Ты всегда была честолюбива, Майрин. – Собственный голос скрипуче звучал в ушах у Ранда. – Почему, по-твоему, я отвернулся от тебя? Не из-за Илиены, что бы ты ни думала. Я выбросил тебя из сердца задолго до встречи с ней. Честолюбие для тебя все. Ты всегда стремилась лишь к власти! Ты мне отвратительна!

Она уставилась на него, крепко прижав к животу руки, темные глаза широко раскрылись.

– Грендаль сказала... – слабым голосом начала она. Сглотнув, Ланфир заговорила вновь: – Льюс Тэрин? Я люблю тебя, Льюс Тэрин. Я всегда тебя любила и буду любить всегда! Тебе ведь это известно. Ты должен знать!

Лицо Ранда напоминало скалу – он надеялся, что скрыл потрясение. Он ведь не ведал, откуда взялись его слова, но ему казалось, что он припоминает эту женщину. Смутный отголосок былого. «Я – не Льюс Тэрин Теламон!»

– Я – Ранд ал'Тор! – хрипло произнес он.

– Конечно. – Разглядывая Ранда, Ланфир медленно кивнула. К ней вернулась холодная невозмутимость. – Ну разумеется. Тебе Асмодиан рассказывал – о Войне Силы, обо мне. Он врал. Ты любил меня. Пока тебя не украли эта желтоволосая растрепанная Илиена. – На миг гнев исказил лицо красавицы кривой маской; вряд ли она даже заметила свою вспышку. – Тебе известно, что Асмодиан отсек собственную мать? Теперь это называют усмирением. Отсек и позволил мурддраалу ее утащить. А как она кричала... Как ты можешь верить такому человеку?

Ранд громко рассмеялся:

– После того как я поймал его, ты помогла сплести его путями, чтобы он учил меня. И теперь ты говоришь, что я не могу ему верить?

– В учении – да, – пренебрежительно фыркнула Ланфир. – Он будет учить тебя потому, что знает: отныне и навсегда у вас общий путь. Даже если Асмодиан сумеет убедить остальных, что был твоим пленником, они все равно разорвут его, и ему это хорошо известно. Самая слабая собака в стае зачастую обречена на такую судьбу. Кроме того, иногда я заглядываю в его сны. Он грезит о том, как ты одерживаешь победу над Великим повелителем и возвышаешь его, ставя подле себя. Иногда он грезит и обо мне. – Ее улыбка сказала, что эти сны приятны для нее, но отнюдь не для Асмодиана. – Но он будет стараться настроить тебя против меня.

– Зачем ты здесь? – спросил Ранд. Настроить против нее? Нет сомнений, сейчас она преисполнена Силой, готовая оградить его щитом, возникни у нее малейшее подозрение, что

он хоть что-то задумал против нее. Раньше она такое проделывала, причем с оскорбительной легкостью.

– Вот таким ты мне нравишься. Высокомерный и гордый, преисполненный собственной силой.

Однажды Ланфир сказала, что он нравится ей неуверенным и что Льюс Тэрин был излишне надменен.

– Зачем ты здесь?

– Этой ночью Равин спустил на тебя гончих Тьмы, – спокойно заявила она, сложив на груди руки. – Я бы пришла раньше помочь тебе, но пока не могу допустить, чтобы остальные узнали, что я на твоей стороне.

На его стороне... Одна из Отрекшихся любит его, вернее, любит мужчину, каким он был три тысячи лет назад. И все, чего она хочет для него, – чтобы он отдал душу Тени и стал править миром вместе с ней. Или стоя ступенькой ниже ее. Только и всего, если не считать стремления низвергнуть и Темного, и Создателя и занять их место. Она совсем свихнулась? Или мощь этих двух са'ангриалов в самом деле настолько велика, как заявляет она? О таком он вообще не желал думать.

– Почему Равин именно сейчас решил напасть на меня? Асмодиан говорит, что Равин заботится лишь о своих интересах, что даже Последнюю битву, коли удастся, он пересидит где-нибудь в сторонке, выжидая, пока Темный не уничтожит меня. Почему именно он, а не Саммаэль? Не Демандред? Ведь они, как говорит Асмодиан, ненавидят меня. – «Нет, не меня! Они ненавидят Льюса Тэрина Теламона. Но для Отрекшихся это все равно. О Свет, пожалуйста, я – Ранд ал'Тор». Он отогнал прочь невесть откуда появившееся воспоминание о том, как сжимал эту женщину в объятиях – они оба молоды и только что узнали, что способны творить с помощью Силы. «Я – Ранд ал'Тор!» – Почему не Семираг, не Могидин, не Грен?..

– Но ты ведь и в самом деле покусились сейчас на его интересы. – Ланфир рассмеялась. – Разве ты не знаешь, где он? В Андоре, в самом Кэймлине. Он там правит, разве что королем не титулуется. Королева глупо ему улыбается, танцует для него. Кроме нее, там таких еще с полдюжины. – Губы ее скривились от отвращения. – Его люди рыскают по городу и окрестностям, выискивая для него очередных милашек.

На мгновение известие потрясло его. Мать Илэйн – в лапах Отрекшегося. Но он не имел права выказывать к этому интереса. Ланфир уже не раз в открытую демонстрировала свою ревность; она вполне способна выследить Илэйн и убить, если у нее мелькнет мысль, что он испытывает к девушке какие-то чувства. «А какие чувства я к ней испытываю?» Кроме того, вне пустоты плавал еще один суровый факт, жестокий и холодный в своей правдивости. Даже если Ланфир сказала правду, Ранд не может бросить все и напасть на Равина. «Прости меня, Илэйн, я не могу». С Ланфир станется и соврать – вряд ли она хоть слезинку прольет о ком-то из Отрекшихся, кого убьет Ранд, ведь все они стоят на пути к осуществлению ее собственных планов. Но в любом случае для себя Ранд решил: он больше не будет отвечать на чужие удары и действия. Ведь по его поступкам они могут додуматься, как он намерен поступить дальше. Поэтому пусть они реагируют на его действия – то-то удивятся, как поразились и Ланфир, и Асмодиан.

– Так Равин считает, что я кинусь защищать Моргейз? – спросил Ранд. – Да я ее всего раз в жизни видел. По карте выходит, что Двуречье – часть Андора, но я никогда не видывал там королевского гвардейца. Сколько поколений сменилось, а их там и в помине не бывало. Скажи двуреченцу, что Моргейз – его королева, он, чего доброго, решит, что ты спятил.

– Сомневаюсь, чтобы Равин ожидал, что ты встанешь на защиту родного края, – скривила губы Ланфир. – Но он предполагает, что свои честолюбивые замыслы ты защищать будешь. Он намерен посадить Моргейз на Солнечный трон и прикрываться ею, как ширмой, дергая за веревочки, пока не придет время выступить открыто самому. С каждым днем в Кайриэне все

больше андорских солдат. А ты послал армию Тира на север, чтобы гарантировать свое влияние и самому завладеть страной. Чего же удивляться, что он напал на тебя сразу, как только обнаружил, где ты.

Ранд покачал головой. Вовсе не для того он посылал тайренцев, но разве Ланфир поймет, чего он добивается? И пожалуй, не поверит, попытайся он ей это втолковать.

– Спасибо за предупреждение, – сказал Ранд. Это ж надо, какая учтивость с Отрекшейся!

Разумеется, ему ничего не остается, кроме как надеяться, что из всего сказанного ею хоть какая-то часть – правда. «Хорошая причина ее не убивать. Если будешь внимательно ее слушать, она выболтает куда больше, чем намеревается». Ранд надеялся, что это его собственная мысль, такая холодная и циничная.

– Ты охраняешь свои сны и не пускаешь меня в них, – заметила Ланфир.

– Я никого не пускаю. – Это была чистая правда, хотя в списке нежеланных гостей в его снах Ланфир стояла не ниже Хранительниц Мудрости.

– Сны – моя вотчина. А ты и тем более твои сны принадлежат мне. – Лицо Ланфир оставалось безмятежным, но голос стал жестче. – Я могу прорваться через защиту. Тебе это вряд ли понравится.

Чтобы выказать равнодушие, Ранд уселся в изножье тюфяка, скрестив ноги, и положил руки на колени, надеясь, что лицо у него такое же спокойное, как и у нее. В нем волнами перекатывалась Сила. У него имелись наготове потоки Воздуха, чтобы связать ими Ланфир, и потоки Духа. Из них сплетают щит, ограждающий от Истинного Источника. Разум Ранда бился, напряженно стараясь вспомнить, как это сделать, однако, сколь отдаленными ни казались ему эти попытки, ничего не получалось. Не зная, как создать щит, все остальное предпринимать бесполезно. Даже не видя преграды, Ланфир распорет или прорежет любое плетение, какое бы он ни создал. Асмодиан пытался научить Ранда такому приему, но, не имея женского плетения, практиковаться крайне трудно.

Ланфир оглядела Ранда в своей приводящей в замешательство манере, легкое недовольство омрачало ее красоту.

– Я проверила сны айильских женщин. Этих так называемых Хранительниц Мудрости. Им неизвестно, как надежно защитить себя. Я могла бы напугать их – тогда они больше никогда снов не увидят. И уж точно зарекутся вторгаться в твои.

– Мне казалось, ты не хотела помогать мне в открытую. – Ранд не посмел сказать Ланфир, чтобы она оставила Хранительниц в покое; она вполне способна учинить что-нибудь ему назло. С самого начала Ланфир ясно дала понять, пусть и не выразив своего намерения словами, что в отношениях между ними верховодить намерена она. – Стоит ли рисковать? Вдруг узнает кто из Отрекшихся? Не тебе одной известно, как проникать в людские сны.

– Из Избранных, – рассеянно поправила Ланфир. Она задумчиво покусала нижнюю губу. – Как-то я подумала, что ты неравнодушен к той девчонке, Эгвейн. И я пронаблюдала ее сны. Знаешь, о ком она грезит? О сыне Моргейз и о ее пасынке. Чаще всего ей снится сын, Гавин. – Улыбаясь, она с напускным изумлением добавила: – Ты не поверишь, чтобы о таком грезила простая сельская девчонка!

Ранд понял: Ланфир пытается выяснить, не ревнует ли он. Она и впрямь считает, что он защитил свои сны, дабы скрыть свои мысли о другой!

– Меня бдительно охраняют Девы, – мрачно заметил он. – Если хочешь знать, насколько бдительно, загляни в сны Изендре.

На скулах Ланфир запольхали алые пятна. Ну конечно. Он не должен был знать, что она уже пыталась. Замешательство накатило на кокон пустоты. Или она считает?.. Изендре? Ланфир известно, что та – приспешница Темного. Вообще-то, именно Ланфир привела в Пустыню и Кадира, и эту женщину. И подбросила большую часть украшений, в краже которых обвинили Изендре. Неприязнь Ланфир даже в мелочах прорывалась жестокостью. Однако, если ей вте-

мяшится в башку, будто Ранд мог полюбить Изендре, скорее всего, не станет особой помехой то, что Изендре – приспешница Тьмы.

– Не стоило вмешиваться, пусть бы ее отправили пешком к Драконовой Стене, – небрежно продолжил Ранд. – Но кто знает, что бы она наговорила, лишь бы спасти свою шкуру? В известной мере мне приходится защищать и ее, и Кадира – чтобы уберечь Асмодиана.

Румянец исчез с лица Ланфир, но, когда она опять открыла рот, раздался стук в дверь. Ранд вскочил. Опознать Ланфир не мог никто, однако, если в его комнате увидят женщину, причем которую не видела входящей ни одна из Дев внизу, неминуемы вопросы. А на эти вопросы у него нет ответов.

Но Ланфир уже открыла проем, ведущий куда-то в облако занавесей из белого шелка и серебра.

– Помни, любовь моя: я – твоя единственная надежда выжить. – Для слов любви этот голос был чудовищно холоден и спокоен. – Рядом со мной тебе нечего бояться. Рядом со мной ты можешь властвовать надо всем, что есть или еще только будет. – Приподняв краешек снежно-белой юбки, она шагнула в проем, и тот в один миг захлопнулся.

Вновь раздался стук, и только тогда Ранд заставил себя оторваться от саидин и открыл дверь, потянув ее на себя.

Энайла подозрительно взгляделась в комнату за спиной Ранда, ворча:

– Мне тут показалось... Неужели Изендре... – Она бросила на Ранда обвиняющий взор. – Сестры по копыю тебя обыскались. Никто не видел, как ты вернулся. – Тряхнув головой, Энайла выпрямилась – она всегда старалась держаться как можно прямее, чтобы казаться выше. – Вожди явились говорить с Кар'а'карном, – сказала она церемонно. – Они ожидают внизу.

Как выяснилось, вожди, как и положено мужчинам, ожидали у входа, в многоколонном портике. Небо все еще было темным, но горы на востоке уже очертили первые предрассветные отблески. Если вожди и испытывали какое-то нетерпение, на затененных лицах оно ничем не проявлялось, тем более что между ними и высокими дверями стояли две Девы.

– Шайдо движутся, – отрывисто бросил Ган, едва появился Ранд. – И Рийн, и Миагома, и Шианде... Все кланы!

– К кому они идут? К Куладину или ко мне? – спросил Ранд.

– Шайдо движутся к перевалу Джангай, – сказал Руарк. – Насчет остальных говорить еще рано. Но они на марше – все копыя. Остались только те, кого хватит для защиты холдов, пастбищ и стад.

Ранд лишь кивнул. Только он решил, что никому не позволит диктовать свои действия, – и такая новость! Что бы ни замыслили прочие кланы, у Куладина один план – перебраться через горы в Кайриэн. Что толку от грандиозных замыслов установить всеобщий мир, если, пока Ранд сидит в Руидине и дожидается остальных кланов, Шайдо примутся разорять Кайриэн.

– Тогда мы тоже выступаем к Джангаю, – наконец сказал он.

– Если он решил пройти через перевал, мы его не нагоним, – предупредил Эрим.

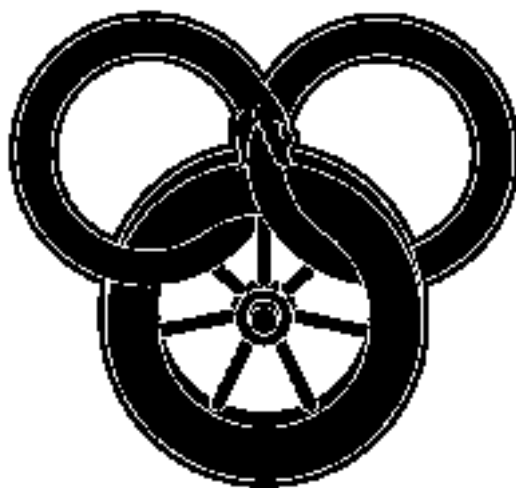
Ган мрачно добавил:

– Если кто-то идет на соединение с ним, это не сулит нам ничего хорошего – мы растянемся колонной, точно слепозмейка на солнце.

– Я не собираюсь сидеть и ждать, когда все выяснится, – ответил Ранд. – Если я не нагону Куладина, то намерен оказаться в Кайриэне следом за ним. Поднимайте копыя. Выступаем на рассвете, как только сумеем.

Отвесив Ранду необычный айильский поклон, уместный только в самых официальных случаях – одна нога впереди, рука вытянута, – вожди удалились. Один лишь Ган обронил:

– До самого Шайол Гул.

Глава 7

Отбытие

В сером свете раннего утра Эгвейн, позевывая, взобралась на кобылу и резко натянула поводья, когда Туманная принялась вытанцовывать на месте. На лошади не ездили несколько недель. Айильцы предпочитали передвигаться пешим ходом и почти не ездили верхом, хотя вьючных лошадей и мулов использовали. Даже если бы в Пустыне нашлось достаточно древесины для постройки фургонов, то сама земля здесь была негостеприимна для колес – не одному торговцу, на свое горе, довелось узнать об этом.

Долгое путешествие на запад не радовало Эгвейн. Сейчас горы скрывали солнце, но с каждым часом, по мере того как оно станет подниматься все выше, жара будет усиливаться. Кроме того, еще неясно, поставят ли с наступлением ночи уютную палатку, куда можно будет спрятаться. И девушка не была уверена, что айильское одеяние подходит для верховой езды. Шаль на голове, как ни странно, с успехом оберегала от жары, но громоздкие юбки, если зазеваешься, задирались и обнажали ноги чуть не до бедер. Не меньше благопристойности Эгвейн беспокоили волдыри от солнечных ожогов. «С одной стороны, солнце и...» Неужели она размякла за какой-то месяц, когда и не вспоминала о седле? Девушка надеялась, что не отвыкла от верховой езды, иначе путешествие окажется для нее *слишком* длинным.

Успокоив нервничавшую Туманную, Эгвейн встретила взглядом с Эмис и улыбнулась Хранительнице в ответ на ее улыбку. Сколько бы Эгвейн минувшей ночью ни бегала, отнюдь не по этой причине она чувствовала сонливость; пожалуй, после той пробежки она спала даже крепче обычного. Ночью девушка все-таки отыскала сон Эмис, и, чтобы отметить это достижение, они во сне выпили вдвоем чая – в холде Холодные Скалы, ранним вечером, когда детишки играют на террасах среди взошедших хлебов, а на заходе солнца долину так приятно обдувает легкий ветерок.

Разумеется, потом у Эгвейн было время выспаться... Однако, переполненная ликованием, она покинула сны Эмис и не остановилась на достигнутом. Да и не смогла она тогда справиться со своим возбуждением, сколько бы Эмис ни твердила об осторожности. Вокруг были сны; чьи они – Эгвейн не ведала. Правда, в нескольких случаях она узнала, что кому снится. Мелэйн грезила о том, как кормит ребенка грудью, Бэйр снился один из умерших мужей, оба были молоды и желтоволосы. Эгвейн была крайне осторожна, чтобы не вступить ненароком в их сны, – о непрошеной гостье Хранительницы узнают тотчас же, а о том, что они с ней сделают, прежде чем отпустят, Эгвейн не могла думать без содрогания.

Сны Ранда были для нее вызовом, на который она не могла не ответить. И теперь, когда Эгвейн способна порхать от одного чужого сна к другому, как не рискнуть, не попытать счастья там, где спасовали Хранительницы? Вот только попытка войти в его сон привела к тому, что

она будто ткнулась головой в невидимую каменную стену. Девушка знала: по ту сторону лежат сны Ранда; и была убеждена, что рано или поздно сумеет пробиться сквозь барьер. Однако имелась одна закавыка – не за что было ухватиться, не на что было воздействовать. Просто стена из ничего. Над этой задачкой надо подумать, помозговать, пока не удастся ее разрешить. Если Эгвейн за что-то взялась всерьез, она не отступится – вцепится, как барсук. Или рогами, как бык, упрется.

Повсюду вокруг суетились гай'шайн, свертывая палатки Хранительниц Мудрости и укладывая груз на мулов. Вскоре только айилец или какой-нибудь не менее искушенный следопыт сумеют определить, что на этом пятачке твердой глины когда-то стояли палатки. Окрестные горные склоны тоже походили на растревоженный муравейник – и там собирались в дорогу. Доносящийся из города шум сливался с гомоном голосов. Уходили если и не все, то тысячи человек. На улицах толпились айильцы, через всю центральную площадь растянулся караван мастера Кадира; фургоны загрузили тем, что отобрала Морейн. В хвосте каравана виднелись три крашенные белые цистерны с водой, походившие на оснащенные колесами громадные бочонки, каждую из них тащила упряжка из двадцати мулов. Собственный фургон Кадира, в голове колонны, являл собой небольшой белый домик на колесах, со ступеньками сзади и металлической печной трубой над крышей. Эгвейн проехала мимо Кадира – коренастого купца с ястребиным носом, облаченного сегодня в одежды цвета поделочной кости. Тот приветственно сдернул с головы невообразимо мятую шляпу, в его раскосых темных глазах не было и намека на широкую улыбку, которой он сверкнул на девушку.

Эгвейн, напустив на себя холодность, проигнорировала купца. Его-то сны были если не похотливыми, то, уж несомненно, жуткими и дурными. «Вот кого хорошо бы с головой окунуть в бочку с настоем из голубой колючки», – неприязненно подумала девушка.

Подъезжая к крову Дев, Эгвейн петляла между бегающими туда-сюда гай'шайн и терпеливо стоящими мулами. К ее удивлению, на одной из тех, кто грузил пожитки Дев, оказалась не белая одежда, а черная. Пошатываясь под тяжестью ноши, женщина, с Эгвейн ростом, тащила на плечах перевязанный веревкой узел. Подъехав ближе, Эгвейн склонилась с седла, заглянув под капюшон женщины, и увидела измученное лицо Изендре. Пот градом катился по ее щекам. Эгвейн порадовалась, что Девы перестали выпускать Изендре за порог совершенно голой, но вырядить ее в черное представлялось излишней жестокостью. Если уже сейчас Изендре обливается потом, то, когда воцарится дневной зной, она будет умирать от жары.

Но так или иначе, Изендре – дело Фар Дарайз Май, и Эгвейн это никак не касается. Так сказала подруге Авиенда – хоть и мягко, но будто обрубил. Скажи Эгвейн еще хоть слово на эту тему, Аделин и Энайла того и гляди сорвались бы на грубость, а седоволосая Дева по имени Сулин вообще пригрозила за ухо отволочь Эгвейн обратно к Хранительницам. Хоть сама Эгвейн не пожалела времени и сил и уговорила Авиенду не обращаться с ней как с Айз Седай, девушку несколько задевало, что, переступив тонкую грань неуверенности, остальные Девы вскоре низвели ее до простой ученицы Хранительниц. Да что там, Эгвейн бы и за порог кровя не пустили, не сошлись она на данное ей поручение.

Девушка поторопила каблуками Туманную, пробираясь сквозь суматоху сборов, но в душе все не находила себе места. Она никак не могла примириться с тем, как Фар Дарайз Май наказали Изендре, и очень неуютно чувствовала себя под взглядами некоторых Дев, несомненно готовых строго ее отчитать, если они решат, что Эгвейн опять вмешивается не в свое дело. И нелюбовь к Изендре тут ни при чем. Эгвейн и вспоминать-то не хотелось о мимолетном взгляде на сны этой женщины незадолго до того, как девушку разбудила пришедшая Ковинде. Едва соприкоснувшись с этими мучительными кошмарами, в которых несчастную подвергали немислимым пыткам, Эгвейн в ужасе бежала прочь, а что-то злобное и мрачное хохотало ей вслед. Неудивительно, что у Изендре такой измочаленный вид. Эгвейн так поспешно выско-

чила из глубин сновидений, что, резко сев на постели, испугала Ковинде – та отшатнулась и отдернула руку от плеча девушки.

На улице перед кровом Дев Эгвейн увидела Ранда. На нем была шуфа, надежно защищающая от палящего солнца Пустыни. Голубая шелковая куртка с богатой золотой вышивкой, уместная больше во дворце, наполовину расстегнута. У поясного ремня новая пряжка в виде Дракона – искусно сработанная вещица. Нет никаких сомнений, он и впрямь слишком о себе возомнил. Стоя возле Джиди'ина, своего крапчатого жеребца, Ранд разговаривал с клановыми вождями и с несколькими айильскими торговцами, которые оставались в Руидине.

За плечом у Ранда, буквально в шаге от него, стоял Джасин Натаэль. За спиной менестреля болталась арфа, в руке он держал поводья оседланного мула, которого для него купили у мастера Кадира. Натаэль был разодет еще роскошнее: богатое серебряное шитье чуть ли не скрывало под собой шелк черного камзола, над воротом и из-под манжет пенной волной выбивались белоснежные кружева. Даже высокие сапоги на отворотах у колен блистали серебряной отделкой. Всю картину портил характерный плащ в многоцветье заплат, но менестрели – чудной народ, чего от них ждать?

Мужчины-торговцы носили кадин'сор, и хотя ножи у них на поясе были меньше, чем у воинов, Эгвейн знала: если потребуется, они и с копьями управятся с ловкостью. В них было много, очень много от смертоносной грации их привычных к копьям братьев. Женщин-торговцев, в свободных белых блузах из алгода и длинных шерстяных юбках, в косынках и с шальями, отличить от прочих большого труда не составляло. За исключением гай'шайн и Дев – и Авиенды, – все айилки щеголяли множеством браслетов и ожерелий: золотыми, серебряными, из поделочной кости, с драгоценными камнями; некоторые украшения были изготовлены айильцами, некоторые куплены у торговцев, а иные взяты в бою. Так вот, у айильских торговцев украшений было раза в два, а то и в три больше.

Эгвейн расслышала часть того, что говорил торговцам Ранд:

– ...в чем они захотят, пусть каменщики-огиры строят, как им будет вольно. Дайте им свободу. Если не во всем, то хоть в чем-то. Насколько себя пересилите. Пытаться переделывать прошлое бессмысленно.

Значит, Ранд отправляет их в *стеддинг* за огирами, решив заново отстроить Руидин. Это хорошо. В Тар Валоне многое – работа огирских каменщиков, и ныне от восхищения дух захватывает при виде зданий, в которых строители воплотили в жизнь собственные замыслы.

Мэт уже сидел в седле своего мерина по кличке Типун – широкополая шляпа низко надвинута, в стремя упирается тупой конец странного копья. Зеленая куртка с высоким воротом выглядела так, словно он в ней спал. Как обычно, Мэтовых сновидений Эгвейн избегала. Одна из Дев, очень высокая золотоволосая женщина, лукаво ухмыльнулась Мэту, отчего тот, по-видимому, смутился. Наверно, так и есть – она для него немного старовата. Эгвейн фыркнула: «Уж его грезы я очень хорошо себе представляю! Спасибочки, обойдусь!» Подъехав к Мэту, девушка натянула поводья и оглянулась, высматривая Авиенду.

– Он велел ей помолчать, и она заткнулась, – заметил Мэт, когда Эгвейн остановила Туманную. Он мотнул головой в сторону Морейн и Лана – Айз Седай, в бледно-голубых шелках, перебирала поводья своей белой кобылы, он, в плаще Стража, сдерживал огромного боевого коня вороной масти. Лан, как всегда невозмутимый, не сводил взора с Морейн, а она, поглядывая на Ранда, похоже, готова была в любой миг взорваться от нетерпения. – Она стала говорить ему, почему неправильно то, что происходит; мне казалось, она уже в сотый раз об этом талдычит. А он просто сказал: «Я решил, Морейн. Встань в сторонку и помолчи, пока у меня не найдется для тебя время». Причем таким тоном, словно ожидал, что она послушается! И она сделала, что он велел. У нее из ушей пар не свистит? Глянь-ка, вся кипит!

Мэт приглушенно засмеялся, настолько довольный своим остроумием, что Эгвейн чуть не обняла саидар, дабы прилюдно преподать весельчаку хороший урок. Вместо этого девушка

громко фыркнула, чтобы Мэт уразумел, что ее презрение направлено на него вкуче с его глупыми шуточками. Тот бросил на нее косой взгляд и опять хохотнул, что нисколько не сказалось на ее настроении.

С минуту, ошеломленная, Эгвейн во все глаза смотрела на Морейн. Айз Седай сделала так, как сказал Ранд? И слова поперек не вымолвила? Это все равно что Хранительница Мудрости исполнила чье-то требование! Или в полночь на небе солнце засияло! Разумеется, о том ночном нападении она наслышана – все утро только и разговоров что о гигантских собаках, оставивших на камнях отпечатки своих лап. Эгвейн не могла уразуметь, как это все связано с изменившимся поведением Морейн, однако, не считая известий о Шайдо, появление каких-то громадных собак было единственной новостью, о которой она знала. Но вряд ли эта весть вызвала бы подобную реакцию Морейн. И вообще, насколько понимала Эгвейн, ничто не могло так изменить Морейн. Несомненно, спроси девушка о случившемся, Морейн заявит ей, чтобы не лезла не в свое дело, но Эгвейн не будет покоя, пока она не разгадает подоплеку происходящего. Ей очень не нравилось, когда она чего-то не понимала.

Заметив Авиенду, стоящую на нижней ступени крова Дев, девушка направила Туманную в обход толпящихся вокруг Ранда айильцев. Авиенда, как и Айз Седай, не сводила взора с Ранда, но лицо ее ничего не выражало. Айилка, по-видимому сама того не замечая, все крутила костяной браслет на запястье. Так или иначе, этот браслет имел прямое отношение к сложностям в отношениях Авиенды с Рандом. Эгвейн не понимала, в чем тут дело. Рассказывать Авиенда отказывалась наотрез, а спросить кого-то другого Эгвейн не могла, боясь обидеть подругу или поставить ее в неловкое положение. Ей самой Авиенда подарила браслет из резной кости в виде язычков пламени – в знак того, что отныне они «почти сестры». Ответным даром Эгвейн стало серебряное ожерелье, которое сейчас носила Авиенда; мастер Кадир утверждал, что этот кандорский узор называется «снежинки». Ей пришлось попросить у Морейн немало денег, но ожерелье, как представлялось Эгвейн, очень шло Авиенде, которая в Пустыне никогда не видела снега. Теперь же, скорей всего, увидит снежинки не только в ожерелье, но и воочию – шансов вернуться до зимы мало. Что бы ни значил тот браслет, Эгвейн была уверена: со временем она догадается, в чем тут загвоздка.

– Что с тобой? – спросила она. Когда девушка нагнулась к подруге со своего седла с высокой лукой, юбки ее высоко приподнялись, обнажая ноги, но Эгвейн едва заметила это – ее очень тревожила Авиенда.

Эгвейн пришлось повторить вопрос, прежде чем Авиенда, вздрогнув, подняла на нее взор:

– Со мной? Со мной все хорошо.

– Авиенда, разреши, я поговорю с Хранительницами. Я сумею убедить их. Не могут же они просто заставлять тебя... – Она не сумела выговорить последние слова – когда вокруг столько посторонних ушей.

– Так *это* по-прежнему тебя тревожит? – Авиенда поправила свою серую шаль и легонько качнула головой. – Ваши обычаи все равно кажутся мне очень странными. – Ее взор вновь вернулся к Ранду – так магнит притягивает железные опилки.

– Не бойся его.

– Я не боюсь ни одного мужчины, – отрезала айилка, глаза ее метали голубовато-зеленые молнии. – Эгвейн, я не хочу с тобой ссориться, но лучше тебе не говорить мне таких вещей.

Эгвейн вздохнула. Почувствовав себя оскорбленной, Авиенда запросто надерет уши кому угодно, даже подруге. Во всяком случае, Эгвейн не была уверена, что допустит подобное обращение с собой. За снами Авиенды она подглядывала недолго – слишком больно это оказалось для нее. Обнаженная, но на руке – этот костяной браслет, который тянул ее к земле, точно весил больше сотни фунтов, Авиенда во всю мочь бежала по потрескавшейся глинистой рав-

нине. А позади нее возник гигант Ранд, ростом вдвое выше огира, на громадном Джиди'ине; он нагонял ее, настигал медленно, но неотвратно.

Но нельзя же взять и просто заявить подруге, что та врет. Эгвейн слегка покраснела. Тем более нельзя, если придется сказать, откуда ей это известно. «Вот тогда она точно мне уши надерет. Больше я так поступать не буду. Надо же, придумала – рыскать по чужим снам! В сны Авиенды, по крайней мере, лазить не буду». Плохая мысль – подглядывать за снами подруги. Конечно, не совсем так, но все-таки...

Толпа вокруг Ранда начала расходиться. Он легко запрыгнул в седло, следом за ним проворно вскочил на мула и Натаэль. Подле Ранда задержалась одна из айильских торговек – широколицая, огненноволосая женщина; изобилие чеканного золота, ограненных драгоценных камней и резной кости вполне тянуло на небольшое состояние.

– Кар'а'карн, ты хочешь навсегда покинуть Трехкратную землю? Ты говорил так, словно больше сюда не вернешься.

Другие айильцы остановились и повернулись к Ранду. Вслед за рябью приглушенных шепотков, повторяющих другим тот же вопрос, прокатилась волна тишины.

Некоторое время Ранд безмолвствовал, обводя взглядом обращенные к нему лица. Наконец он произнес:

– Я надеюсь вернуться, но кому по силам предугадать, что случится? Колесо плетет, как желает Колесо. – Он помедлил – с него не сводили глаз. – Но я оставлю вам кое-что на память о себе, – добавил Ранд, засовывая руку в карман.

Вдруг фонтан возле крова Дев ожил, вода захлестала из пастей невероятных, причудливых дельфинов, стоящих на хвостах. Позади них, вокруг статуи юноши, трубящего в поднятый к небу рог, развернулся водяной веер, а потом две каменные женщины, чуть поодаль, начали изливать из ладоней струи воды. Потрясенные, лишившиеся дара речи айильцы взирали на вновь забившие фонтаны Руидина.

– Давно следовало это сделать, – пробормотал Ранд явно самому себе, но в воцарившейся тишине Эгвейн ясно расслышала его ворчание.

Единственным звуком, кроме его бормотания, было журчание и плеск сотен фонтанов. Натаэль, будто ничего иного и не ожидал, пожал плечами.

А Эгвейн смотрела вовсе не на фонтаны, а на Ранда. На мужчину, способного направлять Силу. «Ранд. Вопреки всему он по-прежнему тот же Ранд». Но всякий раз, когда девушка видела его в такие моменты, она будто заново узнавала, на что он способен. С детства ей непрестанно внушали, что одного Темного нужно бояться больше, чем мужчины, обладающего даром направлять Силу. «Может быть, Авиенда и не зря его боится».

Но, оглянувшись на Авиенду, Эгвейн увидела на ее лице искреннее изумление – такое изобилие воды обрадовало айилку так, как саму Эгвейн восхитило бы самое лучшее шелковое платье или расцветший сад.

– Пора в путь, – объявил Ранд, поворачивая крапчатого на запад. – Те, кто еще не готов, пусть догоняют.

Натаэль на своем муле не отставал от него ни на шаг. И почему Ранд не гонит от себя этого подхалима?

Вожди кланов сразу же принялись отдавать приказы, и суматохи стало больше раз в десять. Вперед устремились Девы и Ищущие Воду; еще больше Фар Дарайз Май окружило Ранда почетной стражей, заодно заключив в свое кольцо и Натаэля. Авиенда шагала рядом с Джиди'ином, возле стремени Ранда, легко ступая широким шагом вровень с жеребцом, причем тяжелые юбки ей нисколько не мешали.

Эгвейн пристроилась рядом с Мэтом, сразу за Рандом и его эскортом. Она хмурилась. На лице ее подруги вновь появилось выражение мрачной решимости, словно Авиенду приговорили сунуть руку в гадючье логово. «Я обязана что-то сделать и непременно ей помочь».

Взявшись за какую-то задачку, Эгвейн никогда не отступалась. И сейчас она хотела во что бы то ни стало разгрызть этот орешек.

Устроившись в седле, Морейн рукой в перчатке похлопала Алдиб по выгнутой шее, но за Рандом последовала не сразу. По улице, самолично правя своим головным фургоном, вел торговый караван Хаднан Кадир. Надо было заставить его разобрать фургон, чтобы, как и остальные, нагрузить его доверху. Несомненно, перечить купец не посмел бы – ее, Айз Седай, он боялся в достаточной мере. В следующем за Кадировым фургоном ехала надежно закрепленная рама из краснокамня – тот самый тер’ангриал. Он был плотно обтянут парусиной и крепко перевязан, чтобы кто-нибудь опять случайно туда не упал. По обе стороны от каравана шагали цепочки айильцев – *Сейа Дун*, Черные Глаза.

Приветствуя Морейн, Кадир привстал с козел и поклонился ей, приподняв шляпу, но внимательный взор Айз Седай пробежал мимо него по веренице фургонов до огромной площади, окружающей лес тонких стеклянных колонн, которые уже искрились в лучах утреннего солнца. Если б могла, Морейн забрала бы с площади все до последней вещицы, но, к ее огромному сожалению, в фургоны влезла лишь малая часть этих сокровищ. Некоторые были чрезвычайно велики. Например, три тускло-серых металлических кольца, каждое в два с лишним шага в поперечнике, поставленные стоймя и соединенные друг с другом. Вокруг них натянули плетеную сыромятную веревку – никто не имел права проходить за нее без позволения Хранительниц Мудрости. Разумеется, не всякому разрешалось даже приближаться к кольцам; откровенно говоря, никому и не хотелось. На эту площадь без усилия над собой приходили лишь клановые вожди и Хранительницы Мудрости; и только последние смели прикасаться здесь к чему-нибудь, да и то с настороженностью и трепетом.

Бесчисленные годы айильские женщины, которые хотели стать Хранительницами Мудрости, проходили второе испытание, вступая в это скопление сверкающих стеклянных колонн; и там им воочию представало то, что видели и мужчины. В этом испытании гибло меньше женщин, чем мужчин, – как говорила Бэйр, потому что женщины крепче и выносливей. Эмис же утверждала, что слабые духом и телом отсеивались прежде, чем добивались такого права. Но точно не мог сказать никто. Прошедшие через колонны и оставшиеся в живых не несли на себе никаких знаков или иных мет. Хранительницы заявляли, что видимые глазу знаки требуются только мужчинам; для женщины достаточно и того, что она осталась в живых.

Первым испытанием, первой ступенью отсева, еще до всякого обучения, служили те три кольца. Женщина должна была шагнуть в одно из них – не важно в какое; вероятно, выбор этот был случайностью или роком. Вновь и вновь перед женщиной прокручивалась ее жизнь, перед ней представало ее будущее – всевозможные варианты будущего – в зависимости от каждого из решений, какие она примет за оставшуюся жизнь. Шаг в эти кольца также был чреват гибелью – не каждая женщина способна выдержать открывшееся ей будущее, как и не все готовы выстоять перед лицом прошлого. Разумеется, человеческий разум не в силах запомнить все хитросплетения будущего. В большинстве своем эти картины мешаются, перепутываются и постепенно стираются из памяти, но у женщины остаются впечатления, ощущения о событиях, которые случатся в ее жизни, которые еще должны случиться, которые могут случиться. Обычно даже такие смутные образы оставались скрытыми, пока это событие не происходило. Впрочем, так бывало не всегда. Вот через эти кольца и прошла Морейн.

«Ложечка надежды в чашке отчаяния», – подумала она.

– Мне не нравится видеть тебя такой, – произнес Лан. С высоты своего роста, да еще сидя в седле вороного Мандарба, он глядел на нее сверху вниз, в уголках глаз морщинками залегла тревога. Для него подобное проявление чувств было все равно что для другого человека горькие слезы.

Обтекая сбоку лошадей Морейн и Лана, мимо чередой шли айильцы, гай'шайн вели выючных лошадей. Морейн удивилась, поняв, что ее уже миновали и цистерны-фургоны Кадира, – она и не знала, что взор ее так долго приковывала площадь.

– Какой? – спросила она, поворачивая кобылу в хвост колонне; Ранд со своим эскортом уже покинул город.

– Встревоженной, – без обиняков заявил Лан, все с тем же непроницаемым лицом, будто высеченным из камня. – Напуганной. Никогда не видел тебя испуганной, даже когда на нас толпами лезли троллоки и мурддраалы, даже когда ты узнала, что Отрекшиеся освободились, а Саммаэль чуть ли не дышит нам в затылок. Конец близок?

Морейн вздрогнула и сразу пожалела об этом. Хоть Страж и смотрел вперед, поверх ушей своего жеребца, этот человек никогда ничего не упускал из виду. Иногда ей казалось, что он в состоянии заметить, как за его спиной падает лист.

– Ты имеешь в виду Тармон Гай'дон? Малиновка в Селейзине знает больше меня. Ниспошли Свет, чтобы до этого было далеко и чтобы пока все печати оставались целыми.

Те две печати, которые были у Морейн, теперь тоже лежали в одном из Кадириновых фургонов – каждая упакована в отдельный бочонок, набитый шерстью. Погрузили эти бочонки не в тот фургон, где находилась дверная рама из краснокамня, а в другой – Айз Седай проследила за этим особо.

– А о чем еще я мог спрашивать? – медленно сказал Страж, по-прежнему не глядя на Морейн, отчего той захотелось откусить себе язык. – Ты становишься... нетерпеливой. Я хорошо помню, как ты неделями ждала, чтобы заполучить крошечный обрывок каких-нибудь сведений, одно слово. Ждала, не шевеля мизинцем, не моргнув глазом, а сейчас... – Он посмотрел на нее – от такого взгляда голубых глаз большинство женщин бросило бы в холодную дрожь от страха. Да и большинство мужчин. – Морейн, та клятва, что ты дала мальчишке... Света ради, что на тебя нашло?

– Лан, его все дальше и дальше утягивает от меня, а я должна быть рядом с ним. Ему необходима моя помощь. Вся, какую я могу ему дать. И потому я пойду на все, чтобы направлять его действия, разве что в постель к нему не лягу. – Кольца дали ей знать, что подобный поступок обернется бедствием. Не то чтобы она всерьез рассматривала такую возможность – сама мысль об этом шокировала ее, но в этих кольцах ей явилось, что она будет обдумывать такой вариант – или могла бы склоняться к нему. Несомненно, подобная возможность свидетельствует о мере ее отчаяния, и в кольцах она увидела, как такое решение приводит к крушению всего и вся. Морейн сожалела, что, как ни старалась, не могла припомнить больше подробностей, – любая мелочь, какую она могла бы узнать о Ранде ал'Торе, таила ключик к нему. Но в памяти Морейн остался лишь один голый факт: поступи она так – беды не миновать.

– Вероятно, если он велит тебе принести свои комнатные туфли, да еще и трубку раскурить, это весьма укрепит твое смирение.

Морейн уставилась на Лана. Неужели он шутит? Если так, тогда не до смеха. Сама она всегда считала, что не бывает ситуации, когда смирение способно сослужить добрую службу. Суан утверждала, что во всем повинно воспитание в Солнечном дворце, что в Кайриэне надменность въелась в кости Морейн, да так, что та почти не замечает своего высокомерия, – последнее Морейн решительно отрицала. Хотя Суан была дочерью рыбака из Тира, не всякая королева выдержала бы ее взгляд, и для Суан высокомерие других означало противодействие ее собственным планам.

Если Лан пытается шутить, то он меняется – как бы слабы ни были изменения и как бы он ни упорствовал в своих заблуждениях. Почти двадцать лет он следовал за Морейн и, подчас с огромным риском для себя, спасал ей жизнь столько раз, что она со счета сбилась. И всегда он полагал свою жизнь чем-то малым и незначительным, ценной только тем, что он нужен Морейн. Поговаривали, будто он домогается смерти, как жених добивается невесты.

Никогда она не занимала в его сердце места любимой, никогда не испытывала чувства ревности к женщинам, которые, как казалось, кидались ему в ноги. Он столько лет твердил, что у него нет сердца. Но в прошлом году вдруг обнаружил у себя сердце, обнаружил, когда женщина, привязав его к шнурку, повесила себе на шею.

Разумеется, Лан отверг ее. Нет, он отверг не свою любовь к Найнив ал'Мира, некогда Мудрой из Двуречья, а ныне принятой Белой Башни, он просто отказал ей. Заявил, что никогда не сможет принадлежать ей. У него есть только две вещи: меч, который никогда не сломается, и война, которая никогда не закончится; он никогда не преподнесет невесте такой дар. Так он сказал. Что ж, по крайней мере об этом Морейн позаботилась, хотя Лан ни о чем не узнает, пока не наступит время. Узнай он до срока, вероятней всего, попытается все изменить – он ведь глупый, упрямый мужчина, тут уж ничего не попишешь.

– Эта безводная земля, похоже, иссушила твою собственную покорность, ал'Лан Мандрагоран. Где бы найти воды, чтобы вновь пробилась ее ростки?

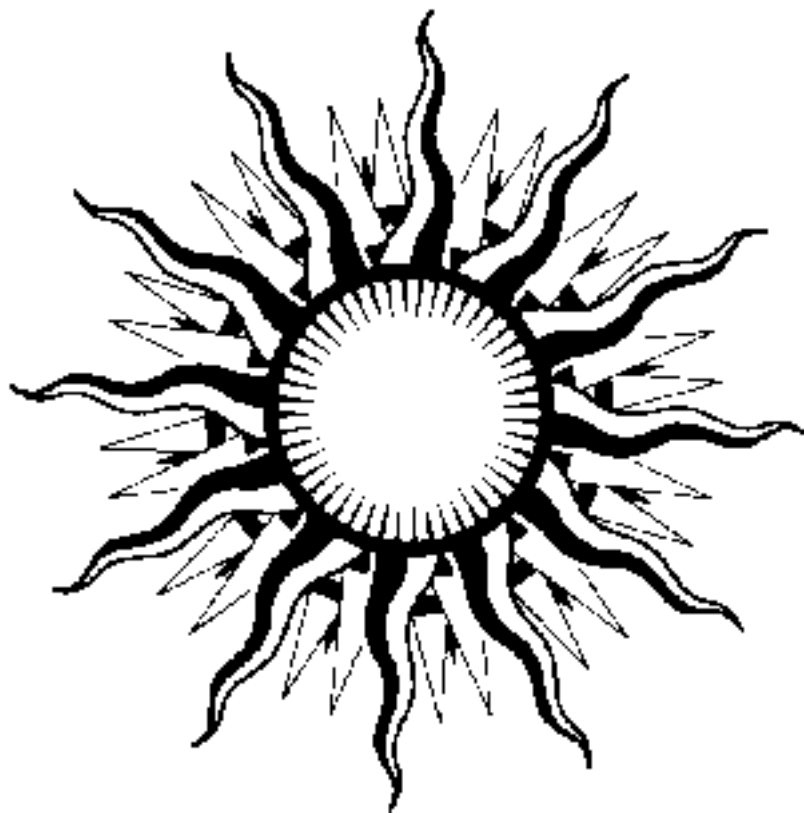
– Моя покорность наточена до бритвенной остроты, – сухо ответил Лан. – Ты никогда не позволяла ей затупиться.

Смочив белый шарф водой из кожаной баклаги, он подал Морейн влажную ткань. Ни слова не сказав, Морейн обвязала ею голову. Из-за гор за спиной всадников уже поднималось солнце – палящий шар расплавленного золота.

Плотная колонна змеей вилась вверх по голому склону Чейндара, хвост ее все еще был в Руидине, тогда как голова, перевалив гребень, направилась вниз – к каменистому, холмистому плато, усеянному скальными шпильями-пиками и утесами с плоскими верхушками. По серым и бурым камням кое-где будто мазнули красно-рыжей или охряной краской. Воздух был так прозрачен, что Морейн видела вдаль на несколько миль даже после того, как всадники спустились с Чейндара. Вздymались к небу громады сотворенных самой природой арок, и со всех сторон вверх устремлялись клыки и когти зубчатых гор. Местность пересекали сухие лощины и овраги, изредка каменистое бесплодие нарушали низенькие колючие кусты да безлистные, ошестинившиеся шипами растения. Колючки и шипы обычно украшали и нечасто встречающиеся деревца, кривые, узловатые и чахлые. Солнце превращало равнину в пышущую жаром печь. Суровая земля, которая выплавляла в своем горниле столь же суровый народ. Но менялся не один Лан, не одного Лана меняли. Морейн очень хотелось увидеть, во что Ранд превратит в конце концов Айил. Впереди у всех долгий путь.

Глава 8

Через границу

Вцепившись одной рукой в сиденье подсакивающего на ухабах фургона, Найнив другой рукой придерживала свою соломенную шляпу. Она всматривалась в даль – позади на дороге стихала яростная пыльная буря. Широкие поля шляпы защищали лицо молодой женщины от утренней жары, но громыхающий фургон неся с такой скоростью, что встречным напором воздуха шляпу едва не срывало с головы, не помогала даже темно-красная лента, затянутая под подбородком. Мимо катились невысокие холмы, низины с редкими перелесками, с выгоревшей под солнцем позднего лета чахлой травой. Поднятая колесами фургона пыль затянула все вокруг, да и в горло ее набилось предостаточно – Найнив едва не закашлялась. Белые облачка в небе беспардонно ввали. Ни капли дождя не пролилось с той поры, как путники выехали из Танчико, хоть и минуло уже несколько недель. Да и колеса купеческих фургонов давно уже не укатывали широкую дорогу – те времена остались в прошлом.

Из плотной, с виду чуть ли не сплошной бурой стены не появился ни один всадник – о чем о чем, а об этом жалеть не стоило. Найнив вышла из себя, разъярясь на разбойников, попытавшихся остановить их фургон, а ведь путники были так близки к тому, чтобы оставить позади безумие Тарабона! Ярость ее угасла, а не рассердившись, она не способна почувствовать Истинный Источник и еще в меньшей степени могла направлять. Но и разгневанную Найнив поразило, какую бурю она оказалась в силах учинить. Преисполненная ярости, она только разбудила вихрь, а дальше буря бушевала сама собой. Буйство стихии изумило своим размахом и Илэйн, но, к счастью, молодая женщина не стала делиться впечатлениями ни с Томом, ни с Джуилином. Да, силы и возможности Найнив возрастали, о чем ей говорили наставницы

в Башне, и наверняка ни одна из них не обладала такой мощью, чтобы успешно противостоять Отрекшейся, как сумела она, но... Но Найнив по-прежнему не могла переступить внутренний барьер. Это ограничение продолжало существовать. Появись грабители сейчас, Илэйн пришлось бы справляться с ними в одиночку, а Найнив этого не хотелось бы. Ее гнев схлынул, но она была готова разжечь новое пламя ярости.

Найнив неловко проползла на четвереньках по парусине, покрывавшей заполнявшие фургон бочонки с красками, протянула руку к одному из бочонков с водой. Они были привязаны вдоль бортов вместе с сундучками, где лежали нехитрые пожитки путников и съестные припасы. Шляпа ее тотчас съехала на затылок, едва удерживаемая лентой. Пальцы Найнив коснулись крышки бочонка – но и только. Чтобы добиться большего, надо отпустить веревку, за которую Найнив цеплялась другой рукой, а судя по тому, как мотает фургон, скорей всего, запросто себе нос расквасишь, если вообще на обочину не вылетишь.

Джуилин Сандар направил поближе к фургону своего длинноногого гнедого мерина, которому дал немислимую кличку – Лентяй. Он протянул Найнив и вложил ей в руку кожаную фляжку; несколько таких же висело у его седла. Молодая женщина благодарно припала к горлышку и стала пить – но отнюдь не изящно. Болтаясь на веревке, точно виноградная гроздь на лозе, которую треплет ветер, Найнив кое-как влила себе в рот с четверть фляжки, еще столько же окатило перед ее добротного серого платья.

Такое платье вполне подходило для купчихи – с высоким воротом, из хорошей ткани, ладно сшитое, но простое, без всяких затей. Правда, излишне дорогой для купчихи выглядела брошь на груди – небольшой кружок из темных гранатов, оправленных в золото. Но брошь – подарок панарха Тарабона; остальные подаренные ей драгоценности, причем много дороже, были спрятаны в тайничке под сиденьем возницы. Найнив носила брошь, чтобы не забывать: даже тех женщин, которые восседают на престолах, порой необходимо взять за шкуру и как следует встряхнуть. Пообщавшись какое-то время с Аmaterой, Найнив теперь с большим пониманием относилась к тому, как Башня обращается с королями и королевами, порой манипулируя ими.

Найнив подозревала, что Аmaterа преподнесла дары не просто так, а пытаясь откупиться от своих избавительниц – дабы те поскорей убралась из Танчико. Она готова была купить им и корабль, лишь бы те и часа лишнего в городе не задерживались, но никто не спешил продавать даже самое тихоходное или протекающее корыто. Те немногие суда, что еще оставались в гавани Танчико и способны были на морской переход, заполнили беженцы. Кроме того, корабль был не только самым быстрым, но и слишком очевидным способом покинуть город, а после всего случившегося Черная Айя, вполне вероятно, всю ищет Найнив и Илэйн. Их же послали выслеживать Черных Айз Седай, а вовсе не затем, чтобы эти приспешницы Темного устраивали им засаду. Посему и фургон, и долгая дорога через охваченную гражданской войной и анархией страну. Найнив уже начинала жалеть, что не настояла на том, чтобы отбыть из Танчико морским путем. Правда, в своих чувствах она ни за что бы не призналась.

Найнив хотела вернуть флягу Джуилину, но тот отмахнулся от ее попытки. Крепкий мужчина, будто вырезанный из темного дерева, не очень уверенно чувствовал себя на лошади. На взгляд Найнив, вид у него и вовсе был нелепый – причем не из-за явно неловкой посадки, а из-за глупой красной тарабонской шляпы, которой он прикрывал прямые черные волосы. Коническая шляпа без полей, высокая, с плоским верхом, не вязалась с темным тайренским кафтаном – тесно облегающим в талии и расширяющимся книзу. Да и вообще Найнив казалось, что вряд ли сыщется хоть кто-то, кому к лицу эта шляпа. Лично ей представлялось, что вид у Сандара такой, точно он таскает на голове кекс.

Жутко неудобно было перелезть к козлам через нагромождение грузов – с кожаной флягой в руке и хлопающей по затылку шляпкой. Вот Найнив и ворчала, проклиная всех сразу: и тайренского ловца воров («Никак не охотника на воров, видите ли!»), и Тома Меррилина

(«Вот ведь кичливый менестрель!»), и Илэйн из Дома Траканд, дочь-наследницу Андора, которую тоже не мешало бы хорошенько за шкуру потрясти!

Найнив хотела сесть на деревянные козлы между Томом и Илэйн, но золотоволосая девушка тесно прильнула к менестрелю, а ее шляпка болталась на спине. Она так вцепилась в руку белоусого старого дурня, словно боялась упасть. Поджав губы, Найнив села рядом с Илэйн, с другой стороны. Хорошо хоть волосы она вновь заплегла в привычную косу, с запястье толщиной и длиной до пояса, – потому, вместо того чтобы вклепить Илэйн по уху, Найнив яростно дернула пару раз свою косу. Девушка как будто стала себя вести разумнее, но иногда казалось, что в Танчико кое-что у нее в голове вверх тормашками перевернулось.

– Они не гонятся больше за нами, – заявила Найнив, водружая свою шляпку на место. – Теперь, Том, можешь и немного помедленнее ехать.

Конечно, крикнуть это можно было и сзади, вместо того чтобы карабкаться по бочонкам, но, представив себе, как ее подбрасывает, мотает из стороны в сторону, а она кричит, чтобы Том ехал помедленней... В общем, такая картина не позволила Найнив обойтись окликом. Она очень не любила попадать впросак, и еще меньше ей нравилось, когда ее видели оказавшейся в глупом положении.

– Надень шляпку, – заметила она Илэйн. – Твоей светлой коже солнце вредно.

Как Найнив и ожидала, девушка пропустила дружеский совет мимо ушей.

– Ты великолепно обращаешься с вожжами, – восхищенно заявила Илэйн Тому, который, натянув поводья, перевел четверку лошадей на шаг. – Ты ни на миг не терял контроля над упряжкой!

Высокий жилистый мужчина глянул на девушку сверху вниз, выгнул густые белые брови, но сказал лишь:

– Впереди кто-то едет, дитя.

Что ж, может, он и не такой дурень.

Найнив всмотрелась в даль – из-за следующей невысокой гряды приближалась колонна верховых в снежно-белых плащах – с полсотни солдат в сверкающих кольчугах и начищенных до ослепительного блеска конических шлемах. Воины сопровождали множество тяжело груженных фургонов. Дети Света. Найнив вдруг явственно ощутила на шее кожаный шнур, на котором у нее под платьем висели два кольца. Тяжелый золотой перстень-печатка Лана, кольцо королей погибшей страны Малкир, ничего не значил для белоплащников, но если они увидят кольцо Великого Змея...

«Вот глупая женщина! Как же они его увидят? Если, конечно, тебе не приспичит раздеться!..»

Найнив быстро окинула острым взглядом своих спутников. Красоту Илэйн никуда не спрячешь, и теперь, когда она отлипла от Тома и принялась завязывать зеленую ленту шляпки, манеры ее более приличествовали тронной зале, а не купеческому фургону, но платье ничем не отличалось от платья Найнив, разве что цветом – оно было синим. Украшений девушка не носила. Подарки Аматы Илэйн обозвала безвкусицей. Ладно, сойдет – сходило же раз пятьдесят после Танчико. Правда, со скрипом. Однако с белоплащниками путники столкнулись впервые. Том, в добротном коричневом плаще, мало отличался от любого из тысячи бело волосых, грубоватых возчиков. А Джуилин – он Джуилин и есть. Охотник на воров знал, что делать, правда ему бы хотелось не в седле сидеть, а твердо стоять на земле, с посохом в руках или с тем мечеломом, что он носит на поясе.

Когда от головы встречной колонны отделилось несколько белоплащников, Том повернул упряжку к обочине и остановил фургон. Найнив растянула губы в приветственной улыбке. Она надеялась, что Чадам Света не понадобится еще один фургон.

– Да осияет вас Свет, капитан, – приветствовала Найнив узколицего воина, явно старшего, – у него одного не было пики со стальным наконечником. Она не представляла, какому

званию соответствуют два золотых банта на груди его плаща, под эмблемой многолучевого солнца, которая имела у всех подъехавших солдат. Однако по опыту знала, что мужчины падки на любую лесть. – Мы очень рады, что встретили вас. В нескольких милях отсюда нас пытались ограбить разбойники, но, к счастью, случилась пыльная буря. Воистину чудесное спасение! Мы едва сумели...

– Ты купчиха? В последнее время не многие купцы приезжают из Тарабона. – Голос узколицего был так же груб, как и его облик, причем вид у него был такой, будто всякую радость и веселье выкипятили из него прежде, чем он вырос из колыбели. Темные, глубоко посаженные глаза источали подозрение, и Найнив не сомневалась: подозрительность ни на миг не покидала его. – Куда направляешься? Что везешь?

– Я везу краски, капитан. – Она изо всех сил старалась улыбаться под пристальным немигающим взглядом и почувствовала облегчение, когда белоплащик ненадолго перевел взор на других. Том весьма удачно делал вид, что устал; чего с него взять – возчик, которому все едино, что стоять, что ехать. А коли Джуилин не сдернул свою нелепую шляпу, что хоть раз стоило бы и сделать, то, по крайней мере, он выказывал праздный интерес – наемный работник, которому нечего скрывать. Когда взор белоплащика упал на Илэйн, Найнив почувствовала, как та напряглась, а потому быстро продолжила: – Это тарабонские краски. Лучшие в мире! В Андоре за них дадут хорошую цену.

По знаку капитана – или кто он там такой? – один из белоплащиков, пришпорив лошадь, подъехал к задку фургона. Разрезав одну из веревок кинжалом, солдат отдернул парусину. На свет показалось три или четыре бочонка.

– Лейтенант, на них есть клеймо. Выжжено: «Танчико». На этом вот еще метка – «бордовая». Желаете, чтобы я вскрыл парочку?

Найнив надеялась, что офицер как надо истолкует тревогу на ее лице. Даже не глядя на Илэйн, она чувствовала, как той хочется одернуть солдата за его дурные манеры, но любой настоящий купец взволнуется, если краски окажутся открыты всем ветрам, жаре или дождю.

– Капитан, если вы покажете, какой требуется открыть, я с превеликим удовольствием сама это сделаю. – (Белоплащик будто ничего не слышал – ни лести Найнив, ни ее просьбы.) – Понимаете ли, бочонки запечатаны – чтобы вода не попала и пыль не забила. Если сломать крышку, то мне ее ни за что потом заново воском не закрыть.

Колонна фургонов поравнялась с путниками и миновала их в клубах пыли. Возчики одеты просто, да и внешность у них невыразительная, но солдаты сидели в седлах прямо и неподвижно, будто замерев, длинные стальные пики наклонены под одинаковым углом. Даже запыленные лица, покрытые капельками пота, не умаляли суровости и жестокости их облика. На Найнив и ее спутников едва глянули только возчики.

Лейтенант белоплащиков рукой в боевой перчатке смахнул с лица пыль, потом жестом отозвал солдата от фургона. Теперь его глаза неотрывно буравили Найнив.

– Вы едете из Танчико?

Найнив кивнула, вся – воплощенная открытость и искренность:

– Да, капитан, из Танчико!

– Что вам известно? Что в городе? У нас ходили разные слухи.

– Слухи, капитан? Когда мы уезжали, порядка там почти не осталось. В городе полно беженцев, а за его стенами – бунтовщики да шайки разбойников. Торговли считай что и нету. – Это была правда – голая и чистая правда. – Вот потому-то в эти дни за краски дадут хорошую цену. Думаю, тарабонских красок долго еще ждать придется.

– Купчиха, мне нет дела ни до беженцев, ни до торговли, ни тем паче до красок, – не повышая голоса, заметил офицер. – Андрик по-прежнему на троне?

– Да, капитан. – Очевидно, распространились слухи, будто кто-то захватил Танчико и сверг короля. Наверное, так и было. Но кто? Один из мятежных лордов, которые сражаются

друг против друга с не меньшим ожесточением, чем против Андрика? Или преданные Дракону – те, кто поклялся в верности Возрожденному Дракону, даже не видя его? Поэтому Найнив сказала: – Андрик по-прежнему король, а Амата – панарх. Когда мы уезжали, было так.

В глазах белоплащника не было особой веры – он явно считал, что она могла и наврать.

– Поговаривают, не обошлось без тарвалонских ведьм. Вы видели Айз Седай? Или что-то о них слышали?

– Нет, капитан, – быстро ответила Найнив. Кольцо Великого Змея, будто раскаленное, жгло кожу. Пятьдесят белоплащников, только руку протянуть. На сей раз и пыльная буря не спасет, тем более – сколько бы сама Найнив ни отрицала это – она была куда больше напугана, чем разгневана. – Честным купцам незачем с ними якшаться! – Белоплащник кивнул, и Найнив набралась храбрости на вопрос. Лишь бы сменить тему. – Если позволите, капитан... Мы уже в Амадиции?

– Граница в пяти милях к востоку, – громко произнес белоплащник. – В настоящее время. Первая деревня, в которой вы окажетесь, называется Мардецин. Подчиняйтесь закону, и все будет хорошо. Там есть гарнизон Чад Света. – Последнее он огласил так, будто гарнизон только и делает, что неусыпно бдит, дабы все подчинялись закону.

– Вы тут будете новую границу устанавливать? – вдруг холодно поинтересовалась Илэйн; Найнив готова была ее придурить.

Глубоко посаженные подозрительные глаза впелись теперь в Илэйн, и Найнив торопливо заговорила:

– Простите ее, милорд капитан. Это дочка моей старшей сестры. Ей втемяшилось, будто она должна была родиться благородной особой, да вдобавок она все к мальчикам льнет. Потому-то сестра, ее мать, ко мне девчонку и отослала.

Илэйн не сдержала возмущенного оха. Ее негодование вполне могло оказаться настоящим. Найнив подумала, что про мальчиков она зря добавила, не стоило, наверное, но эти слова показались очень даже уместными, просто сами с языка соскользнули.

Белоплащник еще недолго сверлил женщин взглядом, потом сказал:

– Лорд капитан-командор посылает провизию в Тарабон. Иначе тарабонская шваль хлынет через границу и примется красть все, что сгрызть способна. Ступайте в Свете, – добавил он напоследок, развернул коня и галопом поскакал в голову колонны. Последние его слова были никак не пожеланием и не благословением.

Едва офицер ускакал, Том тронул вожжи, и фургон покати́л вперед, но все молчали, разве что откашливались, пока последний солдат и клубы поднятой фургонами пыли не оказались далеко позади.

Промочив горло водой из кожаной фляги, Найнив сунула ее в руку Илэйн.

– Что тебе в голову взбрело? – потребовала она ответа у девушки. – Мы же не в тронном зале твоей матушки! Да и не ей же, в конце концов, отвечать за твои слова!

Илэйн опустошила фляжку и соблаговолила ответить:

– Найнив, ты же чуть не пресмыкалась! – Она заговорила нарочито высоким голосом, изображая раболепие: – Я очень хорошая и послушная, капитан. Можно мне облобызать вам сапоги, капитан?

– Мы должны вести себя как купцы, а не как переодетые королевы!

– Купцам незачем подхалимничать! Тебе повезло, что он не подумал, будто мы что-то скрываем! Ты же так перед ним заискивала!

– Купцы и не станут нос задирать и смотреть свысока на пятьдесят белоплащников с пиками! Или ты думаешь, что, если понадобится, мы с помощью Силы запросто с ними разделаемся?

– А зачем ты сказала, что я парням прохода не даю? Вовсе незачем было так говорить, Найнив!

– Да я готова была наговорить с три короба, лишь бы отвязаться от него и убраться подальше! А ты!..

– Ну-ка, заткнитесь! Обе! – рявкнул вдруг Том. – А то они вернутся проверить, кто из вас кого убивает!

Найнив повернулась на деревянном сиденье, оглядываясь на дорогу, прежде чем сообразила, что белоплащники слишком далеко, – вопи как резаная, они не услышат. Хотя... может, они и впрямь так орали. Слабым утешением для Найнив было то, что Илэйн тоже обернулась.

Найнив крепко сжала свою косу и сердито воззрилась на Тома, но Илэйн прижалась к нему, взяла под руку и чуть ли не заворковала:

– Да, Том, ты прав. Прости, что я голос повысила.

Джуилин искоса поглядывал на происходящее, старательно делая вид, будто вовсе не смотрит, но у него хватило ума придержать своего коня и не приближаться к спорщикам, дабы случайно не попасть под горячую руку.

Отпустив косу, чтобы ненароком не выдрать волосы с корнем, Найнив поправила шляпку и выпрямилась, глядя вперед, на дорогу. Что бы девчонка ни вбила себе в голову, самое время выбить из нее эту блажь.

Границу между Тарабоном и Амадицией отмечали только высокие каменные столбы по сторонам дороги. Кроме фургона Найнив, никакого движения по дороге не было. Холмы понемногу начали повышаться, но в остальном местность не изменилась – бурая трава и кусты с немногими зелеными листочками да еще редкие сосны, мирты, ели. По склонам и низинкам виднелись среди обнесенных каменными оградами полей каменные же фермерские домики с соломенными крышами, но вид у них был заброшенный. Не вился над трубами дымок, не работали на полях люди, не паслись коровы и овцы. Иногда немногие курицы рылись во дворах, но при приближении фургона они, уже одичавшие, опрометью бросались прочь. Видимо, обыватели мало надеялись на гарнизон белоплащников – никому не хотелось жить так близко к границе, в страхе перед тарабонскими грабителями.

Когда на гребне холма показался Мардецин, солнцу еще долго предстояло карабкаться по небосводу к зениту. Для деревни поселение выглядело слишком большим – почти в милю длиной, оно оседлало небольшую речушку с мостиком, бегущую между двух холмов; черепичных крыш тут было не меньше, чем соломенных, и на широких улицах царил суматоха.

– Нужно закупить припасов, – заявила Найнив, – но управиться по-быстрому. До ночи можно еще далеко уехать.

– Найнив, мы все устали, – сказал Том. – От первого света до темноты – и так каждый день почти месяц. Один день отдыха не помешает. Какая разница, ну доберемся до Тар Валона днем позже.

В его голосе не слышалось усталости. Скорей всего, он не прочь сыграть на своей арфе или флейте в какой-нибудь таверне – видать, предвкушал дармовую выпивку, когда благодарные слушатели кинутся ему вино покупать.

Джуилин приблизился к фургону и добавил:

– Я бы с радостью ноги размял с денек. А то и не знаю, что хуже – это седло или фургонное сиденье.

– Думаю, лучше подыскать гостиницу, – сказала Илэйн, глядя снизу вверх на Тома. – Хватит с меня ночевок под фургоном. Я бы лучше послушала, как ты в общей зале рассказываешь какие-нибудь истории.

– Купец с одним фургоном не намного богаче обыкновенного торговца, – отрезала Найнив. – В таком городке ему гостиница не по карману.

Она не знала, права или нет, но, как бы ей самой ни хотелось принять ванну и улечься на чистые простыни, Найнив не позволит девчонке идти на поводу у Тома. Но едва слова слетели

у нее с языка, как Найнив поняла, что сама поддалась на не такие уж и настойчивые уговоры Тома с Джуилином. «От одного дня ничего не убудет. До Тар Валона еще долгий путь».

Нет, зря она не настояла на корабле. На быстром судне, на том гонщике Морского народа: всего за треть того срока, что путники пересекали Тарабон, они уже добрались бы до Тира. Ведь обеспечить попутный ветер труда не составит, тем более с хорошей Ищущей Ветер из Ата'ан Миэйр. А если что, с такой задачей справится и Илэйн, и сама Найнив. А в Тире известно, что Найнив с Илэйн – друзья Ранда, и она надеялась, что тамошних лордов до сих пор при имени Дракона Возрожденного от страха пот прошибает. Нет сомнений, они по первому требованию предоставят коляску и эскорт для путешествия в Тар Валон.

– Найдите местечко для лагеря, – нехотя сказала Найнив.

Нет, надо было настоять на своем и отправиться морем. Сейчас они уже были бы в Башне.

Глава 9

Сигнал

Найнив нехотя признала, что Том с Джуилином подобрали хорошее местечко для стоянки – в густых зарослях на восточном склоне, всего в миле от Мардецина. Поляна была усыпана палой листвой, от дороги и от деревни фургон заслоняли редкие сургамы да невысокие ивы с поникшими ветвями, а из-под камней у гребня возвышенности сбегал ручей футов двух шириной. Засохшее илистое ложе ручья было раза в два шире. Воды путникам хватит. Под деревьями было немного прохладнее, приятно обдувал легкий ветерок.

Когда мужчины, напоив лошадей, стреножили их и пустили попасть на редкой травке выше по склону, они подбросили монетку, чтобы решить, кому в компании с тощим гнедым мерином отправиться в Мардецин за припасами. Игра в «коронку» стала у них изощренным ритуалом. Когда крону подбрасывал Том, он неизменно выигрывал – его ловкие пальцы, привыкшие исполнять замысловатые фокусы, ни разу его не подвели. Поэтому теперь монету всегда подбрасывал Джуилин.

Тем не менее сейчас победил Том. Он стал расседлывать Лентя, а Найнив с головой залезла под козлы и поясным ножом приподняла половицу. В тайнике, не считая двух маленьких золоченых сундучков с подаренными Аmaterой украшениями, лежало несколько кожаных кошель, туго набитых монетами. Панарх проявила неслыханную щедрость – лишь бы поскорее увидеть спины своих спасительниц. По сравнению с этим богатством остальное выглядело пустяковинами: маленькая шкатулочка из темного дерева, хоть и полированная, но без резьбы и позолоты, и замшевый мешочек, в котором по очертаниям угадывался уплощенный диск. В

шкатулочке лежали два тер'ангриала, отобранные у Черной Айя, оба связанные со сном, а в мешочке... В мешочке хранился трофей из Танчино. Одна из печатей узилища Темного.

Из-за этой-то печати Найнив и торопилась в Тар Валон. И еще она хотела узнать у Суан Санчей, где дальше выслеживать Черную Айя. Выгребая монеты из кошель, Найнив старалась не касаться плоского мешочка – чем дольше она хранила его, тем больше ее снедало желание вручить ценную добычу Амерлин и позабыть о печати. Порой, оказавшись рядом с диском, она будто чувствовала, как ворочается Темный, пытаясь пробиться на волю.

Найнив смотрела вслед Тому – тот отправлялся в поселок с карманом серебра и строгим наказом отыскать немного фруктов, овощей и зелени. Похоже, будь мужчины предоставлены себе, они не покупали бы ничего, кроме мяса и бобов. Том, прихрамывая, вел коня к дороге. Найнив поморщилась. Старая рана, и, как заявила Морейн, теперь с ней уже ничего не сделать. Слова эти мучили Найнив так же, как и хромота менестреля. Ничего не сделать.

Уходя из Двуречья, Найнив поставила себе целью защитить своих юных односельчан, уведенных в ночь из деревни какой-то Айз Седай. Когда она отправилась в Башню, к надежде, что еще можно как-то уберечь их от бед, добавилось стремление поквитаться с Морейн за все, что та сделала. Однако мир с тех пор переменялся. Или, быть может, сама Найнив теперь чуточку по-иному смотрела на мир. «Нет, не я изменилась, не я. Я такая же, какой была, другим стало все вокруг».

Теперь же ей оставалось только изо всех сил защищать себя. Ранд – он стал тем, кем стал, и возврата к прошлому нет. Эгвейн упрямо идет своей дорогой, не позволяя ничему и никому удержать себя, пусть даже путь ее ведет к обрыву, на край пропасти. У Мэта теперь одно в голове – женщины, гулянки, азартные игры. К своему отвращению, изредка Найнив даже ловила себя на том, что сочувствует Морейн. Хорошо хоть Перрин отправился домой, – по крайней мере, так ей передала Эгвейн, которой об этом, в свою очередь, сказал Ранд. Наверное, хоть Перрину ничто не угрожает.

Выслеживать злодеек из Черной Айя для Найнив было делом нужным, правильным, и оно доставляло ей удовольствие, – правда, страх она тоже испытывала, хотя и старательно скрывала. Ведь она взрослая женщина, а не девчонка, которая при малейшей опасности прячется под мамкину юбку. Но не в этом была главная причина, почему Найнив с таким упорством – иногда будто головой о стену билась – старалась научиться владеть Силой, пусть сама большую часть времени направлять могла не лучше Тома. Причиной был талант, называемый Целительством. Мудрой Эмондова Луга отрадно было видеть, как Круг женщин склоняется перед ее убеждениями и делает так, как ей угодно, – особенно учитывая, что большинство из Круга ей в матери годились. Будучи всего несколькими годами старше Илэйн, Найнив была самой молодой Мудрой во всем Двуречье. А уж когда Совет деревни под ее нажимом поступал, как и должно поступать, становилось так приятно... Ведь эти мужчины такие упрямы!.. И все же наибольшие удовлетворение и радость Найнив получала, когда находила нужные сочетания лекарственных трав и поднимала на ноги больных. Но Исцелять при помощи Единой Силы... Бывало, ей это удавалось – по наитию, словно ошупью, когда не помогали прочие ее умения. Тогда от радости у нее слезы на глаза наворачивались. Она хотела когда-нибудь Исцелить Тома и увидеть его танцующим. Когда-нибудь она Исцелит даже ту рану на боку у Ранда. Наверняка нет ничего, чего нельзя Исцелить, не должно быть такого! Любую рану можно Исцелить – если женщина, владеющая Силой, настроена самым решительным образом.

Отвернувшись от Тома, Найнив увидела, что Илэйн наполнила водой ведро, обычно висевшее под фургоном, и теперь, стоя на коленях, умывается. Чтобы не замочить платье, девушка накинула на плечи полотенце. Найнив тоже была не прочь умыться. В такую жару одно удовольствие освежиться холодной водой из ручья. Слишком часто воды для такой радости не хватало – у путников вода была только в бочонках, привязанных к фургону, да и та предназначалась не для умывания, а для питья и стирания.

Джуилин сидел, привалившись спиной к фургонному колесу, прислонив рядом с собой посох из светлого узловатого дерева, толщиной в дюйм. Он опустил голову на грудь, предусмотрительно надвинув на глаза свою дурацкую шляпу, но Найнив и один к одному бы не поставила, что в этот утренний час он спит. Были вещи, о которых Джуилин с Томом не знали, а кое о чем им лучше и не знать.

Найнив расположилась возле Илэйн; затрещал плотный ковер из палых листьев сургама.

– Ты думаешь, Танчико и в самом деле пал? – Девушка, медленно протирая намыленной тряпицей лицо, не ответила. Найнив заговорила опять: – По-моему, Айз Седай, о которых говорил тот белоплащик, – это мы.

– Вероятно. – Голос Илэйн был холоден – так с престола оглашают приговор. Глаза ее напоминали голубые льдинки. На Найнив девушка не глядела. – И скорей всего, сообщения о том, что мы сделали, потонули в путанице прочих слухов. Сейчас в Тарабоне запросто может быть и новый король, и новый панарх.

Найнив держала свой характер в узде, а руки – подальше от косы. Вместо косы ее пальцы сжали колени. «Ты же хочешь с ней помириться. Так что следи за языком».

– Аматера, конечно, не сахар, но мне бы не хотелось, чтобы с ней случилось что-то дурное. А ты как считаешь?

– Красивая женщина, – заметил Джуилин, – особенно если нарядится в одно из тех тарабонских платьев для прислуги и мило улыбнется. По-моему, она...

Заметив, что женщины воззрились на него, он надвинул шляпу еще глубже, вновь прикинувшись спящим. Найнив с Илэйн переглянулись, у Найнив мелькнула, похоже, та же мысль, что и у подруги: «Ох уж эти мужчины!»

– Что бы ни случилось с Аматерой, Найнив, теперь она осталась в прошлом. – Илэйн заговорила почти обычным тоном. Рука с тряпицей замедлила движения. – Я желаю ей всего хорошего, но главным образом надеюсь, что у нас за спиной нет кого-то из Черной Айя. То есть я хочу сказать, что они не гонятся за нами.

Джуилин, не подняв головы, заерзал. Он до сих пор чувствовал себя неуютно, узнав, что Черные Айз Седай – не досужие уличные байки, а существуют на самом деле.

«Пусть радуется, что не знает всего, что известно нам». Найнив признавала, что с логикой в этой мысли не очень-то хорошо, но если он узнает, что Отрекшиеся освободились, то даже глупое поручение Ранда приглядывать за ними, за ней и Илэйн, не удержит Сандара и он сбежит куда глаза глядят. Тем не менее иногда он бывал полезен. И он, и Том. Именно Морейн отправила с девушками Тома, а для заурядного менестреля тот слишком хорошо знал мир.

– Если б гнались, они уже настигли бы нас. – Это была совершеннейшая правда, принимаемая во внимание скорость этой неуклюжей колымаги. – Если повезет, они еще долго не узнают, кто мы такие.

Илэйн кивнула, мрачная, но опять прежняя, и принялась смывать мыло с лица. Решительностью она могла поспорить и с двуреченкой.

– Наверняка Лиандрин со своими товарками сбежала из Танчико. Если не со всеми, то со многими. И нам по-прежнему неизвестно, кто в Башне отдает приказы Черным сестрам. Как сказал бы Ранд, нам, Найнив, еще кое-что надо сделать.

Найнив невольно поморщилась. Да, верно, у них есть список из одиннадцати имен, но по возвращении в Башню любая Айз Седай, с которой они заговорят, может оказаться из Черной Айя. Как и любая, с которой они столкнутся на пути в Тар Валон. Впрочем, каждый встречный может быть приспешником Тьмы, но это не одно и то же, хотя разница и невелика.

– Больше, чем о Черной Айя, – продолжала Илэйн, – я беспокоюсь о М... – Найнив быстро коснулась руки девушки и кивнула на Джуилина. Илэйн поперхнулась, а потом продолжила, будто оправившись от кашля: – О матушке. У нее нет причин тебя любить, Найнив. Скорее наоборот.

– Она далеко отсюда. – Найнив порадовалась, что голос у нее не дрогнул. Говорили они не о матери Илэйн, а об Отрекшейся, которую Найнив одолела в противоборстве. В глубине души она очень надеялась, что Могидин далеко. Очень и очень далеко.

– А если нет?

– Она далеко, – твердо отрезала Найнив, но поежилась. Какой-то частью сознания она понимала, как унизила ее Могидин, и ничего так не желала, как вновь встретиться с этой женщиной и вновь ее победить и на этот раз взгреть как следует. Только вот что будет, коли Могидин ее саму застанет врасплох, нападет, когда Найнив не будет настолько рассержена, чтобы направлять Силу? Разумеется, то же самое верно и в отношении любого из Отрекшихся и, кстати, любой Черной сестры, но после поражения в Танчику у Могидин есть особая причина ненавидеть Найнив. Вообще-то, мало приятного в том, что одна из Отрекшихся знает твое имя и к тому же, скорей всего, жаждет твоей головы. «Это же низкая трусость, – резко отчитала себя Найнив. – Трусихой ты никогда не была и не будешь!» Но все равно каждый раз, как Могидин приходила ей на ум, у Найнив начинало чесаться между лопатками, словно та смотрела ей в спину.

– Видимо, оттого, что оглядываюсь через плечо, нет ли бандитов, я разнервничалась, – небрежно заметила Илэйн, вытирая лицо полотенцем. – Ну, в последнее время у меня иногда во сне такое чувство, будто кто-то следит за мной.

Найнив вздрогнула, будто слова девушки были эхом ее собственных мыслей, но потом сообразила, что слово «сон» произнесено с легким нажимом. Не просто во сне, а в Тел'аран'ри-оде. Еще одна вещь, которой не знали мужчины. У Найнив тоже бывало похожее ощущение, однако в Мире снов они частенько чувствовали на себе взор невидимых соглядатаев. Весьма неуютно, но это ощущение девушки уже обсуждали раньше.

Найнив подпустила в голос беспечности:

– Ладно, в этих снах нет твоей матушки, не то бы она нам обеим уши надрала.

Могидин наверняка будет их пытаться и мучить, пока они не взмолятся о смерти. Или выстроит кольцо из тринадцати Черных сестер и тринадцати мурддраалов – так они обратят тебя к Тени против воли, привяжут тебя к Темному. А может, Могидин способна на это и в одиночку... «Не пори чушь, женщина! Если б могла, она давно бы так сделала! Не ты ли ее побила, не помнишь?»

– Надеюсь, что нет, – мрачно ответила Илэйн.

– Ты мне-то умыться дашь? – раздраженно спросила Найнив. Успокоить девушку, конечно, дело хорошее, но можно и без разговоров о Могидин обойтись. Отрекшаяся, должно быть, далеко. Знай она, где ее обидчицы, вряд ли позволила бы им уйти. «Ниспошли Свет, чтоб так оно и было!»

Илэйн опорожнила ведро и наполнила его чистой водой. Когда она вспоминала, что находится вовсе не в королевском дворце в Кэймлине, Илэйн была очень хорошей девочкой. И когда она не вела себя как распоследняя дура. О последнем Найнив решила позаботиться после возвращения Тома.

Насладившись неторопливым умыванием прохладной водой и ополоснув напоследок лицо и руки, Найнив взялась за обустройство лагеря и поручила Джуилину наломать сухих веток для костра. Когда возвратился Том с двумя плетеными корзинами, свисавшими со спины мерина, одеяла Найнив и Илэйн лежали под фургоном, а еще два, для мужчин, – под длинными ветвями двадцатифутовой ивы. Неподалеку гордо красовалась добрая куча хвороста, а возле прогоревшего костра – очищенного от листьев пятачка – остывал чайник, рядом стояли вымытые чашки из глины. Джуилин ворчал себе под нос – его обязали набрать в бочонки воды из крохотного ручейка. Найнив расслышала обрывки его проклятий и порадовалась, что большую часть своих речей Джуилин выдает в виде маловразумительного бурчания. Сидя на оглобле, Илэйн с трудом скрывала свой интерес и напряженно прислушивалась к тому, что

тот бормочет. И она, и Найнив успели, зайдя за фургон, переодеться в чистые платья. Причем случайно цвета их нарядов теперь поменялись.

Стреножив передние ноги мерина, Том легко снял со спины животного тяжелые корзины и принялся их распаковывать.

– Мардецин оказался не таким процветающим, как выглядел издали. – Он опустил на землю сеточку с мелкими яблоками, потом вторую – с какими-то темно-зелеными листовыми овощами. – Торговли с Тарабоном нет, городок хиреет. – Остальными его приобретениями были мешки с сушеными бобами и репой, вяленая с перцем говядина и засоленные окорока. И бутыл из серой глины, запечатанная воском. Найнив решила, что в ней наверняка бренди: оба мужчины вечно жаловались, что вечерами у них нет ничего, чтобы отдохнуть с трубкой. – И пяти шагов не сделаешь, как наткнешься на белоплащника, а то и на двоих. Гарнизон – где-то человек пятьдесят. Казармы за холмом, в том конце городка, за мостом. Солдат здесь явно было больше, но, похоже, Пейдрон Найол отовсюду стягивает в Амадор белоплащников. – Разглаживая согнутым пальцем усы, менестрель ненадолго задумался. – Не понимаю, что он замышляет. – Том не из тех, кому нравится что-то не понимать; обычно ему хватало нескольких часов, проведенных в городке, и он, точно вездесущий хорек, вызывал многое; оказывался в курсе событий в знатных и купеческих домах, вынюхивал об альянсах, интригах, контрзаговорах, которые и составляли суть так называемой Игры Домов. – Все слухи твердят о том, будто Найол пытается остановить войну между Иллианом и Алтарой или, быть может, между Иллианом и Муранди. Не та причина, чтобы отовсюду солдат собирать. Правда, скажу вам такую вещь. Что бы там ни говорил лейтенант, съестные припасы, которые посылают в Тарабон, приобретают на королевский налог. И народ этому не очень-то рад. Еще и тарабонцев кормить...

– Король Айлрон и лорд капитан-командор – не наша забота, – сказала Найнив, разглядывая покупки. Три соленых окорока! – Через Амадицию мы проскочим как можно быстрее и незаметнее. Может, нам с Илэйн посчастливится сыскать побольше овощей, чем тебе. Прогуляться не желаешь, Илэйн?

Та тут же поднялась, разглаживая платье, и достала из повозки шляпку.

– После фургонных козел прогулка будет в самый раз. Вот если б Том с Джуилином почаще давали мне ехать верхом на Лентяе... – Она чуть ли не впервые не одарила менестреля кокетливым взглядом – а это что-то да значило.

Том с Джуилином переглянулись, тайренец вытащил из кармана монету, но Найнив не дала ловцу воров ее подкинуть.

– Мы и сами вполне управимся. Да и какая беда может стрястись, когда порядок блюдет такая уйма белоплащников? – Нахлобучив на голову шляпку, Найнив затянула под подбородком ленту и окинула мужчин твердым взглядом. – Кроме того, купленные Томом припасы надо еще погрузить.

Том и Джуилин кивнули; медленно, неохотно, но они все-таки согласились. Иногда эти двое излишне серьезно относились к своей пресловутой роли защитников.

Вскоре Найнив и Илэйн выбрались на безлюдную дорогу и шагали теперь по обочине, по чахлой травке – чтобы не вздымать пыль. Наконец Найнив решила, как высказать то, что ей хотелось, но не успела она рта раскрыть, как Илэйн сказала:

– Найнив, ты явно хотела переговорить со мной с глазу на глаз. О Могидин?

Найнив заморгала и искоса глянула на подругу. Не стоит забывать, что Илэйн вовсе не дура – только ведет себя по-дурачки. Найнив вновь решила крепко держать свой нрав в узде – иначе разговор, и без того трудный, грозил вылиться в скандальный спор.

– Нет, Илэйн, не об этом. – Илэйн, похоже, считала, что им с Найнив нужно и Могидин присовокупить к объектам охоты. По-видимому, ей не уразуметь разницы между Отрекшейся и, скажем, Лиандрин или Чесмал. – Думаю, нам стоит обсудить, как ты ведешь себя с Томом.

– Не понимаю, о чем ты. – Илэйн смотрела вперед, на городок, но ее выдали внезапно выступившие на щеках алые пятна.

– Он ведь не только вдвое старше и в отцы тебе годится, но и...

– Он мне не отец! – огрызнулась Илэйн. – Мой отец – Тарингейл Дамодред, принц Кайриэнский и первый принц меча Андора! – Поправив шляпку, чего вовсе не требовалось, она продолжила мягче, хотя и не намного: – Извини, Найнив. Я не хотела кричать.

«Терпение», – напомнила себе Найнив.

– Мне казалось, ты влюблена в Ранда. – Найнив старалась говорить понежнее, что далось не без труда. – Те послания, что я по твоей просьбе передала Эгвейн для него, ясно говорили об этом. Надеюсь, ты и ей говорила то же самое.

Румянец на щеках девушки стал гуще.

– Да, я люблю его, но... Найнив, он очень-очень далеко. В Пустыне, окруженный тысячей Дев Копья, готовых исполнять все его приказания. Я не могу ни увидеть его, ни словом с ним перекинуться, ни коснуться его... – Под конец Илэйн уже шептала.

– Не думаешь же ты, будто он на Деву тебя променяет, – недоверчиво промолвила Найнив. – Пусть он мужчина, но не настолько же ветреный. К тому же стоит ему не так глянуть на Деву – и она проткнет его копьем, будь он хоть сто раз этот их рассветный. Так или иначе, Эгвейн говорит, что Авиенда присматривает за ним. И все ради тебя.

– Я знаю, но... Мне нужно быть уверенной, что он знает, как я его люблю. – Голос Илэйн был преисполнен решимости. И тревоги. – Нужно было так ему и сказать.

До Лана Найнив вряд ли заглядывалась на мужчин, по крайней мере с серьезными намерениями, но, будучи Мудрой, многое повидала и узнала. По ее наблюдениям выходило, что это вернейший способ отвадить мужчину на всю жизнь – он удерет во все лопатки, услышав этакое признание! Он сам должен сказать первым.

– По-моему, у Мин было видение, – продолжала Илэйн, – обо мне и о Ранде. Она всегда сводила к шутке, что Ранда, мол, придется с кем-то делить, но, полагаю, это вовсе не шутка. Она просто не могла заставить себя сказать, что на самом деле значит видение.

– Что за нелепость! – Несусветная чушь. Однако в Тире Авиенда рассказывала ей о том отвратительном айильском обычае... «Ты сама делишь Лана с Морейн», – шепнул ей внутренний голос. Но Найнив вскинулась: «Это совершенно другое дело!» – Ты уверена, что у Мин было такое видение?

– Да. Поначалу я не была уверена, но чем больше размышляла, тем больше крепло это убеждение. Слишком часто она шутила на эту тему. Иного толкования ее образы иметь не могут.

Ладно, что бы там ни узрела Мин, Ранд все-таки не айилец. Ну, по крови-то он, может, и айилец, как возвестили Хранительницы Мудрости, но рос-то он в Двуречье, и уж Найнив не останется в стороне и не позволит ему вести себя по этим безнравственным айильским обычаям. Да и Илэйн вряд ли спустит ему такое – в этом Найнив не сомневалась.

– Поэтому ты дразнишь Тома? – Найнив чуть не сказала «вешаешься на шею».

Илэйн покосилась на Найнив, щеки ее вновь зарделись.

– Найнив, между нами тысяча лиг. По-твоему, Ранд на других не заглядывается? «Мужчина, он мужчина и есть, хоть на троне, хоть в хлеву».

У Илэйн имелся почти неисчерпаемый запас поговорок, которыми в детстве ее щедро одарила нянюшка – трезвомыслящая женщина по имени Лини, с которой Найнив очень хотелось как-нибудь встретиться.

– Что ж, почему бы тебе и не пофлиртовать немножко, раз ты считаешь, что и Ранд этим может заняться. – Найнив воздержалась от очередного упоминания о возрасте Тома. «Ведь и Лан в отцы тебе годится», – не преминул ворчливо указать внутренний голос. «Но я в самом деле люблю Лана! Если бы еще выведать, как освободить его от Морейн... Не об этом сейчас

надо думать!» – Илэйн, Том – человек, полный тайн. Не забывай, с нами его отправила Морейн. Кем бы он ни был, он уж точно не простой менестрель, шляющийся по деревням.

– Он был великим человеком, – тихонько произнесла Илэйн. – И мог бы стать еще более великим, если бы не любовь.

Вот тут терпение Найнив лопнуло. В гневе она повернулась к девушке, схватила ее за плечи:

– Этот великий человек не понимает, то ли ему тебя на коленях разложить и отшлепать, то ли... то ли... на дерево влезть!

– Я знаю. – Илэйн сокрушенно вздохнула. – Но я не знаю, что мне делать.

Найнив заскрежетала зубами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вытрясти из головы девчонки всю дурь и чтоб у нее в ушах зазвенело!

– Да если бы твоя мать услышала такое, она бы прислала Лини, чтобы та тебя обратно в детскую уволокла!

– Найнив, я больше не маленькая девочка. – Голос Илэйн был напряженным, а румянец на щеках свидетельствовал вовсе не о смущении. – Я такая же женщина, как и моя мать.

Найнив широким шагом зашагала к Мардецину, побелевшими пальцами вцепившись в свою косу.

Илэйн нагнала ее через несколько шагов:

– Мы и в самом деле за овощами идем? – Лицо у нее было спокойное, голос живой и беззаботный.

– А ты разве не видела, что привез Том? – сдержанно спросила Найнив.

Илэйн картинно содрогнулась:

– Три окорока. И эту жуткую перченую говядину! Неужели мужчины, кроме мяса, ничего не едят, если им тарелку под нос не подсунуть?

Гнев Найнив помаленьку остывал, пока девушки шли и болтали о причудах и недостатках слабого пола – мужчин, естественно! – и обо всем таком. Но гнев угас не до конца. Илэйн ей нравилась, ее общество было приятно Найнив. Порой и впрямь казалось, будто девушка приходится Эгвейн сестрой, как они иногда называли друг дружку. Если бы Илэйн не вела себя как распоследняя вертихвостка. Разумеется, Том давно мог положить конец ее заигрываниям, но старый дурень во всем потакает Илэйн, прощает ей все, как добрый папаша любимой дочурке, даже когда не знает, то ли шикнуть на нее, то ли за сердце хвататься. Так или иначе, Найнив твердо намеревалась выяснить всю подноготную. Не для блага Ранда, а потому, что Илэйн – девушка куда лучше, чем хочет казаться. Она словно подцепила какую-то странную лихорадку. А болезни Найнив привыкла лечить.

По гранитным блокам, мостившим улицы Мардецина, прошли поколения путников, их истерли колеса бесчисленных фургонов, вдоль улиц стояли сплошь кирпичные и каменные здания. Но многие из них пустовали – и жилые дома, и лавки. Кое-где сквозь распахнутые настежь двери Найнив замечала пустые комнаты. Из трех замеченных ею кузниц две были заброшены, а в третьей – у погашенных горнов – кузнец рассеянно протирал промасленной ветошью свои инструменты. В одной гостинице под шиферной крышей, на скамейках перед которой сидели угрюмые люди, зияли выбитые окна. В конюшне, примыкавшей к другой гостинице, скособоленные двери висели на скрипучих петлях, а на дворе, распялив оглобли, пылился экипаж, на его высоких козлах дремала жалкая курица. Кто-то в глубине этого постоянного двора играл на биттерне. Мелодия напоминала «Цаплю в полете», но звучала как-то подавленно и безжизненно. Двери третьей гостиницы были накрест заколочены обломанными досками.

По улицам бродили люди, но двигались они точно в летаргическом сне, придавленные зноем. Остывшие лица подсказывали, что на улицу их выгнала лишь привычка, у них не имелось никакой причины выходить из дому. Многие женщины, чьи лица почти полностью скры-

вали большие глубокие капоры, носили платья с потертыми подолами, и не у одного и не у двух мужчин засалены воротники или обтрепаны манжеты длинных, по колено, кафтанов.

Белоплащников на улицах и вправду хватало; если и не так много, как расписывал Том, то предостаточно. Всякий раз, как Найнив ловила на себе взор человека в чистейше-белом плаще и сверкающих доспехах, у нее спирало дыхание. Она понимала, что еще не так долго работала с Силой, чтобы обрести лишенное возраста обличье Айз Седай, но эти люди все равно могут убить ее – тарвалонскую ведьму, объявленную в Амадиции вне закона. Убить только по подозрению, что она как-то связана с Белой Башней. Чада Света шагали сквозь толпу, нисколько, по-видимому, не замечая царящей вокруг явной нищеты. Горожане уважительно уступали им дорогу, в ответ получая в лучшем случае легкий кивок, а зачастую строгое благочестивое напутствие: «Ступай в Свете».

Изо всех сил стараясь не обращать внимания на белоплащников, Найнив сосредоточилась на поисках свежих овощей, но ко времени, когда солнце взобралось в зенит, сверкающим шаром золота прожигая хилые облачка, они с Илэйн обошли городок по обе стороны моста, а сумели набрать лишь небольшой пучок сахарного горошка, несколько крохотных редисок и с полдюжины твердых груш. Всю добычу они уложили в специально купленную корзинку. Наверное, Том и в самом деле искал овощи. В такое время года лотки и тележки лавочников должны бы ломиться от летнего изобилия, но девушки видели по большей части лишь кучки картошки и репы, которые знавали лучшие времена. Размышляя об увиденных на пути к городку опустевших фермах, Найнив терялась в догадках, как здешний люд собирается пережить зиму. И шагала дальше.

Возле двери крытой соломой лавки белоплешей висела комлем вверх ветвь какого-то дерева, с виду походившего на метельник, один из видов ракиты. На ней желтели крошечные цветочки, а веточки на всю длину были обмотаны белой лентой и связаны желтой, с болтающимися длинными концами. Эта ветвь могла быть жалкой попыткой какой-то женщины украсить на праздник свой дом в эту нелегкую пору. Но Найнив полагала иначе.

Остановившись возле заброшенной лавки, над дверью которой сохранилась вывеска с вырезанным на ней разделочным ножом, Найнив делала вид, что в туфлю ей попал камешек и она хочет его вытряхнуть, а сама тем временем украдкой разглядывала швейную мастерскую. Дверь была распахнута, в небольших застекленных окошках виднелись выставленные разноцветные рулоны ткани, но никто не входил и не выходил.

– Тебе никак не вытряхнуть его, Найнив? Ну так сними туфлю.

Найнив резко вскинула голову – она чуть не забыла, что рядом Илэйн. Никто не обращал внимания на двух женщин, и поблизости вроде бы не было никого, кто мог их услышать. Однако она все равно понизила голос:

– Вон та ветка метельника, у двери лавки. Это знак Желтой Айя – сигнал на крайний случай, от кого-то из глаз-и-ушей Желтых.

Ей не пришлось напоминать Илэйн не смотреть на ветвь; девушка лишь чуть скосила глаза на дверь лавки.

– Ты уверена? – тихо спросила она. – И откуда ты это знаешь?

– Абсолютно уверена. Все точно. Болтающийся кончик желтой ленты даже надрезан на три хвоста. – Найнив глубоко вздохнула. Если она не ошибается, этот никчемный пучок веточек означает что-то крайне важное. Если она не права, то поставит себя в глупое положение, а этого она страшно не любила. – В Башне я провела немало времени в разговорах с Желтыми. – Главная цель Желтых – Исцеление; травы Мудрой их интересуют мало – ну зачем нужны травы, если обладаешь способностью Исцелять с помощью Силы? – Одна из них мне и рассказала. Особого греха она в том не видела, поскольку считала, что я выберу Желтую Айя. Кроме того, знак этот не использовался почти три сотни лет. Илэйн, в каждой Айя на самом деле считанные женщины знают, кто у Айя глаза-и-уши, но вывешенная таким образом связка желтых цветков

скажет любой Желтой сестре, что здесь – одна из их соглядатаев и у нее тут есть крайне срочное и важное послание, настолько, что эта женщина рискует обнаружить себя.

– И как мы узнаем, что это за сообщение?

Вот это Найнив понравилось. Вовсе не «Что мы будем делать?». У девочки есть характер.

– Иди за мной, – сказала Найнив, выпрямляясь и покрепче сжимая корзинку. Она надеялась, что помнит все сказанное Шимерин. И надеялась, что Шимерин рассказала ей все. Для Айз Седай толстушка Желтая отличалась излишней суетливостью.

Вдоль стен небольшой мастерской, практически не оставляя свободного места, тянулись полки, заваленные рулонами шелка, штуками тонкой шерсти, мотками ниток, катушками, клубками тесьмы, всевозможной ширины и рисунка лентами и кружевами. На расставленных портновских манекенах красовались наряды – от законченного платья до только что сметанного, от богато вышитого наряда из зеленой шерсти, подходящего для танцев, до жемчужно-серого шелкового одеяния, в котором и при королевском дворе появиться не зазорно. На первый взгляд мастерская всем своим видом свидетельствовала о процветании и удачливости в делах, но от острого глаза Найнив не укрылся легкий налет пыли на складках высокого ворота из воздушных солиндеевских кружев и на большом банте из черного бархата на талии другого наряда.

В мастерской оказались две темноволосые женщины. Одна, молодая и худенькая, взволнованно прижимала к груди рулон бледно-красного шелка и пыталась исподтишка тыльной стороной ладони утереть нос. Ее волосы по моде Амадиции длинными кудряшками ниспадали на плечи, но по сравнению с изысканной прической второй женщины казались спутанным вороньим гнездом. Другая женщина, красивая, средних лет, несомненно, была белошвейкой, о чем безошибочно свидетельствовала ошестинившаяся булавками большая подушечка у нее на поясе. Платье из добротной зеленой шерсти покроем и пошивом призвано было подтвердить ее мастерство, но, чтобы не смущать и не затмить случайно клиентов, она украсила его всего одним рядком вышитых на высоком вороте белых цветков.

Когда в лавку вошли Илэйн и Найнив, обе швеи изумленно ахнули, точно к ним не заходили целый год. Первой оправилась хозяйка, слегка присев в реверансе и рассматривая вошедших с настороженным достоинством:

– Чем могу служить? Я – Ронде Макура. Моя мастерская в вашем распоряжении.

– Мне нужно платье, шитое по лифу желтыми розами, – заявила белошвейке Найнив. – И запомните – никаких шипов, – со смехом добавила она. – Исцелить меня – дело долгое.

Что она говорит – не важно, главное, она вставила два ключевых слова: «желтые» и «исцелять». Все хорошо, если только ветка с цветками не простое совпадение. Если это случайность, придется Найнив придумать причину не покупать вышитое платье. И еще как-нибудь помешать Илэйн поделиться с Томом и Джуилином рассказом об этой прискорбной оплошности.

Темные глаза госпожи Макуры несколько секунд не отрывались от Найнив, потом она повернулась к худенькой девушке и подтолкнула ту вглубь мастерской:

– Ступай на кухню, Люци, и приготовь чая для этих добрых леди. Завари из синей чайницы. Вода еще горячая, хвала Свету! Поживей, девочка! Положи рулон и перестань глаза таращить. Давай шевелись! Синяя чайница, запомнила? Мой лучший чай, – произнесла Макура, поворачиваясь к Найнив; девушка исчезла за дальней дверью. – Видите ли, живу я над мастерской, а кухня у меня в задней части дома.

Сама хозяйка нервно разглаживала юбки, сложив указательный и большой пальцы колючком. В знак кольца Великого Змея. По-видимому, про заказ платья можно забыть.

Найнив повторила тот же жест, чуть погодя – и Илэйн.

– Я – Найнив, а это – Илэйн. Мы видели ваш сигнал.

Женщина задрожала, словно хотела убежать:

– Сигнал? Ах да, конечно.

– Ну? – сказала Найнив. – Что за срочное сообщение?

– Не надо говорить об этом здесь... э-э... госпожа Найнив. Еще войдет кто-нибудь. – (В этом-то как раз Найнив сомневалась.) – Я расскажу вам за чашкой чая. Моего лучшего чая, я ведь говорила?

Найнив переглянулась с Илэйн. Если госпожа Макура не очень-то рвется выкладывать новости, должно быть, они и вправду ужасны.

– Если мы пройдем вглубь дома, – заметила Илэйн, – чужие уши не услышат нашей беседы.

От такого царственного тона белошвейка смолкла и уставилась на девушку. На мгновение Найнив почудилось, будто строгий голос Илэйн пробьет нервозность Макуры, но в следующую секунду глупая женщина опять защебетала:

– Чай вот-вот будет готов. Вода уже вскипела. Мы тут обычно пьем тарабонский чай. Вот потому-то, видимо, я и здесь. Не из-за чая, конечно! Через наш городок идет вся торговля, а с фургонами, что туда, что оттуда, и новости все приходили. Они... вы больше всего интересуетесь вспышками болезней всяких или необычными хворями, но я обнаружила кое-что и меня заинтересовавшее. Я тут немножко занималась... – Она закашлялась и заволновалась пуще прежнего; еще немного – и ее мнущие и терзающие платье пальцы протрут в нем дыру. – Это кое-что о Детях, конечно, но они... вы... вообще-то, не особенно ими интересуетесь.

– На кухню, госпожа Макура, – твердо проговорила Найнив, когда та на миг умолкла, переводя дыхание. Если из-за этих новостей белошвейка сама не своя от страха, то Найнив не станет терпеть проволочек.

Дверь в глубине мастерской приоткрылась, Люци, высунув голову, еле слышным шепотом объявила:

– Готово, госпожа.

– Сюда, госпожа Найнив, – произнесла белошвейка, не переставая теребить платье. – Прошу, госпожа Илэйн.

Мимо узенькой лестницы короткий коридор привел в уютную, аккуратную кухню, на очаге кипел чайник, повсюду высокие шкафчики и буфеты. Между задней дверью и окошком, выходящим в маленький дворик с высоким деревянным забором, висели на стене медные кастрюли. На небольшом столе в центре кухни красовались ярко-желтый заварочный чайник, зеленая мисочка с медом, три пестрые разнокалиберные чашки и прямоугольная синяя фаянсовая чайница. Крышка от баночки лежала рядом. Госпожа Макура схватила чайницу, закрыла и поспешно убрала в шкафчик, в котором уже стояло более двух дюжин банок всяких цветов и оттенков.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласила она гостей, наливая чай. – Прошу вас.

Найнив села на стул с деревянной спинкой, рядом с Илэйн; белошвейка поставила перед ними чашки и метнулась к другому шкафчику за оловянными ложечками.

– Сообщение? – спросила Найнив, когда белошвейка наконец уселась напротив них с Илэйн. Госпожа Макура так нервничала, что даже не притронулась к своей чашке, поэтому Найнив положила немножко меда в свою, помешала ложечкой и отпила. Чай был горячим, но после него оставался свежий мятный привкус. Может, горячий чай успокоит переволновавшуюся женщину, если только она сумеет совладать с собой и донесет чашку до рта.

– Приятный вкус, – пробормотала Илэйн, пригубив. – А что это за сорт?

«Молодец, девочка», – подумала Найнив.

Но руки белошвейки, лежащие возле чашки, задрожали еще сильнее.

– Тарабонский чай. Из мест где-то рядом с Побережьем Тени.

Вздыхнув, Найнив сделала еще глоток, чтобы тоже успокоиться.

– Сообщение, – настойчиво продолжила она. – Вы же не к чаю приглашали, вывесив тот сигнал. Что у вас за срочные новости?

– Ах да. – Госпожа Макура облизнула губы, внимательно оглядела обеих гостей и медленно произнесла: – Послание пришло с месяц назад, со строгим наказом, чтобы его во что бы то ни стало услышала каждая сестра, которая пройдет через городок. – Она вновь облизнула губы. – В Белой Башне примут всех сестер. Башня должна быть едина и сильна.

Найнив ждала продолжения, но женщина молчала. И *это* сообщение крайней важности? Она посмотрела на Илэйн, но девушку, как видно, совсем сморила жара: обмякнув на стуле, она смотрела на свои лежащие на столе руки.

– Это все? – спросила Найнив и вдруг, к своему изумлению, зевнула. Должно быть, зной и ее умаял.

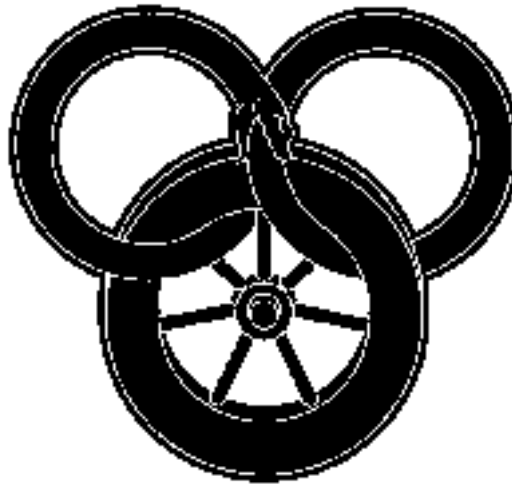
Белошвейка, не отвечая, во все глаза смотрела на нее.

– Я сказала... – начала Найнив, но неожиданно голова ее отяжелела. С трудом удержав ее прямо, Найнив вдруг заметила, что Илэйн, тяжело навалиясь, лежит лицом на столе, глаза закрыты, руки безвольно болтаются. Молодая женщина с ужасом уставилась на чашку в своей руке. – Чем ты нас опоила? – срывающимся голосом спросила Найнив. Во рту по-прежнему ощущался мятный привкус, а язык будто распух и едва ворочался. – Отвечай! – Выронив чашку, она перегнулась через стол, колени у нее подгибались. – Испепели тебя Свет, чем?!

Госпожа Макура со скрежетом отодвинулась вместе со стулом и отскочила от стола, подальше от Найнив, но ее нервозность сменилась выражением спокойной удовлетворенности.

Тьма накатила на Найнив. Последнее, что она услышала, был голос белошвейки:

– Лови ее, Люци!

Глава 10

Фиги и мыши

Илэйн поняла, что ее, ухватив под руки и за лодыжки, несут вверх по лестнице. Глаза девушки были открыты, видеть она видела, но тело могло с тем же успехом принадлежать кому-то другому – ни руки, ни ноги, будто чужие, не слушались ее. Даже моргать удавалось через силу. Мысли точно в перьях увязали.

– Госпожа, она очнулась! – заверещала Люци, чуть не выпустив ноги Илэйн. – Она на меня смотрит!

– Говорила же я тебе, не волнуйся, – раздался голос госпожи Макуры где-то над головой Илэйн. – Направлять она не может, как и ни единым мускулом пошевелить, раз в нее влили чай из корня вилочника. Я случайно это обнаружила, но, как видишь, очень кстати пришлось.

Это было правдой. Илэйн висела в их руках тряпичной куклой, то и дело задевая о ступеньки; направлять она могла с тем же успехом, как и бежать. Ощутить Истинный Источник она в состоянии, но ухватиться за него было все равно что достать из зеркала иголку онемевшими от холода пальцами. На Илэйн накатила панический ужас, по щеке сползла горькая слеза.

Наверное, эти женщины хотят выдать ее белоплащникам на неминуемую казнь, но Илэйн не могла поверить, чтобы белоплащники вынудили этих женщин расставить западню, куда надеялись поймать случайно проходящую Айз Седай. Оставалось только одно – приспешницы Темного, которые заодно с Желтой служат и Черной Айя. Если Найнив не удалось сбежать, Илэйн окажется в лапах Черной Айя. И если она хочет спастись, то надеяться должна только на себя. А она не в силах ни пошевелиться, ни направлять Силу. Вдруг до Илэйн дошло, что она пытается закричать, но издает лишь какое-то тоненькое, булькающее мяуканье. Только собрав все оставшиеся силы и волю в кулак, ей удалось прекратить это хныканье.

Найнив все знала о травах – по крайней мере, неоднократно об этом заявляла. Так почему она не поняла, что за чай им подсунули? «Хватит хныкать! – Твердый голосок где-то в глубине разума Илэйн звучал очень и очень похоже на Лини. – Поросенок, повизгивающий под забором, только привлечет к себе лису, а ему надо бы убежать». Она отчаянно сосредоточилась на простой задаче – обнять саидар. Да, это было простой задачей, но сейчас это для нее все одно что дотянуться до саидин. Илэйн тем не менее продолжала попытки; больше она все равно ничего не могла делать.

А госпожа Макура ни о чем не тревожилась. Когда швеи свалили Илэйн на узенькую кровать в маленькой тесной комнатухе с одним оконцем, она, даже не оглянувшись, сразу вытолкала Люци за порог. Голова Илэйн упала так, что она увидела вторую узкую кровать и высокий комод с потускневшими медными ручками на выдвижных ящиках. Глазами Илэйн еще могла вести, но повернуть голову хоть на волосок было выше ее сил.

Через несколько минут, пыхтя и отдуваясь, женщины вернулись, волоча Найнив, и взгромодили ее на вторую кровать. Лицо у той обмякло и блестело от слез, но темные глаза... В них полыхала ярость – но читался и страх. Илэйн надеялась, что гнев все же преобладает. Найнив, когда *могла* направлять, была сильнее Илэйн, – глядишь, Найнив и справится там, где ее подруга жалко трепыхается, раз от раза беспомощней. Тогда слезы на лице Найнив – слезы гнева.

Велев худенькой девушке остаться, госпожа Макура торопливо выбежала. Вскоре она вернулась, на сей раз с подносом, который поставила на комод. На подносе стояли желтый заварочный чайник, чашка, воронка и высокие песочные часы.

– Люци, запомни: когда в часах высыплется песок, ты должна в каждую из них влить две унции. Не забудь: не позже!

– А почему бы не напоить их сейчас, госпожа? – простонала девушка, ломая руки. – Я хочу, чтобы они опять уснули! Мне не нравится, что они на меня смотрят.

– Они и будут спать как убитые, девочка. Но так они сами идти смогут, когда нам понадобится. Когда настанет время их отправлять, я каждой дам полагающуюся дозу. Потом им придется расплачиваться головной болью и спазмами в желудке, но, думаю, заслужили они куда больше.

– А если они *могут* направлять, госпожа? Что тогда? Вон как они на меня смотрят.

– Хватит вздор молоть, девчонка! – прикрикнула старшая белошвейка. – Если б могли, почему, по-твоему, так тянут? Они беспомощны, как котята в мешке. И останутся такими, пока ты будешь их поить этим чаем. Итак, ты сделаешь все, как я велела, ясно? Мне надо сходить к старику Эви, голубя отправить, а потом еще кое о чем распорядиться. Но я вернусь, как только смогу. А тебе лучше еще один чайник заварить с корнем вилочника. Я выйду через заднюю калитку. Мастерскую закрой. Иначе, не ровен час, забредет еще кто, а этого нам не надо.

После ухода госпожи Макуры Люци постояла, глядя на двух девушек и беспрестанно заламывая руки, потом наконец выскочила вон из комнаты. Ее причитания стихли, удаляясь вниз по лестнице.

Илэйн видела бисеринки пота на лбу Найнив. Девушка надеялась, что взмокла та не из-за жары, а из-за напряженных усилий. «Давай же, Найнив!» Сама Илэйн тоже тянулась и тянулась к Истинному Источнику, с трудом продираясь сквозь пучки спутанной шерсти, которыми будто набили голову, но безуспешно; она тянулась опять, и вновь у нее ничего не получалось, и снова... «О Свет, постарайся, Найнив! Ну же!»

Перед глазами стояли песочные часы – больше ни на что Илэйн не могла смотреть. Песок медленно сыпался вниз, каждая песчинка отмечала очередную неудачу девушки. И вот скатилась вниз последняя песчинка. Но Люци не пришла.

Илэйн напряглась сильнее – стремясь к Источнику, пытаясь пошевелиться. Чуть погода пальцы левой руки дрогнули, двинулись. «Да, вот так!» Еще несколько минут – и она сумеет

приподнять руку. Ладонь оторвалась от покрывала на долю дюйма и упала обратно – но Илэйн сумела ее поднять. Девушка с трудом чуточку повернула голову.

– Борись, – сдавленно, еле понятно прошамкала Найнив. Пальцы ее крепко сжимали покрывало, – по-видимому, она пыталась сесть. Даже голова не шелохнулась, но она старалась изо всех сил.

– Борюсь, – попыталась сказать Илэйн, но для ее слуха это прозвучало скорее бурчанием.

Медленно она исхитрилась-таки приподнять руку настолько, чтобы увидеть ее, и задержала в таком положении. Торжествующая радость дрожью отозвалась в теле. «Бойся нас, Люци. Побудь еще недолго на кухне, и тогда...»

Дверь с грохотом отворилась, и изнемогающая от усилий Илэйн чуть не разрыдалась с досады – в комнатушку влетела Люци. А ведь так близка была удача. Девушка-белошвейка бросила взгляд на пленниц и с воплем кинулась к комоду.

Илэйн попыталась бороться с ней, но, сколь бы хрупка ни была Люци, она без всякого труда отмахнулась от слабосильных рук и с легкостью всунула воронку между зубами пленницы. Белошвейка тяжело дышала, словно после долгого бега. Холодный горький чай наполнил рот Илэйн. Она в ужасе смотрела в лицо Люци, на котором застыл неменьший страх. Но Люци зажала Илэйн рот и с ухмылкой мрачной решимости хлопала ее по горлу, пока та не проглотила. Илэйн тонула в навалившемся мраке, как сквозь вату слыша бульканье жидкости и слабые протесты Найнив.

Когда глаза Илэйн открылись, Люци не было, а через стеклянную горловину тонкой струйкой сбегали песчинки. Темные глаза Найнив были вытаращены – то ли от страха, то ли от ярости. Нет, Найнив ни за что не сдастся. Этим качеством подруги Илэйн восхищалась, как и еще некоторыми. Найнив не отступится, даже если голова ее будет лежать на плахе. «Да наши головы *уже* на плахе!»

Илэйн стало стыдно, что она настолько слабее Найнив. Когда-нибудь ей суждено стать королевой Андора, а сейчас девушке от ужаса взвыть хотелось. Но она не завоет, даже в мыслях; Илэйн упрямо продолжала попытки пошевелить хоть пальцем, попытки пробиться к саидар, коснуться ее. Разве может она быть королевой, коли так слаба? Вновь она тянулась к Источнику. И еще раз. Опять. Наперегонки с песчинками. Вновь и вновь.

И еще раз опустела верхняя половинка часов, а Люци не было. Опять, столь же медленно, Илэйн сумела поднять руку. А потом – голову! Пусть даже она тут же шлепнулась обратно. Девушка услышала, как что-то бурчит Найнив, и сумела разобрать большинство слов.

Опять громыхнула дверь. Илэйн приподняла голову, с отчаянием взглянула на нее – и охнула. Будто герой одного из своих сказаний, там стоял Том Меррилин. Одной рукой он крепко сжимал за загривок полуобморочную Люци, а в другой держал наготове нож. Илэйн радостно засмеялась, хотя смех ее больше походил на карканье.

Том грубо толкнул Люци в угол:

– Сиди там, не то я тебе шкуру попорчу! – Два шага – и он очутился возле Илэйн, нежно погладил ее по голове, откинул с лица девушки прядку волос. Морщинистое лицо исказили тревога и боль. – Чем ты их опоила, девчонка? Отвечай – или...

– Не она, – пробормотала Найнив. – Другая. Она ушла. Помоги встать. Надо походить.

Как почудилось Илэйн, Том отошел от нее без особого желания. Он опять пригрозил ножом Люци – та сжалась в неподвижный комочек. Потом нож мгновенно исчез в рукаве менестреля. Рывком подняв Найнив на ноги, Том начал прохаживаться с ней туда-сюда – те несколько шагов, что позволяла узкая комната. Найнив, шаркая и навалившись на менестреля, неуклюже переставляла ноги.

– Рад слышать, что эта перепуганная кошечка не словила вас в западню, – произнес Том. – Если б она оказалась той... – Он покачал головой. Вряд ли он поймет многое, даже скажи Найнив ему правду; сама Илэйн ничего не скажет. – Она рванула вверх по лестнице в такой

панике, что и не услышала, как я иду следом. Но другая ускользнула... Плохо. И как Джуилин ее не заметил? Она что, сюда других приведет?

Илэйн перекадилась на бок.

– Не думаю, Том, – промямлила она. – Она не может допустить... чтобы многие... узнали о ней. – Еще минута-другая – и она сумеет сесть. Илэйн в упор глядела на Люци – ту была мелкая дрожь, она вжималась в стену. – Белоплащники... схватят ее, как и нас... без промедления.

– Джуилин? – произнесла Найнив. Голова ее мотнулась, когда она вскинула сердитый взор на менестреля. Хотя говорила она уже без помех. – Я же вам обоим велела оставаться с фургоном!

Том раздраженно раздул усы:

– Ты велела нам погрузить припасы, а двоих для такой работы слишком много. Джуилин отправился за вами. Когда же никто из вас троих не вернулся, я последовал за ним. – Он фыркнул. – Даже если б здесь засел с десяток мужчин, Джуилин все равно готов был в одиночку кинуться вам на выручку. Лентяя он привязал за домом. Очень хорошо, что я решил ехать верхом. Думаю, лошадь не помешает. Надо же вас отсюда увезти.

Илэйн обнаружила, что может сесть, пусть с трудом, цепляясь руками за покрывало. Однако попытка подняться чуть не опрокинула девушку навзничь на кровать. Саидар, как и раньше, оставалась недостижима, а голова по-прежнему напоминала набитую гусиным пером подушку. Найнив стала держаться немного прямее, она уже отрывала ноги от пола, но все еще висела на Томе.

Несколько минут спустя появился Джуилин, поясным ножом подталкивая впереди себя госпожу Макуру:

– Она явилась через заднюю калитку. Решила, что я вор. Видимо, лучше привести ее сюда.

При виде всей картины лицо белошвейки залило мертвенной бледностью – ее глаза, которые чуть из орбит не полезли, показались много темнее. Она облизнула губы, непрестанно разглаживая юбку и искоса бросая быстрые взгляды на нож Джуилина, словно гадая, не рискнуть ли сбежать. Но по большей части она тарасилась на Илэйн с Найнив. Илэйн полагала, что с равной вероятностью хозяйка швейной мастерской или разрыдается, или рухнет в обморок.

– Туда ее. – Найнив кивком указала в угол, где, обхватив колени руками, по-прежнему дрожала Люци. – И помощи Илэйн. Никогда не слышала о вилочнике, но, похоже, если походить, действие настоя ослабеваает быстрее. Подвигаешься побольше, так и совсем пройдет.

Джуилин острием ножа указал в угол, и госпожа Макура поспешно устремила туда и уселась рядом с Люци, испуганно облизывая губы.

– Я бы не сделала... что сделала... только мне приказали. Поймите же! У меня были приказы.

Осторожно поставив Илэйн на ноги, Джуилин поддерживал ее, и они вместе делали те несколько шагов напротив другой пары, что позволяла комната. Илэйн хотелось бы, чтобы ее держал под руку Том. Рука Джуилина, лежащая у нее на талии, была слишком фамильярной.

– Кто приказал? – рявкнула Найнив. – Кому в Башне ты докладываешь?

Белошвейка выглядела больной, но решительно сжала губы.

– Если не заговоришь, – хмурясь, заметила Найнив, – я отдам тебя Джуилину. Он в Тире выслеживает и ловит воров и знает, как выбивать признания, не хуже допросника-белоплащника. Верно, Джуилин?

– Кусок веревки, чтобы ее связать, – заявил тот, оскалившись в такой злодейской ухмылке, что Илэйн отшатнулась от него. – Тряпок каких-нибудь для кляпа, в рот засунуть, пока не разговорится. Ну, еще масла растительного и соли... – От его смешка у Илэйн кровь в жилах заледенела. – Она заговорит.

Госпожа Макура вжалась в стену, одеревенела, глядя на ловца воров вылезавшими из орбит глазами. Люци тарашилась на Джуилина, будто он обернулся троллоком восьми футов ростом и с полным комплектом рогов и клыков.

– Очень хорошо, – помедлив, заключила Найнив. – Джуилин, на кухне ты найдешь все, что нужно.

Илэйн переводила ошеломленный взгляд с Найнив на ловца воров и обратно. Неужто они задумали?.. Нет, только не Найнив!

– Наренвин Барда, – вдруг вымолвила белошвейка. Потом слова полились из нее, цепляясь одно за другое: – Я отсылаю свои сообщения Наренвин Барде, в гостиницу в Тар Валоне. Она называется «Вверх по реке». Эви Шендар на окраине городка держит для меня голубей. Он не знает, кому я их посылаю и от кого мне приходят записки, да ему и дела до этого нет. У его жены была падучая и... – Она умолкла, вздрагивая и глядя на Джуилина.

Илэйн знала Наренвин, по крайней мере видела ее в Башне. Тоненькая невысокая женщина, о присутствии которой почти сразу забываешь, настолько она тиха и незаметна. И добра. Один день в неделю она разрешала детям приносить к ней на территорию Башни для Исцеления своих кошечек, собачек и прочих любимцев. Вряд ли такая женщина окажется Черной сестрой. С другой стороны, в списке женщин из Черной Айя, известных Найнив и Илэйн, было имя Мариллин Гемалфин. А она питала слабость к кошкам и готова была свернуть с дороги, чтобы позаботиться о заблудших зверюшках.

– Наренвин Барда, – мрачно повторила Найнив. – Мне нужны еще имена – и в Башне, и за ее стенами.

– Я... больше не знаю, – слабым голосом вымолвила госпожа Макура.

– Мы проверим. Давно ли ты стала приспешницей Темного? Сколько ты уже служишь Черной Айя?

Возмущенный вопль сорвался с уст Люци.

– Мы не приспешницы Темного! – Она глянула на госпожу Макуру и бочком отодвинулась от нее. – Я – нет! Я иду в Свете! Да!

Реакция второй женщины была не менее бурной. Если раньше глаза у нее были выпучены, то сейчас они просто на лоб полезли.

– Черной!.. Она и вправду есть? Но Башня всегда отрицала!.. Ну, я спросила у Наренвин, в тот день, когда она выбрала меня служить Желтой, быть для нее глазами-и-ушами, и только на следующее утро я перестала плакать и сумела с кровати слезть. Я... не... не приспешница Темного! Нет! Никогда! Я служу Желтой Айя! *Желтой!*

По-прежнему опираясь на Джуилина, Илэйн озадаченно переглянулась с Найнив. Разумеется, такое обвинение станет отрицать всякий приспешник Темного, но в голосах женщин слышались неподдельная искренность и правдивость. Негодование обеих, что их считают приспешницами Темного, едва не перехлестнуло барьер страха. Судя по тому, как медлила Найнив, и у нее появились такие же мысли.

– Если вы служите Желтой, – медленно произнесла Найнив, – тогда почему вы нас ополчили?

– Из-за нее, – кивнула на Илэйн белошвейка. – С месяц назад мне прислали ее описание. Вплоть до того, как она иногда задирает подбородок, отчего кажется, будто глядит на тебя сверху вниз. Наренвин говорила, что она может называть себя Илэйн и даже заявлять, будто она из какого-то благородного рода. – Слово за слово, и гнев Макуры, что ее называли приспешницей Темного, вскипал все сильнее. – Может, вы и Желтая сестра, но она-то не Айз Седай, а просто сбежавшая принятая! Наренвин велела сообщить, если она появится, и обо всех, кто будет вместе с ней. Если получится, задержать ее. А то и захватить. И любого, кто придет с ней. Каким, интересно знать, образом мне захватить принятую?.. Ума не приложу! Даже Наренвин неведомо про мой чай из корня вилочника! Но ведь таковы были распоряжения! Было сказано,

что я должна даже пойти на риск раскрыть себя, если понадобится! А здесь это означает для меня смерть! Вот погоди, попадешь в руки Амерлин, тогда ты, девчонка, не так запоешь! Да всем вам еще покажут!

– Амерлин! – воскликнула Илэйн. – А она-то тут при чем?

– Это ее приказ. Как было написано, по повелению Престола Амерлин. Сама Амерлин приказала все средства использовать, только не убивать. А уж когда Амерлин тебя схватит, тебе умереть захочется, это точно! – Резкий кивок белошвейки был преисполнен яростного удовлетворения.

– Не забывай, мы еще не в ее руках, – осадила белошвейку Найнив. – Это ты в наших. – Но в глазах у нее было то же потрясение, что и в глазах Илэйн. – В чем причина, было объяснено?

Напоминание, что она сама пленница, потушило короткую вспышку Макуры. Она апатично обмякла, привалившись к Люци, не давая той, да и себе, упасть.

– Нет. Иногда Наренвин объясняла что-нибудь, но не на этот раз.

– Вы хотели держать нас тут одурманенными, пока за нами кто-то не придет?

– Я собиралась отправить вас в повозке, переодев в какое-нибудь старье. – В голосе женщины даже намек на сопротивление не осталось. – Я послала Наренвин голубя с извещением, что вы тут, и сообщила, что я намеревалась сделать. Тэрин Лугай многим мне обязан, и я собиралась дать ему в достатке корня вилочника, чтобы хватило до самого Тар Валона, если раньше Наренвин не вышлет ему навстречу сестер. Он считает, что вы очень хворы, а чай – единственное средство не дать вам умереть, пока вас не Исцелят Айз Седай. В Амадиции женщине, разбирающейся во всяких лекарственных снадобьях, надо быть осторожной. Лечи слишком многих или слишком хорошо – и кто-нибудь шепнет про Айз Седай, а потом, глядишь, дом у тебя сгорел. А то еще чего похуже. Тэрин-то известно, что язык надо держать за зубами, и он...

Найнив заставила Тома подойти ближе к госпоже Макуре и посмотрела на белошвейку сверху вниз, в упор:

– А сообщение? Настоящее сообщение? Не для того же ты вывесила тот сигнал, чтобы заманить именно нас.

– Я уже все вам сказала, – устало вымолвила та. – Это и было настоящее сообщение. Я никому не хотела зла. Я ничего не понимаю, и я... пожалуйста... – Она вдруг разрыдалась, вцепившись в Люци; та тоже прижалась к ней, они обе плакали и лепетали. – Пожалуйста, не надо соли! Не позволяйте ему, нет! Пожалуйста! Только не соль! О, пощадите!

– Свяжи их, – с отвращением произнесла Найнив немного погодя, – потом спустимся вниз. Там и поговорим спокойно.

Том помог ей сесть на краешек кровати, потом, сдернув с другой покрывало, быстро нарезал его на полосы.

Вскоре обе белошвейки были крепко связаны – спиной к спине, руки одной притянуты к ногам другой, рты заткнуты кляпами из остатков покрывала. Парочка продолжала хныкать, когда Найнив, поддерживаемая Томом, покинула комнату.

Илэйн хотелось шагать с той же уверенностью, что и Найнив, но без помощи Джуилина она бы наверняка споткнулась и загремела вниз по лестнице. Глядя на Тома, обхватившего рукой Найнив, девушка ощутила слабый укол ревности. «Ты маленькая глупая девчонка!» – резко отчитал ее голос Лини. «Я уже взрослая женщина», – ответила девушка этому внутреннему голосу с твердостью, на какую даже сегодня не осмелилась бы со своей старой няней. «Я люблю Ранда, но ведь он далеко, а Том такой умудренный, искушенный и много знает, и...» Даже для нее это слишком походило на оправдание. Наверняка Лини просто презрительно фыркнула бы – она всегда так делала, когда намеревалась положить конец какой-то нетерпимой выходке или глупости своей питомицы.

– Джуилин, – нерешительно поинтересовалась Илэйн, – а что ты собирался делать с солью и маслом? Только без подробностей, – поспешно добавила она. – В общих чертах.

Джуилин несколько секунд смотрел на девушку.

– Понятия не имею. Они, впрочем, тоже. Это всего-навсего уловка, хитрость. Они сами такой жути напридумывают, навоображают... Куда мне до них! Я видел, как ломались крепкие упрямыцы, когда я посылал за корзинкой фиг и парой-тройкой мышей. Но тут главное – не перегнуть палку. Некоторые признаются во всем, что было и чего не было, лишь бы избежать тех ужасов, какие им подсказало собственное воображение. Правда, эти двое, по-моему, не ввали.

Илэйн тоже не сомневалась в этом. Но не сумела сдержать дрожь. «Что вообще можно сделать с фигами и мышами?» Она надеялась, что перестанет гадать об этом, а то еще кошмары сниться начнут.

Когда девушка с Джуилином добрались до кухни, Найнив уже ковыляла без посторонней помощи. Теперь она рылась в буфете, где стояла уйма разноцветных баночек и чайниц. Илэйн пришлось сесть на стул. Синяя чайница стояла на столе рядом с полным зеленым чайником; девушка старалась на них не смотреть. Она по-прежнему не могла направлять. Обнять саидар ей удавалось, но в тот же миг она ускользала. По крайней мере, Илэйн была уверена, что со временем Сила к ней вернется. Мысль об ином исходе приводила в такой ужас, что она не позволяла себе думать об этом.

– Том... – промолвила Найнив, откупоривая всевозможные баночки и заглядывая в них. – Джуилин... – Она помолчала, глубоко вздохнула и, все так же не глядя на обоих мужчин, сказала: – Спасибо вам. Я начинаю понимать, зачем Айз Седай нужны Стражи. Большое вам обоим спасибо.

Ну, не у всех Айз Седай есть потребность в Стражах. Красные считают, будто все мужчины запятнаны порчей, пусть даже направлять из них способны единицы. Были и Айз Седай, которые не обзаводились Стражами, поскольку никогда не покидали Башню, как и такие, которые не брали нового Стража вместо погибшего или умершего. Единственной Айя, которая допускала связывание узами не с одним, а с несколькими Стражами, была Зеленая. Илэйн хотела стать Зеленой сестрой. Не по этой, разумеется, причине, а потому, что Зеленые называли себя Боевой Айя. Сестры из Коричневой Айя искали потерянные знания, Голубые вмешивались во все происходящее в мире, Зеленые же сестры готовили себя к Последней битве. Тогда они выступят на первый план, чтобы, как и в Троллоковы войны, сразиться с новыми Повелителями ужаса.

Том и Джуилин глядели друг на друга, не скрывая изумления. Наверняка они ожидали, что Найнив отчитает их, как всегда не выбирая выражений. Илэйн так была просто потрясена. Если кто-то помог Найнив... Это она любила не больше, чем оказаться неправой; и в том и в другом случае она становилась колючей, будто шиповник, хотя всегда, разумеется, заявляла, что она – сама разумность и рассудительность.

– Мудрая. – Найнив извлекла из одной из баночек щепотку порошка, понюхала его и попробовала кончиком языка. – Или что-то в этом роде, не знаю, как они их зовут.

– Здесь для таких нет названия, – заметил Том. – В Амадиции не многие женщины следуют твоему прежнему ремеслу. Слишком опасно. Для большинства из них это занятие побочное.

Вытащив кожаную суму с нижней полки буфета, Найнив принялась извлекать из одной банки небольшие сверточки.

– И к кому они идут, если заболеют? К коновалу? Или к безграмотному костоправу?

– Да, именно так, – ответила Илэйн. Ей всегда было приятно продемонстрировать Тому, что и она кое-что знает о мире. – В Амадиции целебными травами занимаются мужчины.

Найнив пренебрежительно сдвинула брови:

– Да что мужчина понимает в лечении? Уж лучше попросить кузнеца платье сшить.

Илэйн вдруг поймала себя на том, что думает о чем угодно, только не о том, что сообщила госпожа Макура. «Если не думать о занозе, нога от этого меньше болеть не будет». Одна из любимых поговорок Лины.

– Найнив, что, по-твоему, означает это послание? В Башне примут всех сестер? Это же лишено всякого смысла. – Не это хотела сказать Илэйн, но подобралась она совсем близко.

– Башня играет по своим правилам, – сказал Том. – Что бы Айз Седай ни делали, у них на все свои причины. И подчас вовсе не те, какими они объясняют свои поступки. Если вообще что-то объясняют.

Конечно, они с Джуилином знали, по крайней мере отчасти, что девушки всего-навсего принятые; поэтому и тот и другой в лучшем случае через раз делали так, как им велят спутницы.

На лице Найнив явственно отражалась борьба. Ей не очень-то нравилось, когда ее перебивали или отвечали за нее. Кое-что в списке того, что она не любит, еще оставалось. Но ведь минуту назад она благодарила Тома – не так-то просто осадить человека, который только что избавил тебя от участи брошенной на тележку капусты.

– Порой смысла в действиях Башни сразу и не увидишь, – мрачно ответила Найнив.

Илэйн подозревала, что ее раздражение вызвано в равной степени и Томом, и Башней.

– Ты веришь тому, что она сказала? – Илэйн глубоко вздохнула. – Что Амерлин велела доставить меня в Башню любой ценой и средствами?

Короткий взгляд Найнив, брошенный на девушку, был полон сочувствия.

– Я не знаю, Илэйн.

– Она говорила правду. – Джуилин развернул стул и уселся на него верхом, прислонив посох к спинке. – В своей жизни я допросил не одного вора и убийцу и понимаю, когда говорят правду. Чтобы лгать, она была слишком напугана, а остальное время слишком разозлена.

– А вы оба... – Глубоко вздохнув, Найнив швырнула суму на стол и сложила руки на груди, словно не позволяя им вцепиться в косу. – Илэйн, боюсь, что Джуилин, скорей всего, прав.

– Но ведь Амерлин известно, чем мы заняты! И ведь именно она отослала нас из Башни! Найнив громко хмыкнула:

– О Суан Санчей я поверю всему. Заполучить бы ее на часок туда, где она не могла бы направлять! Тогда бы и посмотрели, какова она из себя.

Особой разницы Илэйн не видела. Помня властный голубоглазый взор, она подозревала, что, случись столь невероятное, пусть и желанное для Найнив событие, подруге достанется уйма синяков.

– Но что теперь делать? У всех Айя повсюду глаза-и-уши. Да и у самой Амерлин соглядатаи есть. По дороге до Тар Валона того и гляди какая-нибудь женщина нам что-то в пищу подсыплет.

– Нет, если мы будем выглядеть не так, как ожидают. – Достав из буфета желтый кувшин, Найнив поставила его на стол рядом с чайником. – Это белый куриный перчик. Он успокаивает зубную боль, но вдобавок превратит волосы в черные как вороново крыло. – Илэйн схватилась за свои рыжевато-золотистые кудри. Она готова была спорить, Найнив говорила именно о *ее* волосах, а не о своих! Однако идея, хоть и не понравилась девушке, очень хороша. – Немного поработать иглой над каким-нибудь из тех платьев, в мастерской, и мы уже не купчихи, а две благородные леди, путешествующие со слугами.

– А поедут они в фургоне, груженном бочонками с красками? – осведомился Джуилин.

Оставалось лишь поблагодарить Найнив за суровый взгляд, ведь она ограничилась только им, а не то...

– На той стороне моста, на конюшенном дворе, я видела карету. Думаю, хозяин с радостью ее продаст. Если вы успеете вернуться к фургону прежде, чем его угонят... Просто не

пойму, как вы вообще догадались его там бросить! Надо же придумать – оставили чуть ли не у всех на виду!.. Ну, коли фургон еще на месте, можете взять один из кошелей. . .

Несколько горожан, вытаращив глаза, глядели, как перед мастерской Ронде Макуры остановился экипаж Ноя Торвальда, запряженный четверкой лошадей. Позади кареты была привязана оседланная лошадь, к крыше приторочены сундуки. Когда торговля с Тарабоном рухнула, Ной потерял все и теперь перебивался с хлеба на воду, работая от случая к случаю на подхвате у вдовы Теран. Кучера кареты прежде тут не видывали – высокого морщинистого мужчину с длинными белыми усами и с холодными надменными глазами, не встречали в Мардецине и смуглого, с жестким лицом лакея в тарабонской шляпе. Тот неуклюже спрыгнул на землю и открыл дверцу. Ошеломление сменилось шепотком, когда из мастерской с узелками в руках быстрым шагом вышли две женщины. На одной зеленое шелковое одеяние, на другой – платье из обычной синей шерсти, головы обеих замотаны шарфами – на цвет волос не было и намека. В карету незнакомки, можно сказать, почти впрыгнули.

Двое Детей Света неторопливым шагом двинулись к карете, дабы выяснить, кто эти чужаки, но не успел еще лакей взобраться на козлы, как кучер шелкнул длинным кнутом и крикнул, требуя очистить дорогу для леди. Имя ее потерялось в шуме и суматохе. Чадам Света пришлось посторониться вместе с прочим людом, а карета с грохотом унеслась галопом по пыльной улице в сторону Амадорского тракта.

Зеваки расходились, переговариваясь между собой. Таинственная леди, вне всяких сомнений вместе со своей горничной, что-то купила у Ронде Макуры и умчалась прочь, оставив с носом Детей Света. В последнее время в Мардецине мало что происходило, и этот загадочный визит даст пищу сплетням на несколько дней. Дети Света зло отряхивались, но в конце концов решили, что доклад об инциденте выставит их в дурацком свете. Кроме того, их капитан недолго любит знать и, скорей всего, отправит их за каретой с требованием вернуть ее. И чего ради? Долгая скачка по жаре – и за кем? За высокомерной юной особой, отпрыском какого-нибудь благородного Дома! Если не удастся предъявить того или иного обвинения – а эти аристократы такие скользкие хитрецы! – кто окажется виноватым? Уж точно не капитан! Надеюсь, что известие об этом унижении не дойдет до ненужных ушей, оба воина даже и не подумали допросить Ронде Макуру.

Чуть позже во дворик позади мастерской ввел свою повозку Тэрин Лугай. Под округлой парусиновой крышкой была уложена провизия для долгого путешествия. Ронде Макура излечила Тэрина от лихорадки, что он подхватил двадцать три зимы назад, но предстоящее путешествие радовало его. Пусть ехать надо туда, где живут ведьмы, главное, подальше от сварливой женушки, что пилит его по сто раз на дню, и от злобной тещи. Ронде говорила, кто-то его может встретить по дороге, но умолчала, кто именно, однако Тэрин Лугай надеялся добраться до самого Тар Валона.

Он раз шесть постучал в дверь кухни и только потом вошел, но никого не обнаружил, пока не взобрался по лестнице. В задней спальне на кроватях лежали Ронде и Люци. Вытянувшись на постели, они сонно сопели, полностью одетые, хоть платья и были измяты, а ведь солнце стояло еще высоко. Сколько он ни тряс женщин за плечи, ни одна не проснулась. Этого Лугай не понимал, как и того, почему одно из покрывал разрезано на куски и связано в длинные полосы, или почему в комнате два пустых заварочных чайника, но всего одна чашка, или почему на подушке Ронде лежит воронка. Но он всегда знал: в мире есть многое, чего он не понимает. Возвращаясь к повозке, Лугай думал о припасах, купленных на деньги Ронде, думал о жене и ее матери. Когда он выводил лошадь со двора, в нем уже крепло намерение посмотреть, какая она из себя, эта Алтара, и на что похож Муранди.

Так или иначе, но минуло порядочно времени, прежде чем растрепанная Ронде Макура добрела до дома Эви Шендара и отправила голубя, привязав к его лапке крохотную костя-

ную трубочку. Птица устремилась на северо-восток напрямик к Тар Валону. Недолго подумав, Ронде набросала те же строчки на другом узеньком кусочке тонкого пергамента и прикрепила записку к птице, которую взяла из другой клетки. Этот голубь отправился на запад – ведь она обещала отсылать дубликаты всех своих сообщений. В эти тяжелые времена женщине приходится вертеться изо всех сил, да и никому не будет вреда – экая важность ее послание к Наренвин. Размышляя, удастся ли когда-нибудь избавиться от привкуса корня вилочника во рту, она ни капельки не возражала, чтобы намного хуже стало той, которая назвалась Найнив.

Как обычно, мотыжа грядки в своем крохотном садике, Эви не обращал никакого внимания на то, чем занята Ронде. И как обычно, едва она ушла, он вымыл руки и вошел в дом. Ронде, чтобы перо писало помягче, подложила под полоски лист пергамента побольше. Повернув этот лист к свету, Эви разобрал строчки, что писала Ронде. Вскоре в полет отправился третий голубь – совершенно в другую сторону.

Глава 11

«Девятерная упряжка»

Солнце давно перевалило за полдень, но широкая соломенная шляпа оставляла лицо Суан в тени. Суан пропустила Логайна вперед, и тот ввел маленький отряд через Шиленские ворота в Лугард. Внушительные внешние стены города требовали ремонта; как заметила Суан, в двух местах серый камень осыпался и гребень стены оказался не выше обычной изгороди. Вплотную за Суан ехали Мин и Лиане, обе уставшие от того темпа, каким Логайн несколько недель гнал всех от Корийских Ключей. Ему хотелось быть главным, и, чтобы убедить его в этом, требовалось немного. Пусть говорит, когда им утром выступать, когда и где останавливаться на ночь, пусть все деньги у него, даже пусть он считает в порядке вещей, что они прислуживают ему за едой, которую они же и готовят, – все это мало трогало Суан. Вообще-то, она даже жалела Логайна. Он ни сном ни духом не ведал, какую роль она ему уготовила. «Большая рыбка на крючке – чтобы на живца поймать улов покрупнее», – мрачно подумала Суан.

Номинально Лугард являлся столицей Муранди, резиденцией короля Роэдрана, но в Муранди лорды, бывало, приносили присягу на верность, а потом отказывались платить подати, а то и поступали наперекор воле Роэдрана. Вот и простой люд вел себя так же. Государством Муранди являлся только по названию – едва ли требуемая от народа лояльность королю или королеве спланивала его, тем более трон, бывало, слишком часто переходил из одних рук в другие. Да еще из страха, что Андор или Иллиан могут завоевать Муранди, жители страны вынуждены были сохранять какое ни есть, пусть и призрачное, единство.

Каменные стены прихотливо перегораживали город, состояние многих из них было еще хуже, чем внешних бастионов: веками Лугард рос без всякого плана, хаотически, как кому в голову взбредет, и не однажды город разделяли между собой враждовавшие аристократы. Мостовыми город похвастаться не мог, многие из широких улиц не были вымощены, но пыльными оказались все. Между громыхающими купеческими фургонами сновали мужчины в шляпах с высокими тульями и женщины в передниках поверх юбок, открывавших лодыжки;

в дорожных выбоинах играли ребятишки. Лугард жил торговлей – из Иллиана и из Эбу Дара, из Гэалдана на запад и из Андора на север. Огромные площади были заставлены фургонами, стоящими колесо к колесу, парусиновый верх многих опущен, над бортами виднелись всевозможные грузы. Другие пустовали в ожидании погрузки. Вдоль главных улиц выстроились гостиницы и постоялые дворы, конюшни и загоны, их было чуть ли не больше, чем серокаменных домов и лавок, подведенных под черепичные крыши всех цветов – синего и красного, зеленого и пурпурного. В воздухе висели пыль и гам, звон металла из кузниц, грохот и скрип фургонов, ругань возчиков, громкий смех из таверн. Солнце, катящееся к горизонту, превращало Лугард в подобие печи, а сухой воздух будто навсегда позабыл о дожде.

Когда Логайн наконец-то свернул к конюшне и спешился позади гостиницы с зеленой крышей, которая называлась «Девятерная упряжка», Суан с облегчением сползла с Белы и осторожно похлопала косматую кобылку по носу, опасаясь ее зубов. Она склонялась к мнению, что ехать на спине животного – не самый лучший способ путешествовать. Лодка всегда слушается руля; а мало ли что взбредет в голову лошади. К тому же лодки не кусаются, правда Бела тоже еще не укусила, но ведь может!.. Хорошо хоть давно минули те первые дни, когда она, разбитая и одеревеневшая, едва могла вечером доковылять до лагеря, а Лиане с Мин наверняка ухмылялись у нее за спиной. Суан все равно чувствовала себя после дня в седле так, словно ее хорошенько отлупили, но теперь она научилась скрывать свое состояние.

Как только Логайн принялся торговаться с конюхом, долговязым конопатым стариком в кожаном жилете на голое тело, Суан бочком приблизилась к Лиане.

– Если тебе охота поупражняться в своих хитростях, – тихо сказала она, – следующий часок попрактикуйся на Далине.

Лиане подозрительно покосилась на Суан – после Корийских Ключей Лиане в нескольких деревнях испытывала свои улыбки и взгляды, но Логайн смотрел на нее равнодушно. Потом Лиане вздохнула и кивнула. Еще раз глубоко вздохнув, она заскользила вперед своей ошеломляющей покачивающейся походкой, ведя в поводу серую лошадь с выгнутой шеей и уже издали улыбаясь Логайну. Суан не понимала, как вообще возможна такая гибкая походка: у Лиане некоторые кости будто напрочь исчезли.

Придвинувшись к Мин, Суан заговорила так же тихо:

– Как только Далин закончит с конюхом, скажи ему, что идешь ко мне. Потом бегом в гостиницу и, пока я не вернусь, держись подальше от него и Амаены.

Судя по гаму, волнами выкатывавшемуся из гостиницы, народу там столько, что в той толпе и армия спрячется. И уж наверняка никто не заметит отсутствия одной женщины. В глазах Мин появилось свойственное ей ослиное упрямство, и она уже собралась открыть рот – несомненно, чтобы спросить, с какой стати ей все это надо делать. Но Суан опередила девушку:

– Просто сделай так, Серенла. Или ты не только тарелки подавать ему будешь, но и сапоги чистить.

Упрямое выражение не оставило лица Мин, но девушка угрюмо кивнула.

Сунув ей в руку поводья Белы, Суан поспешила прочь с конюшенного двора и направилась по улице – как она надеялась, в верном направлении. Ей бы не хотелось плутать по всему городу – по такой-то жаре и пылище.

На улицах было полно тяжелых фургонов, запряженных шестью или восемью, а то и десятью лошадьми. Возчики щелкали длинными кнутами и щедро осыпали проклятиями и бранью как лошадей, так и прохожих, проскакивавших между фурами. Просто одетые мужчины и возницы в долгополых кафтанах, шагающие в толпе, то и дело со смехом зазывали проходящих мимо женщин. Женщины в разноцветных, иногда полосатых передниках шагали, глядя прямо перед собой, словно и не слыша сальностей, гордо неся головы, обмотанные яркими шарфами. Женщины без передников, чьи распущенные волосы рассыпались по плечам и чьи

юбки оканчивались в фуते, а то и больше, от земли, зачастую отшивали охальников репликами еще похлеще.

Суан вздрогнула, сообразив, что кое-какие из предложений мужчин адресованы непосредственно ей. Рассердить ее они не рассердили – в своей целеустремленности она несколько не рассматривала их применительно к себе, лишь стали для нее неожиданностью. Она до сих пор не привыкла к произошедшим в себе переменам. Мужчины находят ее привлекательной... Глаз Суан уловил отражение в грязном окне портновской лавки – не более чем туманный образ светлокожей девушки в соломенной шляпке. Она была молода; не просто молодо выглядела, как могла бы сама сказать, а именно молода. Немногим старше Мин. И вправду девушка, однако с преимуществами уже прожитых лет.

«Вот оно, преимущество того, что тебя усмирили», – сказала себе Суан. Ей доводилось встречать женщин, готовых отдать что угодно, лишь бы скинуть лет пятнадцать-двадцать. Многие сочли бы сделку удачной, даже если бы заплатили ее цену. Иногда Суан ловила себя на том, что мысленно составляет перечень подобных преимуществ, вероятно стараясь убедить себя, что они вразумительны. С одной стороны, освобожденная от Трех Клятв, она могла, когда понадобится, врать без зазрения совести. И родной отец ни за что ее не узнает. На самом деле она выглядела не так, как в юные годы: изменения, которые наложила на нее зрелость, никуда не делись, но возвратившаяся юность смягчила их. С холодной беспристрастностью Суан подумала, что сейчас она, быть может, стала красивее, чем была в юности. В самые лучшие времена ее называли прелестной. Куда более обычным комплиментом бывало «милая». Но ей не удавалось связать это лицо с собой, с Суан Санчей. Лишь внутренне она оставалась прежней Суан. Разум и память хранили все ее знания. И в душе она по-прежнему оставалась собой. Но вот лицо...

В Лугарде некоторые из постоянных дворов и таверн носили звучные названия: например, «Молот коновала», или «Пляшущий медведь», или «Серебряная свинья», иногда название на вывеске сопровождалось аляповатой картинкой. Иные назывались так, что и вслух не произнесешь, самым приличным было что-то вроде «Поцелуй доманийской шлюхи». На вывеске красовалась меднокожая женщина – подумать только, голая по пояс! – с губками бантиком. Интересно, что бы сказала об этом Лиане? Памятуя, правда, на какую стезю она ныне ступила, бывшая хранительница летописей, наверное, взяла бы подобное себе на заметку.

Наконец на боковой улице, не уступавшей шириной главной, сразу за безворотным проемом в одной из обваливающихся внутренних стен, Суан отыскала нужную гостиницу – три этажа нетесаного серого камня, увенчанного лиловой черепичной крышей. Вывеска над дверью изображала невероятно пышнотелую особу, всем покровом которой служили лишь волосы, расчесанные так, чтобы скрывать как можно меньше ее прелестей; красавица сидела верхом на неоседланной лошади. Суан узнала название, намалеванное на вывеске, и сразу отвела от нее взор.

Затянутый сизым табачным дымом общий зал был полон мужчин. Они пили, хрипло и сипло смеялись и норовили ушипнуть какую-нибудь девушку-прислужницу из тех, что бегали по залу, выбиваясь из сил, с вымученными, точно приклеенными улыбками. В конце длинной комнаты, под аккомпанемент цитры и флейты, мелодия которых тонула в галдеже посетителей, пела и танцевала на столе молодая девушка. Время от времени певица кружилась, отчего юбка высоко взлетала, открывая ее голые ноги чуть ли не на всю длину. Услышанные обрывки песни вызвали у Суан желание с мылом вымыть рот девушки. С какой стати женщине разгуливать без одежды? Зачем женщине петь об этом толпе напившихся оболтусов? Раньше Суан не приходилось бывать в подобных местах, и она не желала задерживаться здесь и лишней секунды.

Ошибиться, кто в этой гостинице хозяйничает, было невозможно: высокая, крепкая женщина, чью могучую фигуру стягивало красное шелковое платье – шелк блестел и словно тлел. Выдающийся вперед подбородок и жесткий рот обрамляли тщательно завитые, крашенные куд-

ряшки – даже природе не под силу наградить волосами такого оттенка, не говоря уж о том, что рыжие волосы вовсе невозможны в сочетании с такими темными глазами. То и дело покрикивая на девушек-подавальщиц и отдавая им распоряжения, хозяйка останавливалась то у одного столика, то у другого, перебрасывалась с посетителями несколькими словами, хлопала кого-то по спине и хохотала вместе со всеми.

Деревянной походкой, пытаясь не обращать внимания на устремленные на нее оценивающие мужские взгляды, Суан приблизилась к женщине с кармазиновыми волосами.

– Госпожа Тарн? – Ей пришлось три раза, каждый раз громче, повторить имя, прежде чем хозяйка гостиницы взглянула на нее. – Госпожа Тарн, я ищу работу. Я петь умею...

– Если умеешь, так отчего не поешь? – засмеялась та. – Ну, певица-то у меня есть, но, чтоб она отдохнула, не худо займешь и еще одну. Ну-ка, покажи ноги.

– Я знаю «Песню трех рыб», – громко произнесла Суан. Это должна быть нужная ей женщина. Не могут же две женщины в одном городе иметь волосы такого темно-красного цвета, как не могут они и отзываться на нужное имя в нужной гостинице.

Однако госпожа Тарн расхохоталась еще громче и хлопнула мужчину за ближайшим столиком по плечу, отчего бедняга чуть со скамьи не навернулся:

– Здесь эту песню мало кто просит спеть, а, Пэл?

Щербатый Пэл, с извозчичьим кнутом на плече, загоготал, вторя хозяйке.

– И еще я знаю «Небо голубеет на заре».

Женщина затряслась, утирая глаза, точно от смеха на них слезы выступили:

– Знаешь, да? Верю, парням понравится. А теперь покажи-ка мне свои ноги. Ноги, девочка, или проваливай отсюда!

Суан замешкалась, но госпожа Тарн выжидающе смотрела на нее. И все больше мужчин с любопытством поворачивали голову. Это *должна* быть та самая женщина. Суан медленно подтянула юбки к коленям. Рослая хозяйка нетерпеливо взмахнула рукой. Зажмурившись, Суан стала все выше и выше подбирать юбки. Она чувствовала, как с каждым дюймом лицо пылает все сильнее.

– Ишь, скромница! – довольно фыркнула госпожа Тарн. – Ладно, но коли ты лишь эти песни знаешь, то лучше тебе иметь ноги, к которым мужики падать будут. Правда, каковы они у тебя, сказать нельзя, пока не снимешь эти шерстяные чулки. Так, Пэл? Ладно, ступай со мной. Может, голос у тебя и есть, но все равно в таком шуме я ничего не услышу. Идем, девочка! Давай, шевели копытами! Да поживей!

Глаза Суан широко раскрылись, засверкали, но хозяйка уже широко шагала в глубину общего зала. Чувствуя, как хребет у нее стал будто железный стержень, Суан выпустила юбки и поспешила следом, пропуская мимо ушей гогот и бесстыдные предложения. Лицо у нее было каменным, но в душе гнев мешался с тревогой.

До возведения на Престол Амерлин она отвечала за сеть осведомителей Голубой Айя; и до ее возвышения, и после некоторые из глаз-и-ушей были ее личными агентами. Может, она больше и не Амерлин, и даже не Айз Седай, но Суан по-прежнему знала всех этих соглядатаев. Когда Суан приняла бразды правления сетью шпионов своей Айя, Дуранда Тарн уже служила Голубым – сведения ее всегда оказывались значимыми и своевременными. Глаза-и-уши имелись не везде, тем более преданные, – на всем протяжении от Тар Валона до Лугарда Суан в достаточной мере доверяла лишь одной, в Четырех Королях, в Андоре, но та исчезла. А в Лугард вместе с купеческими караванами стекалось и потом расползлось отсюда много новостей и слухов. Здесь, несомненно, найдутся соглядатаи и других Айя, и нельзя забывать о такой возможности. «Будешь осторожна – и лодка целой домой вернется», – напомнила себе Суан.

Хозяйка превосходно подходила под описание Дуранды Тарн – и вряд ли другая гостиница носила бы столь гадкое название, – но почему она отвечает Суан таким образом? Ведь Суан дала ей понять, что сама она тоже агент Голубых. Ей пришлось пойти на риск – и Мин, и

Лиане тоже теряли терпение, не говоря уж о Логайне. Осторожность-то, может, и вернет лодку домой, но порой смелость одаривает полным трюмом. В худшем случае Суан может треснуть хозяйку гостиницы чем-нибудь по голове и удрать. Но, прикидывая рост и вес женщины, как и крепость ее рук, Суан лишь тешилась надеждой, что ей удастся выскочить из потасовки победительницей.

Ничем не примечательная дверь в ведущем к кухне коридоре открылась в скудно обставленную комнату – стол и стул на синем половичке, большое зеркало на стене и, как ни удивительно, полочка с десятком книг. Как только дверь за женщинами захлопнулась, поумерив, хотя и не заглушив, доносящийся из общего зала гомон, рослая хозяйка повернулась к Суан, уперев кулаки в могучие бедра:

– Ну ладно. Чего тебе? Не надо называться – я твоего имени и знать не хочу, будь оно и впрямь твое, а не выдуманное.

Напряжение Суан отчасти спало. Чего нельзя сказать о гневе.

– Незачем было так со мной там обращаться! По какому праву? Чего вы добивались, заставляя меня...

– Право у меня есть, – отрубилa госпожа Тарн, – как и необходимость. Явись ты к открытию или закрытию, как и полагается, я бы втихую провела тебя сюда – никто бы ничего не узнал. Думаешь, кое у кого из тех мужчин не зашевелились бы в голове всякие вопросы? Например, с чего это я тебя повела сюда, будто старую подругу, которую давно не видела? Я не могу допустить, чтобы мною заинтересовались. Тебе еще повезло, что я не заставила тебя встать на стол вместо Сусу и спеть песню-другую. И веди себя со мной как следует. – Она угрожающе подняла широкую жесткую руку. – У меня замужние дочери старше тебя, и, когда я их навещаю, они ходят на цыпочках и говорят как полагается. Ты, госпожа Обманка, сама явилась ко мне. Значит, знаешь, почему пришла. Твоего крика там не услышат, а если и услышат, никто не вмешается. – Коротко кивнув, словно уладив это дело, она вновь уперла кулаки в бедра. – Итак, чего тебе надо?

Несколько раз во время словесной атаки хозяйки Суан пыталась заговорить, но госпожа Тарн напирала на нее, точно приливная волна. Суан к такому не привыкла. Когда хозяйка закончила свою речь, Суан дрожала от ярости, побелевшие пальцы стискивали юбку. Она изо всех сил сдерживала бурлящий в ней гнев. «Я – просто еще один агент, – твердила себе Суан. – Больше не Амерлин, просто еще один соглядатай». Вдобавок она подозревала, что Дуранда вполне способна претворить свои угрозы в жизнь. Еще кое-что новенькое для Суан – опасаться кого-то лишь потому, что тот сильнее и здоровее.

– Мне велено передать сообщение. Для собрания тех, кому мы служим. – Суан надеялась, что госпожа Тарн припишет напряжение в ее голосе страху, который хозяйка на нее нагнала. От женщины можно добиться большего, если она посчитает, что Суан основательно запугана. – Их не оказалось там, где мне было сказано. Я могу только надеяться... Вдруг вы поможете? Может, вам известно, как их отыскать?

Сложив руки на массивной груди, госпожа Тарн разглядывала девушку.

– Ага, умеешь нрав свой сдержать, когда надо, а? Хорошо. Что стряслось в Башне? И не смей отнекиваться, что пришла не оттуда, моя миленькая. У твоего послания такой курьер, который с первого взгляда за милую виден. В деревне ты бы никогда не набралась этаким кичливости.

Прежде чем ответить, Суан глубоко вздохнула.

– Суан Санчей усмирили. – Голос ее даже не дрогнул, чем она была очень горда. – Элайда а'Ройхан – новая Амерлин. – Однако Суан не удержалась от намека на горечь.

На лице госпожи Тарн не отразилось ровным счетом ничего.

– Что ж, это объясняет некоторые полученные мною приказы. Некоторые. Значит, ее усмирили, да? Мне казалось, она вечно будет Амерлин. Видела ее однажды – в Кэймлине,

несколько лет назад. Издали. Видок у нее был такой, будто на завтрак она сырмятные ремни жует. – Немыслимые алые кудряшки качнулись, когда хозяйка гостиницы мотнула головой. – Ладно, что сделано, то сделано. Среди Айз Седай раскол. Это единственное подходящее объяснение и моим приказам, и тому, что утомили старую перечницу. Башня расколота, а Голубые подались в бега.

Суан скрипнула зубами. Она пыталась напомнить себе, что эта женщина хранит верность Голубой Айя, а не лично Суан Санчей, но убеждения мало помогали. «Старая перечница, вот как? Да ей самой столько лет, что она годится мне в матери! Тогда бы я точно утопилась». Сделав над собой усилие, она произнесла тоном смиреннее некуда:

– У меня очень важное послание. Мне как можно скорей нужно отправиться в дорогу. Вы можете мне помочь?

– Важное, вот как? М-да, что-то я сомневаюсь. Какую-то ниточку я могу тебе дать, но беда в том, что расшифровывать смысл всего предстоит тебе самой. Ну что, хочешь, чтобы я сказала? – Женщина отказывалась идти легким путем.

– Да, скажите, пожалуйста.

– Салли Даэра. Не знаю, кто она такая или кем была, но мне велено назвать это имя всякой Голубой, которая случится рядом и будет иметь потерянный вид. Одной из сестер ты быть не можешь, но нос задираешь совсем как они, поэтому получи. Салли Даэра. Делай с этим что хочешь.

Усилием воли Суан подавила охватившее ее радостное возбуждение и всем своим видом продемонстрировала удрученность.

– Я тоже о ней не слышала. Придется продолжать искать.

– Если отыщешь их, передай Айлдене Седай: что бы ни случилось, я буду верна. Я так долго работала на Голубую Айя, что просто ума не приложу, что еще могу делать.

– Я передам ей, – откликнулась Суан. Она и не знала, что на посту ответственной за глаза-и-уши Голубых ее сменила Айлдене; Амерлин, из какой бы Айя она ни возвысилась, считалась вышедшей из всех Айя, но ни к одной из них более не принадлежала. – Наверное, вам нужно придумать какую-то причину, почему вы не взяли меня. По правде говоря, петь я не умею. Сойдет такая?

– Будто кому-то из той толпы это интересно. – Рослая женщина ехидно изогнула бровь и ухмыльнулась, что очень не понравилось Суан. – Пожалуй, милочка, кое-что я нашла. И дам-ка я тебе маленький совет. Если ты не соблаговолишь слезть вниз на ступеньку-другую сама, то какая-нибудь Айз Седай непременно спустит тебя с лестницы – все ступени пересчитаешь. Удивляюсь, как этого до сих пор никто не проделал. Теперь ступай. Вон отсюда!

«Отвратительная женщина, – рычала про себя Суан. – Если б был какой-нибудь способ, наказала бы ее, чтоб у нее глаза на лоб полезли. Она полагает, будто заслуживает большего уважения, да?»

– Благодарю вас за помощь, – холодно промолвила Суан, присев в реверансе, который своей грациозностью украсил бы любой королевский двор. – Вы очень добры.

Суан сделала уже три шага через общий зал, когда позади нее возникла госпожа Тарн и громким голосом насмешливо крикнула ей вслед, без труда перекрыв хохот и возгласы:

– Подумать только, какая застенчивая девица! Ноги стройные и белые! От них у любого мужика ум за разум зайдет, весь на слюну изойдет! И надо же, заголосила, будто ребенок, когда я попросила показать их вам! Хлопнулась задом на пол да как заревет! Такие округлые бедра, на любой вкус, а она!..

Суан споткнулась под обрушившимся на нее валом хохота, который так и не заглушил потока красочных описаний хозяйки. Лицо Суан горело, красное как свекла. Она сделала еще три шага, а потом кинулась бежать.

Выскочив на улицу, Суан остановилась перевести дух и успокоить гулко колотящееся сердце. «Вот ведь мерзкая старая карга! Мне бы...» Но не важно, что ей хотелось сделать; главное, старая греховодница сказала то, что Суан так хотела услышать. Дело не в Салли Даэре – этой женщины вообще не существовало. Поняла бы только Голубая, другим не догадаться. Салидар. Место, где родилась Диане Ариман, Голубая сестра, ставшая Амерлин после Бонвин. Та, которая подняла Башню из руин после тех бедствий, в которые ее ввергла Бонвин. Салидар. Последнее место, где будут искать Айз Седай, если не считать, конечно, Амадиции.

По улице в сторону Суан ехали двое верховых в белоснежных плащах и сверкающих кольчугах, неохотно поворачивая лошадей и уступая дорогу фургонам. Чада Света. В эти дни они попадают чуть ли не на каждом шагу. Склонив пониже голову и отступив к зелено-голубому фасаду гостиницы, Суан настороженно наблюдала за белоплащниками из-под полей шляпы. Всадники – жесткие лица под сверкающими коническими шлемами – скользнули по ней взглядом и проехали мимо.

В досаде Суан прикусила губу. Шарахнувшись от белоплащников, она, вероятно, только привлекла к себе их внимание. Если б они увидели ее лицо?.. А ничего, белоплащники готовы убить встреченную ими одинокую Айз Седай, но у Суан-то отныне больше не лицо Айз Седай. Однако они заметили, что она пыталась спрятаться от них. Если бы Дуранда Тарн не вывела ее из себя, она не совершила бы такой глупейшей ошибки. Суан еще хорошо помнила время, когда такая мелочь, как замечания госпожи Тарн, и на волосок не поколебала бы ее шага. То время, когда эта крашенная грубиянка-переросток, несносная, точно торговка рыбой, и пикнуть бы не посмела. «А коли этой мегере мои манеры не по нраву, то я...» Нет, Суан должна своим делом заниматься, не то госпожа Тарн отлупит ее так, что и в седле не усидишь. Порой трудно забыть о тех днях, теперь навсегда минувших, когда Суан призывала к себе королей и королев и те не смели не явиться по ее приглашению.

Широко шагая по улице, она посматривала по сторонам, причем так сердито, что кое-кто из возчиков прикусил язык и благоразумно воздержался от комментариев, которые так и просились вслед одинокой хорошенькой девушке. Кое-кто.

Мин сидела на скамье возле стены в переполненном общем зале «Девятерной упряжки» и наблюдала за столом, окруженным стоящими мужчинами. У кого-то висел на плече свернутый кольцами извозничий кнут, на поясе у других красовались мечи – то были купеческие охранники. Еще шестеро сидели плечом к плечу за столом. Мин даже различала сидящих на дальнем краю стола Логайна и Лиане. Логайн сидел хмурый и недовольный, остальные же мужчины на лету ловили каждое словечко улыбающейся Лиане.

В воздухе плавал густой табачный дым, и в гуле голосов почти тонули мелодия флейты и барабана и пение девушки, танцующей на столе между сложенных из камня очагов. Песня была про женщину, которая уверяла шестерых поклонников, что каждый из них – единственный мужчина в ее жизни. Хотя от слов песни Мин то и дело бросало в краску, она находила песню не лишеной интереса. Время от времени певица кидала ревнивые взгляды на столик, вокруг которого толпилось столько народу. Если быть точнее, то на Лиане.

Высокая доманьяка, входя вместе с Логайном в гостиницу, уже, можно сказать, вела его на веревочке, а ее волнующая походка и тлеющий в глазах огонек привлекли к ней столько мужчин, сколько и мух на плошку с медом не налетит. Чуть не вспыхнула кровавая драка, Логайн и купеческие охранники схватились было за мечи, уже блеснули ножи, на шум прибежали коренастый хозяин гостиницы и два весьма дюжих молодца с дубинами. А Лиане моментально потушила готовое разгореться пламя, точно так же как и возбудила страсти, улыбка тут, пара-тройка слов там, взгляд этому, погладить по щеке того. Даже хозяин торчал рядом с ней до последнего, ухмыляясь как последний болван. Не будь у него дел, он и сейчас бы тут расслаживал. А Лиане еще полагает, будто ей нужно практиковаться! Нет, это совсем не справедливо.

«Если б я могла так крутить всего одним мужчиной, я была бы несказанно довольна. Может, она меня научит... Свет, о чем я думаю?» Она ведь всегда была сама собой, другим оставалось либо принимать ее такой, какая она есть, либо не принимать вовсе. А теперь она подумывает изменить себя – и все ради какого-то мужчины! И без того худо, что пришлось натянуть платье, вместо того чтобы носить привычные куртку и штаны. «Увидел бы он меня в платье с низким вырезом! Показать-то у меня есть что, не чета Лиане, а она... Хватит об этом!»

– Мы отправляемся на юг, – произнесла у плеча девушки Суан, и Мин вздрогнула от неожиданности. Она и не заметила, как Суан вошла в гостиницу. – Немедленно.

Судя по блеску в глазах Суан, она что-то узнала. Но вот поделится ли она своими сведениями? Похоже, она по-прежнему считает себя Амерлин.

– К ночи до гостиницы добраться не успеем, – сказала Мин. – Могли бы здесь переночевать, комнаты есть.

Спать лучше не под забором и не на сеновале, а на кровати, пусть даже обычно ее приходилось делить с Лиане и Суан. Логайн предлагал снимать комнату каждой из троицы, но Суан была прижимиста, хотя деньгами распорядился скуповатый подчас Логайн.

Суан огляделась – те, кто не засматривался на Лиане, слушали певицу.

– Это невозможно. Я... По-моему, обо мне могут начать расспросы белоплащники.

Мин тихонько присвистнула:

– Далину эта новость не понравится.

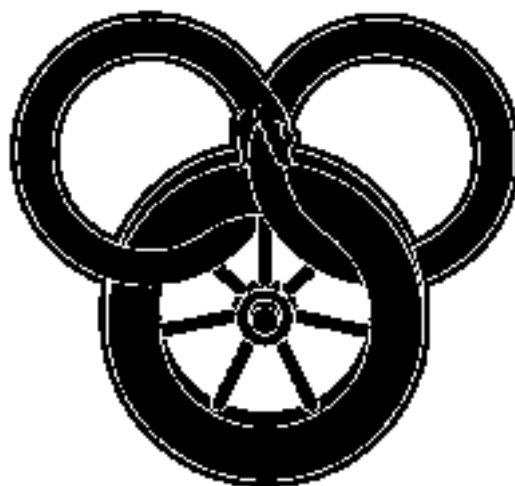
– Тогда ничего ему и не скажем. – Бросив взор на столпотворение вокруг Лиане, Суан покачала головой. – Просто шепни Амаене, что нам нужно уходить. А он уж за ней пойдет. И будем надеяться, остальные не потянутся следом.

Мин криво улыбнулась. Суан постоянно твердила, мол, ей все равно, что главенство забрал Логайн, вернее, Далин. А тот по большей части просто глядел на нее как на пустое место, когда она пыталась заставить его что-то сделать. Однако Суан, как видно, ничуть не поколебалась в своей решимости вновь привести того к покорности.

– Кстати, а что это такое – девятая упряжка? – спросила Мин. Она уже выходила из гостиницы посмотреть на вывеску над дверью, нет ли какого намека, – но там красовалось лишь название. – Восьмерные я видела и десятерные, но из девяти лошадей – ни разу.

– В этом городе, – натянута заметила Суан, – лучше об этом не спрашивать. – Внезапный румянец на ее щеках навел Мин на мысль, что ответ на этот вопрос Суан прекрасно известен. – Сходи за ними. Впереди дальняя дорога, незачем время терять. И чтобы тебя никто, кроме них, не услышал.

Мин тихонько хмыкнула. Ее никто и не увидит, эти остолопы только на Лиане и пялятся, а та им лишь улыбается. Интересно знать, каким таким образом Суан привлекла внимание белоплащников? Хуже для беглянок не придумаешь, а ошибки – это на Суан вовсе не похоже. Еще Мин хотелось бы знать, как заставить Ранда смотреть на нее таким взором, какими все эти мужчины пожирают Лиане. Если их четверке предстоит скакать всю ночь – а Мин подозревала, что так оно и будет, – может, Лиане все-таки шепнет ей пару-тройку советов.

Глава 12

Старая трубка

Порыв ветра, закруживший пыль по лугардской улице, сдернул бархатную шляпу с головы Гарета Брина и швырнул ее прямиком под тяжелый фургон. Скрипнув, колесо с железным ободом вмяло шляпу в твердую глину, оставив от нее сплющенное воспоминание. Некоторое время Брин смотрел на шляпу, потом зашагал дальше. «На ней все равно грязь столько дорог», – сказал себе Брин. Еще до Муранди его шелковый кафтан основательно пропылился. Сколько ни выбивай пыль, толку мало – если у него руки доходили до забот об одежде. Кафтан утратил свой изначальный серый цвет и приобрел бурый оттенок. Надо было одеться попроще – он же не на бал собирался.

Ловко уворачиваясь от гроыхающих по разбитой улице фургонов, он пропустил мимо ушей летевшую ему вслед брань возчиков – любой уважающий себя десятник даже во сне выдал бы перлы позабористей – и нырнул в постоялый двор под красной крышей. Тот назывался «Фургонное седалище» – красочный рисунок вывески давал названию недвусмысленную интерпретацию.

Общий зал постоялого двора ничем не отличался от всех виденных Брином лугардских гостиниц: возчики и купеческие охранники, набившиеся вперемешку с конюхами, кузнецами и грузчиками, – кого тут только не было! Все говорили, хохотали во всю мощь глоток, напивались как могли, одной рукой обхватив кружку с выпивкой, а другой стараясь облапить и приласкать служаночку. По большому счету местечко мало чем отличалось от обеденных залов и таверн в прочих городках, хотя во многих бывало куда как спокойней. На столе в конце зала прыгала и пела милостивая полногрудая молодая женщина. Блузка ее, казалось, вот-вот спадет с плеч, а пела она под едва слышный аккомпанемент двух флейт и двенадцатиструнного биттерна.

Тонким слухом и музыкальностью Гарет Брин не славился, но остановился, чтобы по достоинству оценить песню. В любом солдатском лагере певицу приняли бы на ура. Правда, даже если бы ей медведь на ухо наступил и петь она совсем не умела, популярность ее не пострадала бы. В такой-то блузке она мигом сыскала бы себе муженька.

Джони и Бэрим были уже тут. Внушительная комплекция Джони обеспечила им отдельный столик, хотя волосы у него давно поредели и повязка все еще украшала голову. Оба старых вояки слушали девушку. Или просто пялились на нее. Гарет Брин тронул обоих за плечи и кивнул на боковую дверь, что вела на конюшенный двор, куда угрюмый косоглазый конюх отвел их лошадей – за три серебряных пенни. Год назад за такую цену, а то и дешевле, Брин купил бы хорошего коня. Смута на западе и беспорядки в Кайриэне чудовищно вздули цены и катастрофически сказались на торговле.

Никто из троих не произнес ни слова, пока всадники не миновали городские ворота и не выехали на глухую дорогу, петляя уходящую на север, к реке Сторн. Это была даже не дорога, так, широкая тропа. Наконец Бэрим сказал:

– Милорд, вчера они были здесь.

Это Брин уже и сам узнал. Через такой город, как Лугард, не могли пройти незамеченными три хорошенькие молодые женщины, явно чужестранки, путешествующие вместе. Во всяком случае – не замеченные мужчинами.

– Они и еще какой-то плечистый малый, – продолжал Бэрим. – Похоже, это тот самый Далин, который был с ними, когда они спалили у Нимов сарай. Кто бы он ни был, они задержались ненадолго в «Девятерной упряжке», выпили там по стаканчику и уехали. О той домашней девичке мне парни все уши прожужжали. Улыбки расточала налево-направо, зазывная такая походочка... В общем, из-за нее чуть буза не поднялась, а потом она всех утихомирила таким же образом. Чтоб мне сгореть, но я не прочь повстречаться с какой-нибудь доманькой!

– Узнал, куда они направились, Бэрим? – невозмутимо спросил Брин. Сам он этого узнать не сумел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.